

FACULTY
OF EDUCATION
Charles University

Пражская Русистика 2019

Prague Russian Studies 2019

Jakub Konečný (ed.)

*Univerzita Karlova
Pedagogická fakulta
Praha 2019*

Prague Russian Studies 2019

a reviewed collection of contributions from a conference held on 28th of May 2019, Prague

Editor: Jakub Konečný

Host: Department of Russian and Language Teaching Methodology, Faculty of Education,
Charles University

Organizing committee:

PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D., PhDr. Jakub Konečný, Ph.D.

Reviewers:

Mgr. Elena Vasilyeva, CSc.

PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D.

PaedDr. Zuzana Liptáková, Ph.D.

PaedDr. Antonín Hlaváček

PhDr. Jakub Konečný, Ph.D.

doc. Mgr. Natalia Getmanenko, CSc.

Authors take full responsibility for the language level of their reviews.

Publisher: Charles University - Faculty of Education

Published: 2019

Edition number: 1

Pages: 155

ISBN: 978-80-7603-111-1

Пражская Русистика 2019

рецензированный сборник статей конференции, состоявшейся 28 мая 2019 г. в Праге

Якуб Конечны (составитель)

Организатор:

Кафедра русистики и лингводидактики Педагогического факультета Карлова Университета

Организационный комитет:

PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D., PhDr. Jakub Konečný, Ph.D.

Рецензенты:

Елена Анатольевна Васильева, кандидат пед. наук (Mgr. Elena Vasilyeva, CSc.)

Ленка Розбоудова, доктор (PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D.)

Зузана Липтакова, доктор (PaedDr. Zuzana Liptáková, Ph.D.)

Антонин Главачек, доктор (PaedDr. Antonín Hlaváček)

Якуб Конечны, доктор (PhDr. Jakub Konečný, Ph.D.)

Наталия Ивановна Гетьманентко, доцент, кандидат наук (doc. Mgr. Natalia Getmanenko, CSc.)

За языковой уровень отдельных статей несут ответственность их авторы.

Издательство: Карлов Университет – Педагогический факультет

Год издания: 2019

Издание: первое

Количество страниц: 155

ISBN: 978-80-7603-111-1

Аннотация:

Сборник статей «Пражская Русистика 2019» посвящён темам из области русистики, в частности методике преподавания русского языка как иностранного, проблемам лингвистики, литературоведения и культурологии и является результатом работы международной научной конференции «Пражская Русистика 2019», которая состоялась 28 мая 2019 г. в г. Прага (Чешская Республика).

Abstract:

Collection of papers „Prague Russian Studies 2019“ is devoted to issues in the field of Russian studies, specifically the problems of methodology of teaching Russian as a foreign language, to problems of linguistics, literary science and culturology. This collection of papers is a result of the international scientific conference „Prague Russian Studies 2019“, which took place on 28 May 2019 in Prague (Czech Republic).

Ключевые слова:

Русский язык как иностранный, методика преподавания русского языка как иностранного, проблемы лингвистики, проблемы литературоведения, проблемы культурологии.

Key words:

Russian as a foreign language, methodology of teaching Russian as a foreign language, issues of linguistics, issues of literary science, issues of linguistic and culture.

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОНОМНОСТИ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ПОМОЩЬЮ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ	7
СИТУАЦИОННЫЕ РОЛЕВЫЕ ИГРЫ КАК МЕТОД ТЕСТИРОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ	17
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ВЫБРАННЫХ МОДЕЛЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ .	31
ЯВЛЕНИЕ ОБРАТНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЖИВУЩИХ В СЛОВАКИИ	39
ОБУЧЕНИЕ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	50
ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО БИРЖЕВОГО ЖАРГОНА	56
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ.....	67
К ВОПРОСУ О АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ КОМИЗМА	75
К ПРОБЛЕМАТИКЕ ПЕРЕВОДА ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА – КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ...	83
АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТИЦА <i>НЕ... БЫ</i> В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ГРАММАТИСТОВ	92
О РОЛИ ЧАСТИЦ В ОБРАЗОВАНИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ	98
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПТ И К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ КОНЦЕПТОВ В СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	105
ПРОИЗВЕДЕНИЕ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ.....	115
АНТОНА ЧЕХОВА «УЛОВКА-22»	123
ВАГНЕРИАНСКИЙ СЛОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНЫ ГУРО (СВЕРХПОВЕСТЬ <i>БЕДНЫЙ РЫЦАРЬ</i>).....	131
КРИПТОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ «ВСЕЯСВЕТНАЯ ГРАМОТА»: СТРАТЕГИИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СТОРОННИКОВ	142

CONTENT

SHAPING STUDENTS' AUTONOMY IN THE FOREIGN-LANGUAGE TEACHING PROCESS BY USING AUTHENTIC MATERIALS.....	7
SITUATIONAL ROLE-PLAYING AS A METHOD FOR TESTING THE FORMATION OF SOCIOLINGUISTIC COMPETENCE IN THE RUSSIAN LANGUAGE TEACHING	17
LINGUISTIC ASPECT IN SELECTED COMMUNICATIVE COMPETENCE MODELS.....	31
PHENOMENON OF REVERSE INTERFERENCE ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN NATIVE SPEAKERS LIVING IN SLOVAKI.....	39
TEACHING THE TEACHERS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE THE INTONATION OF RUSSIAN LANGUAGE	50
CHARACTERISTIC OF THE VOCABULARY OF RUSSIAN STOCK-EXCHANGE SLANG.....	56
WORD FORMATION PROCESS IN TEEN SLANG.....	67
TO THE QUESTION ABOUT THE AUDIOVISUAL TRANSLATION OF COMEDY	75
TRANSLATION ISSUES IN DRAMATIC TEXT – COMMUNICATIVE ASPECT	83
AN ANALYTICAL PARTICLE "NOT... " BE IN THE WRITINGS OF RUSSIAN GRAMMARS	92
ON THE ROLE OF PARTICLES IN THE FORMATION OF ANALYTICAL SYNTACTIC CONSTRUCTIONS.....	98
ON THE DETERMINATION OF THE WORD CONCEPT AND TYPOLOGY OF CONCEPTS IN SLAVIC LINGUISTICS.....	105
THE WORK “WOE FROM WIT” BY A. S. GRIBOYEDOV AS A SOURCE OF PRECEDENCE IN CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA DISCOURSE	115
ANTON CHEKHOV’S ‘CATCH-22’	123
WAGNER’S LAYER IN WORKS OF YELENA GURO (SVERHPOVEST <i>POOR KNIGHT</i>)	131
CRYPTOLINGUISTIC THEORY “VSEJASVETNAJA GRAMOTA”: INTERNAL MECHANISMS OF ENGAGING PEOPLE.....	142

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОНОМНОСТИ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ПОМОЩЬЮ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

SHAPING STUDENTS' AUTONOMY IN THE FOREIGN-LANGUAGE TEACHING PROCESS BY USING AUTHENTIC MATERIALS

Эва Тарг

Резюме:

В данной статье рассматривается вопрос использования аутентичных материалов с целью повышения уровня автономности учащихся в процессе обучения иностранному языку. Многие годы обращается внимание на потребность индивидуализации процесса обучения и формирования активной личностной позиции учащихся, а также на необходимость максимально приблизить процесс обучения языку к процессу живого общения. Для достижения этих целей применяются аутентичные материалы, которые дают возможность погрузиться в аутентичную языковую среду и сильно мотивируют учащихся к самостоятельному изучению иностранного языка. Автор статьи представляет их особую ценность, описывая опыт работы с использованием аутентичных материалов, которые соответствуют индивидуальным интересам учащихся. Внимание обращается также на необходимость выработки у учащихся навыков поиска и методов работы с аутентичными материалами, тем самым направляя их на правильный путь осознанного обучения иностранному языку.

Ключевые слова:

аутентичные материалы, автономия учащихся, мотивация, работа с аутентичными материалами.

Abstract:

This article considers the issue of using authentic materials in order to increase students' autonomy in the process of teaching foreign languages. The need to individualise the learning process and to shape an active (personal) position for students, as well as to broaden the process of learning foreign languages via live (real) communication, has been stressed for many years. To achieve these goals, authentic materials are used. Not only does this provide an opportunity for immersion in the authentic language environment, but also strongly motivates students to learn a foreign language on their own. The author of this article presents the specific benefits of authentic materials and describes the experience of working with materials which match students' individual interests. Also, emphasis is placed on the need to develop students' skills in finding authentic materials and working methods, thereby setting them on the path towards conscious foreign language learning.

Keywords:

authentic materials, students' autonomy, motivation, working with authentic materials.

Одним из широко обсуждаемых вопросов в методике обучения иностранным языкам является проблема образовательной автономности и индивидуализации обучения, а также необходимости максимального приближения процесса обучения языку к живому общению. Из-за многих изменений современного мира выпускники школ и вузов должны обладать самостоятельностью, инициативностью, готовностью к осуществлению непрерывного самообразования, рефлексией в осмыслении своих учебных действий и способностью брать ответственность за результаты своего учения

(Ходяков 2012, 98). Методисты все время задумываются, как вызвать у учащихся интерес, способствующий выработке их активной позиции, формированию навыков и умений находить нужную информацию и при всем этом, помочь им овладеть иноязычной компетенцией. Для достижения этих целей они все чаще предлагают применять аутентичные материалы, которые дают возможность погрузиться в языковую среду и сильно мотивируют учащихся к самостоятельному изучению иностранного языка.

Значение термина *автономия* широко описывается в лингводидактической литературе. Среди российских методистов, занимающихся данной проблемой, можно назвать А.Е. Капаеву (2001), Е.Н. Соловову (2004), Н.Ф. Коряковцеву (2002), Т.Ю. Тамбовкину (2007) и др. В *Методике преподавания иностранного языка*, под. ред. Т.П. Леонтьевой, термину *автономия* дается следующее определение: «способность и готовность учащихся к постановке целей в овладении ИЯ и планированию способов речевого взаимодействия, к выбору стратегий реализации целей, осуществлению рефлексии, самоконтроля и самооценки» (Леонтьева 2015, 142).

В *Словаре методических терминов* мы найдем определение *автономии обучающегося* как «положение, согласно которому изучение языка должно быть организовано на основе учета индивидуальных потребностей, интересов учащихся и учитывать принцип индивидуализации. А. обозначает возможность самостоятельного (вне аудиторных занятий) изучения языка, выбор собственных приемов и стратегий изучения языка» (Азимов, Щукин 2009, 9).

Итак, по нашему мнению, первые шаги к автономности учащихся начинаются во время занятий. Поэтому, ролью учителя является постепенная передача ответственности за собственный процесс овладения иностранным языком и направление учащихся на путь осознанного обучения. Поскольку нет двух учеников, которые учились бы точно так же, а каждый из них представляет собой отдельную индивидуальность, которая состоит только из его собственных характеристик, таких как: черты характера, жизненный опыт, мировоззрение, интересы, структура мотивов, побуждающих его изучать язык, разработанные стратегии и методы обучения (Szałek 2004, 15). Учитель должен помочь учащимся найти их собственные индивидуальные стратегии обучения. Эти стратегии могут отличаться в зависимости от возраста учащихся, их опыта обучения (особенно изучения языка), а также в зависимости от доминирующего типа восприятия информации.

Приемы и методы обучения могут применяться как сознательно, так и бессознательно. Их осознание и затем осознанное их применение позволит улучшить поведение при усвоении и использовании языка. Особенно важным является развитие навыков самообучения, основанных на индивидуальной стратегии познания, обработке, хранении и использовании языковой информации. Г.Р. Тимирбаева обращает внимание на факт, что ученики, которые владеют приемами и методами изучения языков более мотивированы и уверены в своих языковых способностях (Тимирбаева 2013, 321). Поэтому, существенным является обучение учеников не только тому, *что учить* но,

прежде всего, *как учить*, а также как самостоятельно контролировать процесс обучения (Pfeiffer 2001, 107). Автономия в процессе образования может рождаться и развиваться только в условиях определенной умственной зрелости учащихся, связанной с соответствующей мотивацией, интеллектуальной подготовкой и познавательными интересами. Поэтому условием эффективного самообразования является надежная подготовка, которую должен обеспечить учитель. Его роль, в основном, заключается в побуждении и развитии индивидуальных интересов, формировании соответствующей мотивации, уважения к знаниям, а также помощи в осознанной разработке, планировке и организации самостоятельной работы с применением подходящих методов обучения. Это является важным прежде всего потому, что изучение языка в школьных условиях не дает полной гарантии овладения языком. Оно должно быть дополнено автономными или полуавтономными формами обучения.

Н.Ф. Коряковцева выделяет следующие характеристики учебной компетенции, которая позволяет студентам заниматься самостоятельной работой в процессе изучения иностранных языков:

- учащийся умеет определить/поставить адекватную учебную задачу в той или иной учебной ситуации;
- учащийся умеет самостоятельно подобрать соответствующие средства для решения учебной задачи;
- учащийся владеет стратегиями и приемами учебной деятельности и умеет их выбрать адекватно учебной задаче и в соответствии со своим индивидуальным стилем учебной деятельности;
- учащийся умеет контролировать результаты решения учебной задачи;
- учащийся умеет внести определенную коррекцию в результат решения учебной задачи;
- учащийся осознает критерии и умеет самостоятельно оценивать свой уровень владения иностранным языком, свой опыт в изучении языка и культуры (цит. по: Тимирбаева 2013, 320).

Как указывает Ф. Ц. Джонсон, изменение традиционных отношений между учителем и учеником привело не только к повышению статуса ученика, но также к ответственности взять на себя некоторые функции, которые раньше выполнялись учителем.

Одной из функций, принятых студентом, является частичная функция организатора (a planner-director of his own learning pattern), реализация которой позволяет студенту разработать свою собственную, наиболее подходящую стратегию обучения. Благодаря этому приему, учитель оставляет ученику большую свободу в принятии решений и выборе между несколькими его вариантами (возможность выбора конкретных языковых средств, видов упражнений, учебных пособий,

необходимых для его осуществления). В этом отношении учитель должен поближе познакомиться со своими учениками, потому что среди них находятся такие, которые ценят независимость (а это большинство), но всегда есть и такие, которые не любят самостоятельного принимать решения. Учитель, наблюдая за своими учениками, решает насколько они могут самостоятельно работать (Szatek 2004, 14).

Очередная функция студента — это функция участника акта общения (an active participant in groups of different size and different make-up). Она тесно связана с коммуникативным направлением современной дидактики иностранных языков, которая в центре учебного процесса ставит взаимодействие. В соответствии с этой ориентацией ученик должен выполнять как можно меньше упражнений, а как можно в большей степени передавать и принимать конкретный словесный контент на иностранном языке (Szatek 2004, 15).

М. Шалек называет эту особенность нового, ориентированного на студентов направления в преподавании иностранных языков, «взаимодействием вместо упражнений», отличающуюся от предыдущего взгляда на язык как объект усвоения. Если во всех традиционных методах основной упор делался на овладение языком как системой, в обучении, ориентированном на учеников, основной целью обучения стала способность использовать язык в качестве инструмента общения. В дидактической практике наиболее заметным проявлением этого изменения был сдвиг центра тяжести от языковых упражнений к упражнениям с элементами взаимодействия и от формы к содержанию высказывания. В коммуникативных упражнениях на первый план выдвигается прагматическая цель, суть которой заключается в приобретении навыков передачи и получения информации, которая является субъективно важной для всех участников упражнения. Основное различие между коммуникативными и языковыми упражнениями это не только большая степень независимости студентов, но и большая информационная ценность передаваемого контента (Szatek 2004, 17).

Кроме того, ориентированное на студентов обучение предусматривает также переход ученика к обучающей и инструктивной функции (a tutor of other learners). Возможности для этого создаются благодаря применению различных форм индивидуализации обучения, особенно работы в парах и небольших командах (Szatek 2004, 15).

И наконец, Ф. Ц. Джонсон называет традиционную роль ученика как реципиента знаний (a learner with a variety of teachers) (Szatek 2004, 15).

Ж. С. Аникина, в свою очередь, выделяет следующие компоненты учебной автономии при обучении иностранному языку:

1. психологический (мотивация, рефлексия, самоконтроль, самокоррекция);
2. методологический (овладение способами и приемами самостоятельной деятельности, самоуправление учебной деятельностью);
3. коммуникативный (способность обсуждать возникшие вопросы в ходе учебного процесса с преподавателем и сокурсниками) (Аникина 2011, 151).

Одной из главных проблем современной методики обучения иностранным языкам является формирование коммуникативной компетенции. Вместе с необходимостью овладения основными средствами языка в рамках развития коммуникативной компетенции нужно выработать у учеников навыки работы с информацией: ее преобразование в зависимости от своей точки зрения и собственных представлений для последующего выражения личностного мнения о воспринятой информации при ее передаче собеседнику (Казакова, Евтюгина 2016, 50). Использование в обучении иностранным языкам материалов, выложенных в Интернете несет за собой множество преимуществ, но в то же время и большую опасность. Из-за неограниченного доступа к большому количеству информации ученику трудно найти качественную. Он не может разобраться в том, что является важным и полезным, а что не особо нужным. Поэтому ученики должны овладеть знаниями и навыками, которые позволят им эффективно использовать доступную информацию.

Информационные знания и навыки, позволяющие использовать информацию, состоят из:

1. способности указывать информационные потребности,
2. способности определять тип информации, которая заполнит пробелы в знаниях/ удовлетворит потребность получения знаний,
3. способности разрабатывать стратегию поиска информации,
4. способности получать информацию, критически оценивать ее и сравнивать,
5. способности организовывать, синтезировать, передавать и использовать информацию (Górecka 2009, 2019).

Из вышесказанного следует, что в эпоху снижения качества получаемой информации залогом успеха является выработка необходимых навыков и осознанное, критическое отношение *реципиента* к источникам информации. В этом плане собственный опыт имеет большое значение, а благодаря нему *реципиент* может оценить надежность и качество информации (Głowińska 2013, 49).

Важную роль в формировании автономии студентов играют аутентичные материалы. До сих пор выделилось несколько подходов в определении сущности термина *аутентичные материалы*. Итак, Е. В. Носонович и Р. П. Мильруд под аутентичными материалами подразумевают материалы, взятые из оригинальных источников без каких-либо обработок, которые были созданы носителем языка для носителей языка, но в дальнейшем и стали применяться в учебном процессе (Эшбоева, Ашурбоева, онлайн). Это материалы, которые используются в реальной жизни страны. К ним относятся газеты и журналы, билеты на транспорт, в театр, письма, реклама, программы радио и телевидения, объявления и др. (Азимов, Щукин 2009, 25).

Аутентичные материалы, как правило, разделяются на 3 основные группы:

1. **Аудиоматериалы,**
2. **Видеоматериалы,**
3. **Тексты.**

Более точную классификацию дает О. М. Осиянова, выделяя аутентичные аудио-видеоматериалы и прагматические материалы, которые включают в себя:

1. **Видеоматериалы** – печатные тексты и наглядный материал;
2. **Аудиоматериалы** – аудиокниги, песни, реклама и передачи по радио;
3. **Аудио-видеоматериалы** – телевизионные рекламы, художественные и документальные фильмы, телешоу, мультфильмы, клипы, новости;
4. **Прагматические материалы** — это этикетки, меню и счета, рекламные проспекты по туризму, отдыху, рабочим вакансиям, авиа- и железнодорожные билеты, программы новостей радио и телевидения, объявления и др. (Шведак, онлайн).

Использование аутентичных материалов несет за собой много преимуществ. Во-первых, они способствуют погружению в языковую среду и дают возможность послушать естественную речь носителей языка, которая отражает живую реальную действительность, тем самым подготавливая к реальным коммуникативным ситуациям; позволяют получить знания о особенностях национальной культуры и менталитета. Во-вторых, аутентичные материалы существенно повышают мотивацию к изучению иностранного языка, вызывая познавательный интерес и готовность обсуждать многие вопросы. Учащиеся чувствуют осязаемый прогресс, привыкнув к естественному темпу иноязычной речи они осознают, что восприятие иноязычной речи становится все менее сложным, силы потраченные на изучение иностранного языка, были не напрасны, а культура изучаемого языка является более понятной и близкой (Карева, онлайн). Кроме того, аутентичные материалы способствуют интенсификации обучения и расширению активного и пассивного словарного запаса.

И.И. Игнатъенко перечисляет следующие факторы, определяющие важность использования аутентичных материалов в формировании автономии учащихся:

- направленность аутентичных материалов на реальные ситуации межкультурного взаимодействия;
- культурная и страноведческая ценность, формирование чувства приобщенности к инокультурным реалиям;
- художественная ценность, проверенная временем;
- содействие развитию фантазии и раскрытию творческого потенциала;
- доступность как в печатном, так и в электронном вариантах;
- глубина идей для постановки и решения коммуникативных задач;
- наличие возможности встраивания в тематику и проблематику любого занятия;
- наличие воспитательного воздействия при условии отбора конфликто разрешающих текстов, посвященных личностным/общественным/культурным проблемам;
- возможность формирования подлинного, живого интереса к совершенствованию уровня владения иностранным языком (Игнатенко 2017, 106).

На основе теоретических сведений мы провели исследование при обучении русскому языку в трех группах студентов первого и второго курсов русской филологии Жешувского университета. Исследование проводилось во время второго семестра 2018/2019 года. Первая группа состояла из 13 человек, вторая - из 16, а третья - из 10. Общее количество исследуемых студентов составило 39 человек.

С целью формирования автономии студентов, развития коммуникативной компетенции и овладения навыками поиска информации нами было задано еженедельное задание, суть которого заключалась в приобретении знаний на иностранном языке на интересующие студентов темы, связанные с их увлечениями. Данное задание сопровождалось следующей установкой: *Расскажите, пожалуйста, что вы прочитали/ посмотрели/ послушали на русском языке в течение недели? На какого интересного человека вы подписались в соцсетях?*

На подготовительном этапе работы с аутентичным материалом главной задачей учителя является подготовка студентов к осознанному их поиску. Прежде чем они приступят к самостоятельной работе с большим объемом информации на иностранном языке, необходимо подсказать им, как находить материалы, соответствующие индивидуальным увлечениям, какие ключевые слова вписывать в поисковик, как пользоваться иностранными интернет-сайтами (ознакомить их с лексикой, напр. *смотреть онлайн, подписаться на канал, войти, скачать, файл, зарегистрироваться, подробнее, добавить в избранное* и т.п., для того, чтобы они стали сознательными пользователями Интернета), а вместе с тем указывать на то, каким образом добыть нужные знания из разных источников. Учитель может создать список Интернет-сайтов, благодаря которому ученики не теряются в потоке информации, легко находя полезные материалы для разработки интересной темы.

На следующем этапе студенты ищут аутентичные материалы и с их помощью расширяют знания на интересующие их темы. Затем они должны подготовить небольшое высказывание, о том что они прочитали/ посмотрели/ послушали на русском языке в течение недели. Что нового узнали, какую новую лексику им удалось усвоить с помощью этих материалов. Кроме того, они должны создать собственный глоссарий, выписать слова и выражения, которые раньше были им неизвестны и попробовать их толковать на русском языке, а затем перевести на родной язык.

Во время занятий студенты делятся своими новыми знаниями, опытом, новой интересной лексикой и ссылками, а также задают дополнительные вопросы друг другу. Дискуссия длится в среднем около 30 минут. На доске выписываются новые, интересные слова и выражения, которые студенты усвоили по выбранной теме, а затем учитель объясняет непонятные выражения и явления связанные, напр. с культурными различиями. Предоставление студентам возможности решать, о чем они будут говорить в течение следующих 30 минут, способствует более активному отношению, к своей избранной теме. Предлагается также создание сайта или группы в соцсетях,

позволяющих студентам выложить интересующие их материалы и дать возможность одноклассникам прокомментировать их непосредственно в Интернете.

Из наших наблюдений следует, что студенты предпочитают смотреть короткие видеоролики на YouTube, КВН, Инстастории русских звезд и моделей, фильмы, а также слушать песни. Менее охотно они читают длинные тексты. Темы которые появились во время дискуссии это, чаще всего, информация, связанная с культурой, менталитетом, о том как живется в России, указывающая отличия между русскими и поляками, исторические и литературные темы, информация о народных танцах, спорте, русской музыке. Кроме того, нами обсуждались темы путешествий, как модно одеваться, как делать макияж, как воспитывать детей, в чем заключается воздействие новых технологий на жизнь человека, как выбрать дизайн интерьера и т.п. Мы также заметили, что возможность обсуждения интересных для студентов тем и возможность поделиться своими увлечениями весьма сплотила группу. Это задание вызвало желание поделиться со своими одноклассниками интересной информацией и дать возможность обмениваться своим опытом, вследствие чего создались новые дружеские отношения, особенно тогда, когда оказалось, что у многих есть схожие увлечения и много тем интересных для обсуждения, даже вне уроков. Студенты, отвечая на вопрос: *Что вам больше всего нравится в этом задании?* подтвердили наши наблюдения, выражая свою радость по поводу предоставления им возможности обсуждения интересующих их тем, особенно касающихся культурных и языковых реалий. По их мнению, они достигли языкового прогресса, который проявляется в более уверенном выражении своего мнения и умении отстаивать свою точку зрения на иностранном языке. Кроме того, студенты обратили внимание на то, что благодаря этому заданию они больше узнали о своих одноклассниках.

По нашему мнению, это упражнение способствует повышению мотивации, уровня самосознания, самодисциплины, личной ответственности за результат, удовлетворения потребности в самосовершенствовании и самопознании. Кроме того, студенты оказались более вовлеченными в самостоятельную учебно-познавательную деятельность, которая характеризуется наличием цели, внутренней мотивацией, направленной на выполнение этой деятельности и выражение собственных мыслей и чувств средствами ИЯ, планом и структурой действий, возможностью изменить процесс или скорректировать результат (Леонтьева 2015, 143). Кроме того, благодаря этому упражнению у студентов значительно расширился словарный запас, страноведческие знания, а также выработались навыки эффективного поиска и отбора информации.

Использованная литература / References

Печатные источники:

АЗИМОВ, Э. Г., ЩУКИН А. Н. (2009): *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. Москва: ИКАР, 2009. 448 с. ISBN 978-5-7974-0207-7.

ИГНАТЕНКО, И.И. (2017): *Применение аутентичных материалов для автономного обучения студентов*, In *Наука и школа*. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», 2017 №4. 200 с. ISSN 1819-463X.

КАЗАКОВА, М.А., ЕВТЮГИНА, А. А. (2016): *Аутентичные текстовые материалы в обучении иностранному*. In *Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество*. Улан-Удэ: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет», 2016 №4. 76 с. ISSN 2307-3330.

КАПАЕВА, А.Е. (2001): *О формировании готовности учащихся к самообучению иностранным языкам*. In *Иностранные языки в школе*, 2001. № 3. 159 с. ISSN 0130-6073.

КОРЯКОВЦЕВА, Н. Ф. (2002): *Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык. Пособие для учителей*. Москва: АРКТИ, 2002. 176 с. ISBN 5-89415-244-5.

ЛЕОНТЬЕВА, Т.П. (2015): *Методика преподавания иностранного языка: учебное пособие*. Минск: Вышэйшая школа, 2015. 239 с. ISBN 978-985-06-2659-2.

СОЛОВОВА, Е.Н. (2004): *Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка: интегративно-рефлексивный подход*. Москва: Глосса-Пресс, 2004, 336 с. ISBN 5-7651-0105-4.

ТАМБОВКИНА, Т.Ю. (2007): *Самообучение иностранным языкам: проблемы и перспективы*. Калининград : Изд-во Российского гос. ун-а им. Иммануила Канта, 2007. 319 с. ISBN 978-5-88874-773-5.

ТИМИРБАЕВА, Г.Р. (2013): *Опыт развития автономности студентов в процессе изучения иностранных языков в системе дополнительного профессионального образования*, In *Вестник Казанского технологического университета*. Казань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский национальный исследовательский технологический университет», 2013 № 23. 335 с. ISSN 1998-7072.

ХОДЯКОВ, Д.А. (2012): *Образоваельная автономность изучающих иностранные языки: способность или готовность?*, In *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. Волгоград: Федеральное государственное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», 2012 № 10(74). 160 с. ISSN 1815-9044.

GŁOWIŃSKA, B. (2015): *Wykorzystanie internetowych serwisów informacyjnych w rozwijaniu umiejętności wypowiedzania się w języku niemieckim*. In *Linguodidactica XIX*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2015 т. XIX. 286 с. ISSN 1731-6332.

GÓRECKA, J. (2009): *Korzystanie z internetowych zasobów a rozwijanie osobistej kompetencji komunikacyjnej w nauczaniu/ uczeniu się na poziomie zaawansowanym. Kompetencje warsztatowe nauczyciela języków obcych*. In *Problemy współczesnej dydaktyki języków obcych*, red. M. Pawlak. Poznań-Kalisz: Polskie Towarzystwo Neofilologiczne, 2009. 445 с. ISBN: 978-83-62135-06-6.

PFEIFFER, W. (2001): *Nauka języków obcych. Od praktyki do praktyki*. Poznań: WARGOS, 2001. 226 с. ISBN 83-87388-02-5.

SZAŁEK, M. (2004): *Jak motywować uczniów do nauki języka obcego?* Poznań: WARGOS, 2004. 185 с. ISBN 83-87388-78-5.

Онлайн-источники:

АНИКИНА, Ж.С. (онлайн): *Учебная автономия как неотъемлемый компонент процесса обучения иностранному языку в XXI в.* In *Вестник Томского государственного университета*. Томск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», 2011. 206 с. ISSN 2411-1953. [онлайн]. Режим доступа: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=857&article_id=6039 [дата обращения: 20.05.2019].

КАРЕВА, Н.В. (онлайн): *Использование аутентичных аудио и видео материалов для повышения мотивации изучения иностранного языка.* In *Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ»*. Москва: Издательский центр «Науковедение», 2014 №3. ISSN 2223-5167. [онлайн]. Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/71PVN314.pdf/> [дата обращения: 22.05.2019].

ШВЕДАК, А. И. (онлайн): *Сущность понятия «аутентичные материалы» в контексте обучения иностранному языку,* In *Молодой ученый*. Казань: Издательство Молодой ученый, 2018 №22. 484 с. ISSN 2072-0297. [онлайн]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/208/50892/> [дата обращения: 21.05.2019].

ЭШБОЕВА, Д. А., АШУРБОЕВА, М. Р. (онлайн): *Сущность и классификация «аутентичных материалов».* In *Молодой ученый*. Казань: Издательство Молодой ученый, 2014 №10. 574 с. ISSN 2072-0297. [онлайн]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/69/11907/> [дата обращения: 20.05.2019].

Профиль автора:

Эва, Тарг, аспирант, магистр.

Научные интересы: Аутентичные материалы как средство повышения мотивации при самостоятельном обучении лексике.

e-mail: ewa.targ11@gmail.com

Место работы: Жешувский университет/ Институт русской филологии, Жешув, Al. mjr. W. Kopisto, 2b, 35-315, Польша.

Author's profile:

Ewa Targ, PhD student, master's degree.

Research interests: Authentic materials as a motivator factor in acquiring foreign language lexis.

e-mail: ewa.targ11@gmail.com

Place of work: University of Rzeszów / Department of Russian Philology, Rzeszów, Al. mjr. W. Kopisto, 2b, 35-315, Poland.

СИТУАЦИОННЫЕ РОЛЕВЫЕ ИГРЫ КАК МЕТОД ТЕСТИРОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

SITUATIONAL ROLE-PLAYING AS A METHOD FOR TESTING THE FORMATION OF SOCIOLINGUISTIC COMPETENCE IN THE RUSSIAN LANGUAGE TEACHING

Янина Крейчи

Резюме:

В практике преподавания иностранных языков ролевые игры часто используются в качестве методического приема, применяемого с целью закрепления тематической лексики в процессе формирования речевых умений, в частности говорения. Однако ролевые игры можно успешно применять для контроля знаний и умений учащихся, а также в академических исследованиях в качестве инструмента для сбора данных. В данной статье приведены конкретные результаты исследования, целью которого было определение способности учащихся употреблять фразы вежливости в выбранных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова:

ролевые игры, ситуационно-ролевые игры, фразы вежливости, социолингвистическая компетенция, дидактика иностранных языков, обучение русскому языку.

Abstract:

In foreign language teaching role-playing is often used as way to consolidate thematic vocabulary in the process of forming speech skills, in particular speaking. However, role-playing games can be also used to test students' knowledge and skills. They can also be a tool for data collection in academic studies. This article presents the specific results of the study, the purpose of which was to determine the ability of students to use phrases of politeness in certain communicative situations.

Keywords:

role-playing, situational role-playing, phrases of politeness, social linguistic competention, didactics of foreign languages, teaching of Russian language.

Моделирование практических ситуаций занимает особое место среди активных форм и методов обучения школьников. Ролевые игры представляют для дидактики и методики преподавания иностранных языков несомненный интерес, поскольку сочетают в себе элементы игры, драматизации, фантазии и импровизации. При проведении ролевых игр у их участников развиваются и проявляются творческие способности, а также формируются и реализуются умения и навыки спонтанно реагировать в коммуникативных ситуациях. Как подчеркивают Е. Левина и Л. Лазутова, игра в качестве модели реальной действительности может задать в обучении иностранному языку профессиональный, социальный и предметный контексты коммуникативной деятельности, и тем самым смоделировать максимально близкие к

настоящим условия общения (Левина, Лазутова 2018, 207-210). Существует несколько подходов к классификации ролевых игр. Так Р. П. Мильруд и И. Р. Максимова предлагают классификацию, основанную на степени контроля реализации ролей, и выделяют следующие типы ролевых игр:

- контролируемая ролевая игра, в ходе которой участники получают необходимые реплики;
- умеренно-контролируемая ролевая игра, когда участникам предоставляется лишь общее описание сюжета и отдельных ролей;
- свободная ролевая игра, в которой участникам известны общие обстоятельства общения, однако направления действий они должны выбрать сами (Мильруд, Максимова 2000, 9-16).

Другой подход к классификации ролевых игр основан непосредственно на характере их проведения; при этом выделяются:

- сюжетно-ролевые игры,
- театрализованные ролевые игры,
- ситуационные ролевые игры (Современное обучение, воспитание, образование, онлайн).

Сюжетно-ролевые игры наиболее широко представлены в работах многих педагогов и психологов, например, Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, Р.И. Жуковской, Д.Г. Усовой и других. В этих играх дети воспроизводят в ролях все то, что они видят вокруг себя в жизни и деятельности взрослых. Сюжеты могут быть разнообразными (бытовые, производственные, общественные); учебная деятельность при этом направлена на взаимное общение участников учебного процесса. Театрализованная ролевая игра представляет собой разыгрывание в лицах литературных произведений (сказки, рассказы, инсценировки). Герои литературных произведений становятся действующими лицами, а их приключения, события жизни - сюжетом игры. Ситуационная ролевая игра представляет собой комплекс определенных действий для решения задач социального общения в конкретных коммуникативных ситуациях. Участники таких игр исполняют строго заданные роли в условиях смоделированной ситуации на основе заранее подготовленных заданий.

В практике преподавания иностранных языков ролевые игры чаще используются в качестве методического приема, используемого с целью закрепления тематической лексики в процессе формирования речевых умений, в частности говорения. Однако ролевые игры могут также с успехом применяться с целью контроля и оценки знаний и умений учащихся. Кроме того, Р. Кабрал считает данный методический прием „ценной техникой, используемой в академических исследованиях в качестве инструмента для сбора данных“ (Кабрал 1987, с. 470-482). В данной статье мы представляем результаты исследования, в котором инструментом сбора данных является умеренно-контролируемая ситуационная ролевая игра, применяемая с целью контроля знаний и умений учащихся, связанных с формированием социолингвистической компетенции при изучении русского языка как иностранного. Целью исследования было определить

способность учащихся 9 классов чешских основных школ правильно использовать фразы вежливости в выбранных коммуникативных ситуациях. Согласно основным документам европейской и чешской образовательной политики (SERRJ 2002, с. 120; RVP ZV 2017, с. 17; Standardy základního vzdělávání, 2013, с. 12–13), обучение речевому этикету представляет собой один из факторов формирования социолингвистической компетенции как составной части коммуникативной компетенции, являющейся целью обучения иностранному языку. Достижение учащимися уровня владения языком A1 представляет собой цель изучения русского языка в чешских основных школах. Согласно документу „Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка“, формирование социолингвистической компетенции на уровне A1 предполагает, что учащийся „умеет участвовать в простейших ситуациях общения, использовать повседневные вежливые формы приветствия и прощания, обращения, может выразить приглашение, принять приглашение, извиниться, отреагировать на извинение и т.д.“ (SERRJ 2002, с. 120).

Ролевая игра является примером межличностного общения, при котором реализуется коммуникативная цель обучения. Реализация ролевой игры предопределяет интенсивное общение между ее участниками, что в результате развивает у них коммуникативные способности, формирует связную речь. Роль является средством реализации сюжета, отождествлением участника игры с каким-либо персонажем, образцом того, как надо действовать. Исходя из этого образца, учащийся оценивает поведение участников игры, а затем и свое собственное. Таким образом, ролевая игра является эффективным приемом для формирования норм речевого этикета, воспитания культуры поведения.

Конкретными задачами нашего исследования было получение ответов на следующие вопросы:

- Каким образом учащиеся проявляют вежливость в выбранных коммуникативных ситуациях?
- Какие коммуникативные ситуации являются сложными с точки зрения проявления вежливости?
- Какие ошибки допускают учащиеся в использовании фраз вежливости?

На основе вышеприведенных документов, а также с учетом тематических планов учителей основных школ и содержания учебника русского языка „Радуга по-новому“, нами были разработаны ситуационно-ролевые задания, реализующиеся в следующих коммуникативных ситуациях:

- 1) знакомство;
- 2) приглашение на день рождения;
- 3) просьба (при формальном общении с учителем);
- 4) просьба и извинение (при неформальном общении с другом).

Исследование проводилось в двух группах девятиклассников двух основных школ Южноморавского края в конце учебного года, когда учащиеся заканчивают изучение русского языка как второго иностранного в рамках обучения в основной школе.

Учащиеся были разделены по парам, каждой паре были предоставлены по четыре карточки с описанием ситуационно-ролевых заданий. Всего в исследовании приняли участие 32 респондента. Реализация ситуационно-ролевых игр была записана на диктофон; впоследствии была проведена транскрипция аудиозаписей и осуществлен их контент-анализ.

Основной исследуемой категорией была речевая вежливость. В качестве подкатегорий были выделены грамматический (употребление морфологической формы) и лексический (употребление фразы) аспекты вежливости. В связи с тем, что учащиеся достигли лишь начального уровня владения языком, в качестве исследуемых категорий не был выделен фонетический аспект вежливости, который можно исследовать у респондентов с более высоким уровнем владения языком. По той же причине в данное исследование мы не включили другие способы проявления вежливости (например, использование условного наклонения, либо проявление вежливости на синтаксическом уровне).

Разработанную нами категориальную систему представляем в Таблице 1.

Таблица 1. Категориальная система

Категория	Подкатегории	Переменные
Речевая вежливость	Грамматический аспект вежливости	P₁ – Форма общения на „ты“ и на „вы“
	Лексический аспект вежливости	P₂ – Приветствие (добрый день, здравствуй, здравствуйте, привет) P₃ – Прощание (пока, до свидания) P₄ – Ответ при знакомстве (очень приятно, рад/а познакомиться) P₅ – Обращение (по имени, по имени и отчеству) P₆ – Поздравление с днем рождения (поздравляю с днем рождения, другие варианты поздравления и пожеланий) P₇ – Сожаление (очень жаль, извини – как форма сожаления) P₈ – Поддержка (ничего страшного) P₉ – Благодарность (спасибо, благодарю) P₁₀ – Извинение (извини, извините, прости, простите)

		P₁₁ – Использование слова „пожалуйста“
--	--	--

Каждая переменная была исследована посредством кодов. Система кодирования переменных обеих подкатегорий представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Система кодирования

Категория	Подкатегория	Код	Значение кода
Речевая вежливость	Грамматический аспект вежливости	1	Адекватное безошибочное употребление морфологической формы
		2	Неадекватное употребление морфологической формы
		3	Адекватное употребление морфологической формы с ошибкой
		N	Не оценивается
	Лексический аспект вежливости	1	Адекватное безошибочное употребление фразы вежливости
		2	Неадекватное употребление фразы вежливости
		3	Адекватное употребление фразы вежливости с ошибкой
		4	Неупотребление фразы вежливости
		N	Не оценивается

В первой ситуационной ролевой игре респондентам было необходимо смоделировать ситуацию неформального знакомства. Участник 1 должен был играть роль ученика, в класс которого приходит новый ученик. Его задачей было проявить инициативу к знакомству и задать несколько вопросов, типичных для данной ситуации. Участник 2 должен был играть роль новичка и реагировать на вопросы одноклассника. Для решения данной коммуникативной ситуации было разработано и предоставлено респондентам следующее ситуационно-ролевое задание:

Участник 1: Do tvé třídy přišel nový spolužák/spolužačka. Seznam se s ním/ní (řekni svoje jméno, zeptej se na jeho/její jméno, řekni, že tě těší, zeptej se odkud přijel/a).

Участник 2: Jsi nový žák/nová žačka ve třídě. Seznam se se spolužákem/spolužačkou (odpověď na jeho/její dotazy).

В данной ситуации использовались и оценивались приветствие (P₂), ответ при знакомстве (P₄), а также реализация грамматического аспекта вежливости (P₁). Результаты исследования переменных в первой коммуникативной ситуации представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Результаты исследования переменных в первой ситуационно-ролевой игре

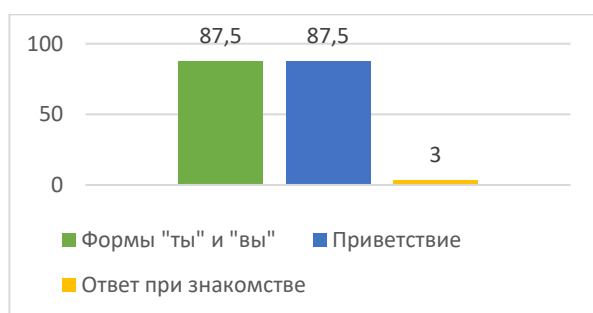
Переменная	Общее число употреблений	Код 1		Код 2		Код 3		Код 4	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
P ₁	32	28	87,5	4	12,5	0	0	-	
P ₂	32	28	87,5	0	0	4	12,5	0	0
P ₄	32	1	3	0	0	1	3	30	94

Грамматический аспект вежливости, проявляющийся в адекватном использовании форм „ты“ и „вы“, был успешно реализован в 87,5% случаев. Такое же процентное соотношение было выявлено в случаях адекватного и правильного использования форм приветствий (*zdravstvuj* и *privet*). В 12,5% случаев были обнаружены ошибки, связанные с употреблением формы приветствия *zdravstvoyte* вместо *zdravstvuj* или *privet*. Адекватная фраза вежливости при знакомстве (*очень приятно, рад/а познакомиться, приятно познакомиться*) была правильно использована лишь в 3% случаев; в следующих 3% случаев были допущены ошибки при использовании соответствующих фраз. В 94% случаев респонденты не использовали указанные фразы.

С точки зрения лингвистической сложности респонденты оценивают данную коммуникативную ситуацию как несложную. Неиспользование фраз *очень приятно, рад/а познакомиться, приятно познакомиться* объясняют тем, что их не знали или забыли; некоторые респонденты указывают, что хотели использовать слово *privet* (по аналогии с чешским *ahoj*), но не были уверены в адекватности его употребления в ответ на знакомство.

Результаты адекватного и правильного употребления фраз вежливости в коммуникативной ситуации знакомства приведены в Диаграмме 1.

Диаграмма 1. Адекватное и правильное употребления фраз вежливости при знакомстве (в %).

Во второй ситуационной ролевой игре участникам было необходимо смоделировать ситуацию приглашения в гости и поздравления с днем рождения. Участник 1 должен был играть роль именинника и пригласить одноклассника на день рождения. Участник 2 должен был вежливо отказаться от приглашения, объяснить причину и поздравить именинника с днем рождения. Для решения данной коммуникативной ситуации было разработано и предоставлено респондентам следующее ситуационно-ролевое задание:

Участник 1: V sobotu máš narodeniny. Pozvi kamaráda/kamarádku na oslavu. Reaguj podle jeho/jejích odpovědí.

Участник 2: Kamarád/ka tě zve na oslavu narodenin v sobotu. Bohužel, v pátek odjíždíš na hory. Slušně reaguj na pozvání, vysvětli situaci a popřej k narodeninám.

В данной ситуации использовались и оценивались приветствие (P₂), обращение (P₅), поздравление с днем рождения (P₆), выражение сожаления (P₇) и благодарности (P₉), а также грамматический аспект вежливости (P₁). Результаты исследования переменных в данной коммуникативной ситуации представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Результаты исследования переменных во второй ситуационно-ролевой игре

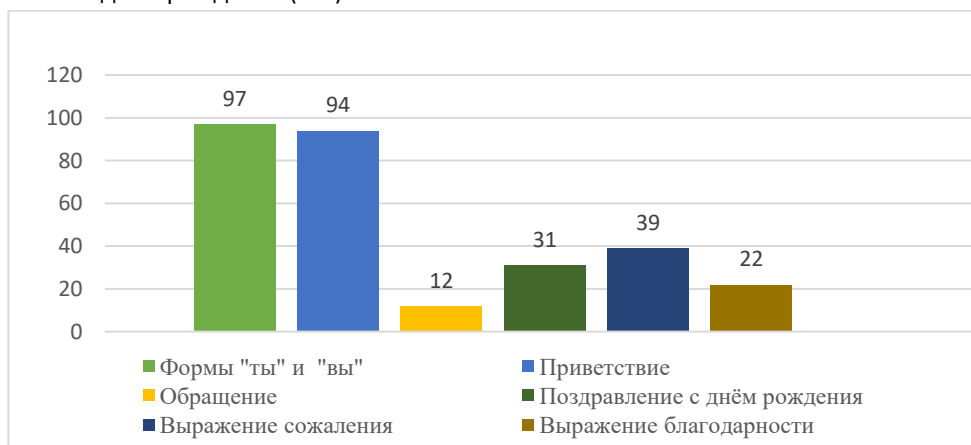
Переменная	Общее число употреблений	Код 1		Код 2		Код 3		Код 4	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
P ₁	32	31	97	1	3	0	0	-	
P ₂	32	30	94	0	0	1	3	1	3
P ₅	32	4	12	0	0	0	0	28	88
P ₆	16	5	31	0	0	4	25	7	44
P ₇	28	11	39	7	25	3	11	7	25
P ₉	32	7	22	0	0	2	6	23	72

Грамматический аспект вежливости, проявляющийся в использовании форм обращения на „ты“ и на „вы“, был адекватно и безошибочно реализован на 97%. Несоответствующие неформальному общению формы (например, обращение на „вы“

при приветствии) проявились в 3% случаев – ошибки связаны с использованием слова *здравствуйте* вместо *здравствуй* или *привет*. При анализе приветствий было обнаружено 94% случаев адекватного и правильного использования формул приветствия. Адекватное и безошибочное использование форм обращения было обнаружено в 12% случаев; в 88% случаев респонденты не использовали обращение. Поздравление с днем рождения было адекватно и безошибочно реализовано в 31% случаев; 25% респондентов допустили ошибки при адекватном обращении (замена слов, использование неправильных грамматических форм); 44% респондентов не смогли выразить поздравление с днем рождения.

Выражение сожаления при отказе от приглашения (*к сожалению, очень жаль, извини*) адекватно и безошибочно проявилось в 39% случаев; неадекватные выражения были использованы в 25% случаев. Ошибки при адекватном использовании соответствующих фраз (чаще всего замена слов) были допущены в 11% случаев. Сожаление не выразили 25% респондентов, прокомментировав, что „забыли“ или „не знали, как сказать“. Выражение благодарности (*спасибо, благодарю*) адекватно и безошибочно проявилось лишь в 22% случаев; 6% респондентов при адекватном использовании фразы допустили ошибки, используя неверную грамматическую форму; 72% респондентов благодарность не выразили. Результаты адекватного и правильно употребления фраз вежливости во второй коммуникативной ситуации.

Диаграмма 2. Адекватное и правильное употребление фраз вежливости при приглашении и поздравлении с днем рождения (в %).

С точки зрения лингвистической сложности ситуацию приглашения в гости и поздравления с днем рождения респонденты оценивают как „не слишком сложную“. При анализе переменных в этом исследовании было обнаружено, что в данной ситуации респонденты успешно реализуют грамматический аспект вежливости, а также в большинстве случаев правильно используют фразы приветствия. Неиспользование соответствующих фраз при поздравлении с днем рождения, а также ошибки при использовании респонденты объясняют тем, что „эту тему изучали давно и уже забыли“. Выражение благодарности проявилось лишь 22% случаев, при этом респонденты не смогли ответить, почему в большинстве случаев они не использовали выражения для

проявления благодарности, хотя при этом понимают, что в данной ситуации это необходимо.

В третьей ситуационно-ролевой игре участники должны были смоделировать ситуацию просьбы при формальном общении. Участник 1 должен был играть роль школьника, который обращается с просьбой к учителю. Участник 2 должен был играть роль учителя и отреагировать на просьбу. Для решения данной коммуникативной ситуации было разработано и предоставлено респондентам следующее ситуационно-ролевое задание:

Участник 1: *Všimneš si na chodbě pana učitele/paní učitelky. Oslov ho/ji, popros, aby ti dala pracovní list z minulé hodiny, na které jsi chyběl/a kvůli nemoci. Po jeho/její odpovědi slušně zareaguj.*

Участник 2: *Jsi učitel/ka, kterou žák/žáčka požádá o pracovní list. Řekni mu/jí, aby přišel/přišla pro pracovní list po skončení výuky, že ho nachystáš. Rozluč se.*

В данной ситуации использовались и оценивались приветствие (P₂), прощание (P₃), обращение (P₅), выражение благодарности (P₉), использование слова „пожалуйста“ (P₁₁), а также грамматический аспект вежливости (P₁). Результаты исследования переменных в данной коммуникативной ситуации представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Результаты исследования переменных в третьей ситуационно-ролевой игре.

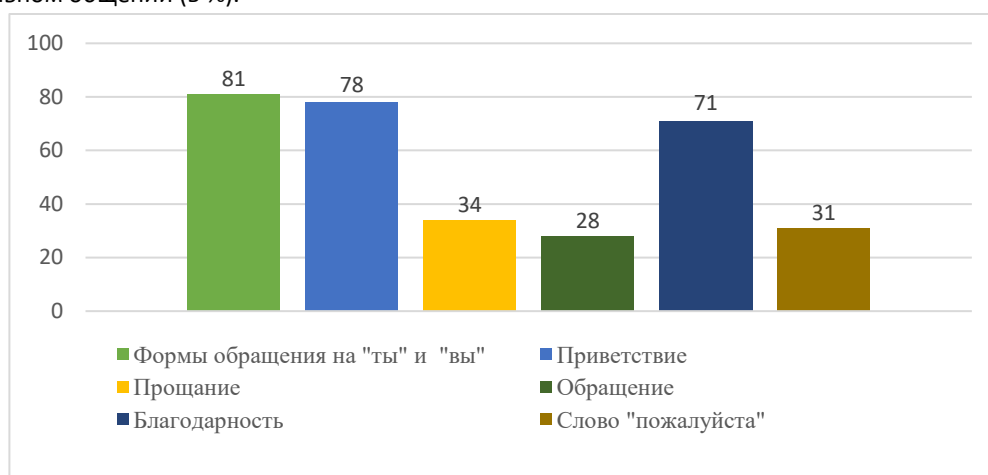
Переменная	Общее число употреблений	Код 1		Код 2		Код 3		Код 4	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
P₁	32	26	81	2	6	4	13	-	
P₂	32	25	78	0	0	0	0	7	22
P₃	32	11	34	4	13	2	6	15	47
P₅	32	9	28	14	44	0	0	9	28
P₉	17	12	71	2	12	0	0	3	17
P₁₁	16	5	31	1	6	2	13	8	50

Грамматический аспект вежливости, проявляющийся в использовании форм обращения на „ты“ и на „вы“, адекватно и правильно реализовался на 81%. Неадекватное использование формы обращения на „ты“ (в ситуации обращения школьника к учителю) было обнаружено в 6% случаев. В 13% случаев мы наблюдали адекватное использование формы обращения на „вы“, однако при этом респонденты допустили ошибку, использовав грамматическую форму глагола, которая соответствует обращению на „ты“ (например, *вы дала* вместо *вы дали*). Адекватное безошибочное употребление фраз приветствия составляет 78%; в 22% случаев респонденты фразы приветствия не использовали. Фразы, соответствующие вежливому прощанию, употребление которых требовалось от участников ролевой игры, были адекватно и безошибочно использованы в 34% случаев; фразы, не соответствующие ситуации

прощания, использовались 13% респондентов; 6% респондентов допустили ошибки при использовании адекватных фраз; 47% респондентов фразы прощания не использовали. Адекватную безошибочную форму обращения респонденты употребили в 28% случаев; неадекватную – в 44% случаев; обращение не использовали 28% респондентов. Наиболее проблематичным оказалось обращение к учителю – никто из участников, игравших роль школьника, которому необходимо обратиться к учителю, не использовал адекватных форм обращения. Благодарность респонденты выразили адекватно и без ошибок в 71% случаев; в 12% случаев использовали неадекватные выражения; 17% респондентов благодарность не выразили. Правильное употребление слова *пожалуйста*, являющегося обязательным в ситуации просьбы при формальном общении, было выявлено лишь в 31% случаев; неадекватные фразы использовались в 6% случаев; 50% респондентов слово *пожалуйста* не употребили.

Результаты адекватного и правильного употребления фраз вежливости в третьей ситуационно-ролевой игре приведены в Диаграмме 3.

Диаграмма 3. Адекватное и правильное употребления фраз вежливости в ситуации просьбы при формальном общении (в %).

Коммуникативную ситуацию общения с учителем с точки зрения лингвистической сложности респонденты характеризуют как очень сложную. В данной ситуации необходимо было смоделировать обращение с просьбой к учителю и к учащемуся. С целью обращения к учителю участники ролевой игры использовали неверные выражения, например, чешские формы обращения *paní učitelko* и *pane učiteli*, а также неадекватные в данной ситуации формы *magistr учитель, учительница, учитель*. Большинство участников не употребили никаких форм обращения. С точки зрения участников данной ситуационно-ролевой игры проблематичным оказался недостаточный словарный запас для решения коммуникативной ситуации, описанной в задании (*рабочий лист, после урока, подготовить*). Неиспользование слова *пожалуйста* респонденты объясняют тем, что они направили внимание и усилия на поиск подходящих слов для решения задания, при этом забыли о необходимости проявить вежливость.

В четвертой ситуационно-ролевой игре участники должны были смоделировать ситуацию просьбы и извинения при неформальном общении. Участник 1 должен был играть роль школьника, который одолжил однокласснику тетрадь и просит ее вернуть. Участник 2 должен был играть роль одноклассника, который забыл принести одолженную тетрадь и извиниться. Для решения данной коммуникативной ситуации было разработано и предоставлено респондентам следующее ситуационно-ролевое задание:

Участник 1: Potkáš kamaráda/kamarádku, kterému/které jsi půjčil/a svůj sešit do matematiky. Oslov ho/ji, pozdrav, zeptej se, zda ti ten sešit přinesl/a. Reaguj na odpověď, že se nic nestalo, požádej, aby ten sešit přinesl/a zítra. Rozluč se.

Участник 2: Potkáš kamarádku/kamaráda, od které/ho sis půjčil/a sešit. Reaguj na pozdrav a na dotaz ohledně sešitu odpověz, že jsi ho zapomněl/a doma. Omluv se a řekni, že ho přineseš zítra. Rozluč se.

В данной ситуации использовались и оценивались приветствие (P₂), прощание (P₃), обращение (P₅), выражение поддержки (P₈), извинение (P₁₀), а также грамматический аспект вежливости (P₁). Результаты исследования переменных в данной коммуникативной ситуации представлены в Таблице 6.

Таблица 6. Результаты исследования переменных в четвертой ситуационно-ролевой игре.

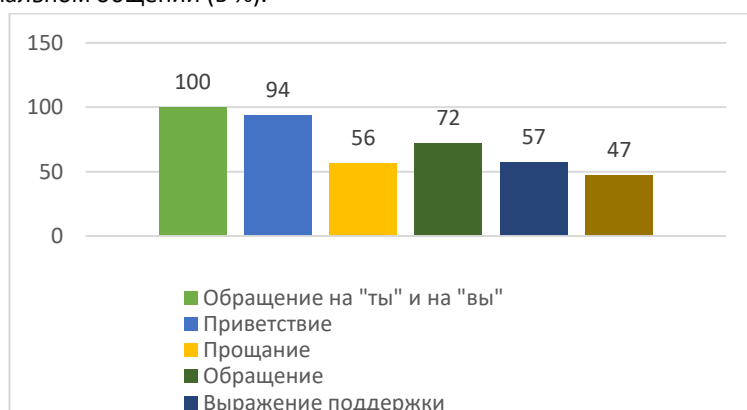
Переменная	Общее число употреблений	Код 1		Код 2		Код 3		Код 4	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
P₁	31	31	100	0	0	0	0	-	
P₂	32	30	94	0	0	0	0	2	6
P₃	32	18	56	2	6	3	9	9	28
P₅	32	23	72	0	0	1	3	8	25
P₈	16	9	57	2	12	1	6	4	25
P₁₀	15	7	47	0	0	0	0	8	53

Грамматический аспект вежливости был в данной ситуации адекватно и безошибочно реализован в 100% случаев. Адекватное безошибочное употребление фраз приветствия составляет 94%; 6% респондентов фразы приветствия не употребили. Фразы вежливости при прощении были адекватно и безошибочно использованы в 56% случаев, неадекватно - в 6%; при адекватном использовании фразы ошибки были допущены в 9% случаев; 28% респондентов фразы прощания не употребили. Адекватную и безошибочную форму обращения респонденты использовали в 72% случаев; ошибки были допущены в 3% случаев адекватного использования форм; обращение не использовали 25% респондентов. Адекватное и безошибочное использование формул поддержки было обнаружено в 57% случаев, неадекватные выражения были использованы в 12% случаев; в 25% случаев формы выражения

поддержки респонденты не употребили. В данной коммуникационной ситуации было необходимо использовать формы извинения, успешность употребления которых составляет 47%; 53% респондентов формулы извинения не использовали.

Результаты адекватного и правильного употребления фраз вежливости в четвертой ситуационно-ролевой игре приведены в Диаграмме 4.

Диаграмма 4. Адекватное и правильное употребления фраз вежливости в ситуации просьбы при неформальном общении (в %).

Четвертое ситуационно-ролевое задание респонденты характеризовали как несложное. Неиспользование фраз извинения практически в половине случаев респонденты объясняют тем, что их использование „не считают необходимым“ в конкретной ситуации общения с одноклассником, несмотря на то, что в данном случае извинение необходимо в социолингвистическом аспекте, а также приведено в задании для участников игры.

Таким образом, в данном исследовании с помощью ситуационно-ролевых игр мы определили, что при решении выбранных коммуникативных задач учащиеся используют фразы вежливости в различных ситуациях с различной успешностью. Наиболее успешно реализуют грамматический аспект вежливости, который проявляется в адекватном и безошибочном использовании форм общения на „ты“ и на „вы“. Высокий процент успешности проявляется также в использовании формул приветствия. Наиболее трудной для решения с социолингвистической точки зрения оказалась ситуация формального общения учащегося с учителем, в частности, крайне проблематичным для участников ситуационно-ролевых игр было использование формы обращения к учителю. Наиболее частыми ошибками в употреблении фраз вежливости являлась замена фраз; также достаточно часто учащиеся не использовали фразы вежливости, даже если это было указано в задании или было необходимо в ходе коммуникативной ситуации с точки зрения социокультурных требований. В целом результаты исследования показывают, что при решении коммуникативных задач основное внимание учащиеся уделяют подбору тематической лексики; соблюдение правил речевой вежливости при этом отходит на второй план.

Приведенный в статье пример исследования показывает, что ролевые игры можно использовать в академических исследованиях в качестве инструмента для сбора данных, а также использовать в качестве методического приема для оценки знаний и умений учащихся в процессе обучения иностранному языку. Результаты данного исследования подчеркивают необходимость целенаправленного обучения учащихся речевому этикету в процессе преподавания русского языка в чешских основных школах с целью формирования социолингвистической компетенции.

Использованная литература / References

Печатные источники:

CABRAL, R. J. (1987): Role-playing as group intervention. *Small group research*, 18 (4), с. 470-482. SAGE Publications, 1987. ISSN 1046-4964

Онлайн-источники:

ЛЕВИНА Е. А., ЛАЗУТОВА Л. А. (онлайн): Использование ролевой игры в качестве практико-ориентированного задания при обучении иностранному языку в педагогическом вузе. In *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 8. Ч. 1. с. 207-210. Тамбов: Грамота, 2018. ISSN 1997-2011. [онлайн]. Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/47.html> [дата обращения: 02.06.2019].

МИЛЬРУД Р. П., МАКСИМОВА И. Р. (онлайн): Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам. *Иностранные языки в школе*. № 4. с. 20-26. Москва: ООО "Методическая мозаика", 2000. ISSN 0130-6073. [онлайн]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36739822> [дата обращения: 02. 06. 2019].

СОВРЕМЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ (онлайн): *Современное обучение, воспитание, образование* [онлайн]. Режим доступа: <http://www.firsteducation.ru/> [дата обращения: 02. 06. 2019].

МŠMT (онлайн). Rámcový vzdělávací program pro základní vzdělávání, 2017. Praha: MŠMT. [онлайн]. Режим доступа: <http://www.msmt.cz/vzdelavani/zakladni-vzdelavani/ucebni-dokumenty> [дата обращения: 05. 06. 2019].

МŠMT (онлайн). Společný evropský referenční rámec pro jazyky: jak se učíme jazykům, jak je vyučujeme a jak v jazycích hodnotíme. 2. české vyd. Olomouc: Univerzita Palackého, 2006. ISBN 80-244-1425-2. [онлайн]. Режим доступа: <http://www.msmt.cz/mezinarodni-vztahy/spolecny-evropsky-referencni-ramec-pro-jazyky> [дата обращения: 05. 06. 2019].

МŠMT (онлайн). Standardy základního vzdělávání, 2013. Praha: Národní ústav pro vzdělávání. [онлайн]. Режим доступа: <http://www.nuv.cz/t/zarazeni-standardu-do-rvp-zv> [дата обращения: 25.06.2019].

Профиль автора

Янина Крейчи, магистр, преподаватель русского языка

Научные интересы: обучение речевому этикету, формирование социолингвистической и социокультурной компетенции, дидактика иностранных языков.

e-mail: janina.krejci@ped.muni.cz

Место работы: Кафедра русского языка и литературы, Педагогический факультет, Университет им. Масарика

Author's profile:

Janina Krejčí, Mgr., teacher of Russian language

Research interests: teaching speech etiquette, the formation of sociolinguistic and socio-cultural competence, didactics of foreign languages.

e-mail: janina.krejci@ped.muni.cz

Place of work: Department of Russian language and literature, Faculty of Education, Masaryk University

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ВЫБРАННЫХ МОДЕЛЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

LINGUISTIC ASPECT IN SELECTED COMMUNICATIVE COMPETENCE MODELS

Татьяна Савченко

Резюме:

Коммуникативная компетенция является основным понятием в дидактике иностранных языков. В статье представлены выбранные модели коммуникативной компетенции с акцентом на лингвистический аспект.

Ключевые слова:

лингвистическая компетенция, коммуникативная компетенция, дидактика иностранного языка, грамматическая компетенция, русский язык как иностранный

Abstract:

Communicative competence is the main concept in the didactic of foreign languages. The article presents the selected models of communicative competence with the focus on the linguistic aspect.

Keywords:

linguistic competence, communicative competence, didactics of a foreign language, grammatical competence, Russian as a foreign language

Формирование коммуникативной компетенции учащихся является одной из ключевых задач, которая стоит перед преподавателями иностранных языков. Коммуникативная компетенция — это многоаспектное понятие, в которое в разное время исследователи и языковеды вкладывали разный смысл. Однако все они сходились во мнении, что одним из центральных звеньев коммуникативной компетенции является компетенция лингвистическая.

Термин *компетенция* впервые стал использоваться в работах американского лингвиста, автора теории порождающей грамматики, Н. Хомского (N. Chomsky, 1965). Н. Хомский использовал выражение *лингвистическая компетенция* (или *языковая компетенция*), понимая под ним систему правил функционирования языка, которые внутренне присущи говорящему.

Н. Хомский противопоставлял такие понятия, как лингвистическая компетенция и речевая практика¹, т.е. знание языка говорящим/слушающим и использованием языка в конкретных речевых ситуациях.

Понятие *коммуникативная компетенция* было впервые использовано в исследованиях американского лингвиста Д. Хаймса (D. Hymes, 1972), полагавшего, что изучающему иностранный язык нужно владеть не только лингвистической

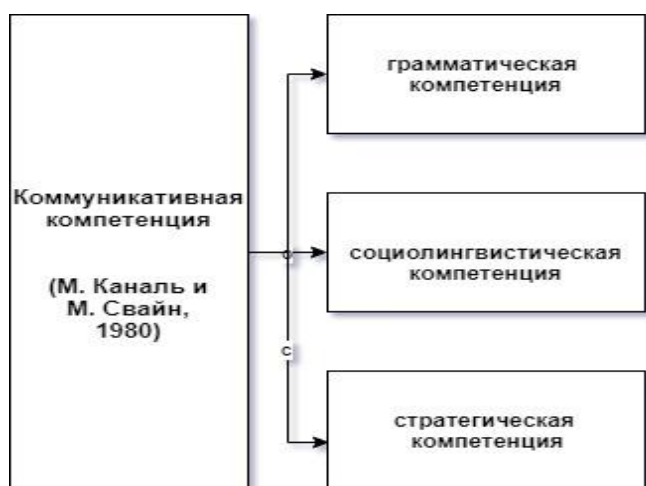
¹ Competence vs performance.

компетенцией, но ему также необходимо правильно применять язык в практике общения (Хаймс, 1972, 269-291).

Концепция коммуникативной компетенции в дальнейшем получила развитие различных моделей данной компетенции таких учёных, как М. Каналь и М. Свейн (Canale M & Swain M., 1980), Я. А. ван Эк (J.A. van Ek, 1987), Л.Ф.Бахман (L.F. Bachman, 1990), М. Байрам (Byram, 1997), Т. Хедж (Hedge, 2000) Э. Усо-Хуан и А. Мартинез-Флор (E. Usó-Juan and A. Martínez-Flor, 2006) и других.

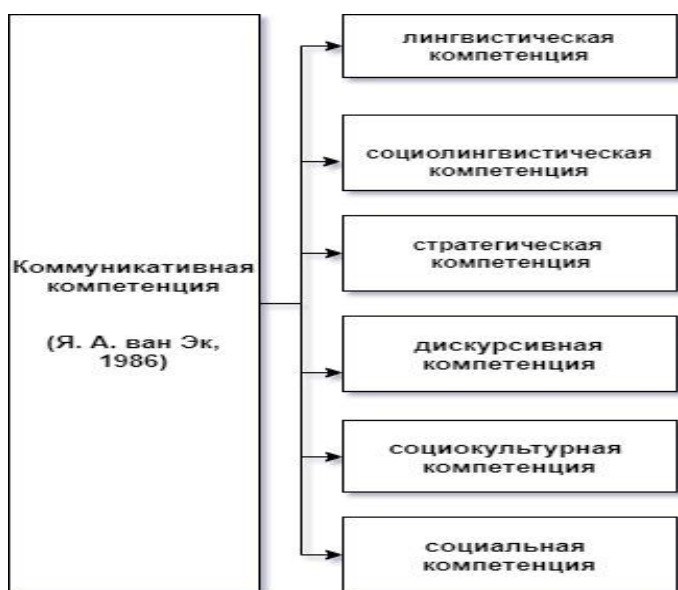
В начале 1980-х годов М. Каналь и М. Свайн (Canale & Swain, 1980) предложили модель коммуникативной компетенции, складывающуюся из трёх других компетенций: грамматической, социолингвистической и стратегической. Под социолингвистической компетенцией авторы понимали соответствие высказываний по смыслу и форме в конкретной речевой ситуации, под стратегической — компенсацию вербальными и невербальными средствами недостаточности речевого и социального опыта общения в иноязычной среде, а также недостаточности знания языка. Дискурсивная компетенция предполагала способность построения логичных и связных высказываний в устной и письменной речи. В грамматическую компетенцию входило знание фонологии, лексики, морфологии, синтаксиса и структурно-грамматической семантики (Каналь, 1980, 29-32).

Схема 1: Модель коммуникативной компетенции М. Каналь и М. Свайн, 1980

Современная европейская языковая политика основывается на программном документе „Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка“ (SERRJ, 2001) на содержание которого значительное влияние оказала концепция коммуникативной компетенции голландского учёного Я. А. ван Эка (J.A. van Ek, 1987). В соответствии с ней коммуникативная компетенция состоит из следующих шести компетенций: лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, стратегической, социокультурной и социальной.

Схема 2: Модель коммуникативной компетенции Я. А. ван Эка, 1987

Согласно Я. А. ван Эку социолингвистическая компетенция включает в себе умение использовать и истолковывать языковые формы в соответствии с ситуацией общения или контекстом; дискурсивная компетенция — умение понимать и логически выстраивать отдельные высказывания с целью достижения смысловой коммуникации; целью стратегической компетенции является способность при необходимости использовать вербальные и невербальные стратегии для того, чтобы компенсировать недостающие знания; социокультурная компетенция предполагает, что говорящий на иностранном языке знаком с социокультурным контекстом страны изучаемого языка, а социальная — что говорящий готов к вербальному контакту с другими и умеет управлять ситуацией общения. Содержание модели лингвистической компетенции Я. А. ван Эка согласуется с ранее упомянутой моделью грамматической компетенции М. Каналы и М. Свайн. Лингвистическая компетенция согласно Я. А. ван Эку — это знание лексических единиц, языковой структуры (грамматики), знание графики и правописания, знание звуков, интонационных конструкций, а также умение разделять предложения на смысловые группы (ван Эк, 1987, 39-65).

Примерно в одно время с Я. А. ван Эком американский лингвист Л. Ф. Бахман (L. F. Bachman, 1990) также разработал подробную структуру коммуникативной компетенции, назвав её «коммуникативная языковая способность». Эта способность складывается из языковой компетенции, стратегической компетенции и психофизиологических механизмов, которые впоследствии были исключены из модели 1996 г. Языковая компетенция в свою очередь подразделяется на компетенцию организационную и прагматическую. Организационная компетенция — на компетенцию грамматическую и текстовую, а прагматическая — на иллокутивную и социолингвистическую. В модели Л. Ф. Бахмана стратегическая компетенция — это центр, к которому поступает информация из языковой компетенции, знаний о контексте,

мире, постановка целей, оценка и поиск наиболее оптимальных путей решения коммуникативных задач (Бахман, 1990, 84-109).

Схема 3: Модель коммуникативной компетенции Л.Ф. Бахмана (1990)

Согласно теории Л. Ф. Бахмана, грамматическая компетенция складывается из знания отдельных языковых компонентов, таких как лексика, синтаксис, морфология, фонология/графика, а также правил их организации на уровне предложения (Бахман, 1990, 87).

Содержание грамматической компетенции Л. Ф. Бахмана соотносится с содержанием ранее проанализированных моделей лингвистической компетенции М. Каналь и М. Свайн и модели Я. А. ван Эка.

В 2006 г. Э. Усо-Хуан и А. Мартинез-Флор (Uso-Juan & Martinez-Flor, 2006) разработали модель коммуникативной компетенции, в которую вошли пять компетенций: лингвистическая, прагматическая, межкультурная, стратегическая и дискурсивная. В эту модель были также включены четыре вида речевых умений: умение читать, писать, воспринимать информацию на слух и говорить.

Схема 4: Модель коммуникативной компетенции Э. Усо-Хуан и А. Мартинез-Флор (2006)

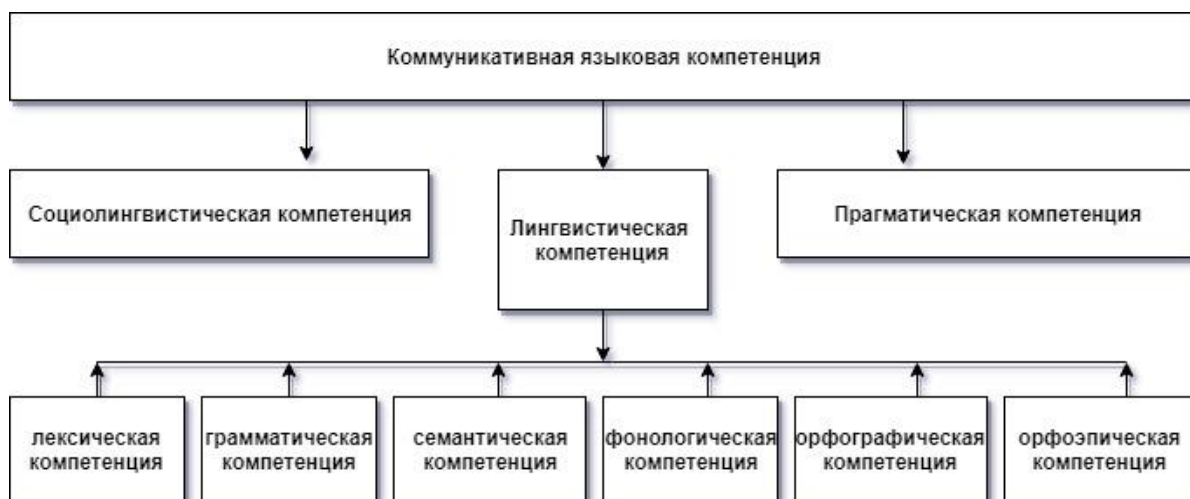
Под стратегической компетенцией Э. Усо-Хуан и А. Мартинез-Флор понимают владение коммуникативными стратегиями, которые используются для компенсации недостающих знаний, а также владение стратегиями изучения иностранного языка. Прагматическая компетенция предполагает знание языковых функций и грамотное их использование в практике общения, интеркультурная компетенция — знание социокультурных правил и межкультурных различий участников коммуникативного акта, лингвистическая компетенция — знание языка как системы (фонологии, грамматики, лексики), благодаря которому происходит успешное продуцирование устной и письменной речи. Дискурсивная компетенция является центральным звеном модели и включает в себе способность построения связных и логичных высказываний в устной речи и на письме (Усо-Хуан, А. Мартинез-Флор, 2006, 15–19).

В программном документе *„Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка“* (SERRJ, 2001) в понятие коммуникативной языковой компетенции входят лингвистическая, социолингвистическая и прагматическая компетенции. В социолингвистической компетенции находят отражение социокультурные условия использования языка, а прагматическая компетенция подразумевает использование языковых средств в определенных функциональных целях согласно тем или иным схемам взаимодействия между говорящими. Прагматическая компетенция также включает овладение дискурсом, когерентность, распознавание типов и форм текстов, пародии и иронии (SERRJ, 2003,12).

В лингвистическую компетенцию включаются: лексическая, грамматическая, семантическая, фонологическая, орфографическая и орфоэпическая компетенции. Лексическая и грамматическая компетенции — это знание словарного состава языка, его

грамматических и лексических элементов и умение использовать их в речи в соответствии с языковыми нормами. Грамматическая компетенция — это знание правил грамотного построения предложений, а семантическая — владение семантической, прагматической и грамматической семантикой. Фонологическая компетенция подразумевает знание фонетической организации слов, правил редукции, интонационных конструкций и умение пользоваться этими знаниями на практике. В орфоэпическую компетенцию входит знание правил правописания, умение работать со словарём, знание правил пунктуации и в случае с многозначными словами умение определять значение слова по контексту. Овладение орфографической компетенцией означает, что изучающий иностранный язык способен понять и воспроизвести языковые символы, из которых состоит текст (SERRJ, 2001, 111-120).

Схема 5: Модель коммуникативной языковой компетенции в программном документе „Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка“ (SERRJ, 2001)

На основании анализа выбранных моделей коммуникативной компетенции можно сделать вывод, что каждая модель включает в себя лингвистический аспект, несмотря на то, что в разных моделях этот аспект получает разные названия: грамматическая компетенция в модели М. Каналь и М. Свайн (1980) и в модели Л.Ф. Бахмана (1990); лингвистическая компетенция в модели Я. А. ван Эка (1987), модели Э. Усо-Хуан и А. Мартинез-Флор (2006) и в программном документе „Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка“ (SERRJ, 2001).

В проанализированных моделях лингвистический аспект складывается из подобных компонентов (знание фонологии, графики, лексики, орфографии, синтаксиса, морфологии), которые, однако, у разных авторов получают разные названия. К примеру, Я. А. ван Эк (1987) считает, что в лингвистическую компетенцию входит умение разделять предложения на смысловые группы, а Л.Ф.Бахман (1990) говорит о необходимости

уметь работать с языковыми единицами на уровне предложений. Оба эти навыка говорят о способности работать с единицами языка на синтаксическом уровне.

В отличие от других упомянутых моделей, в модели Э. Усо-Хуан и А. Мартинез-Флор (2006) лингвистическая компетенция является частью дискурсивной, куда также включаются четыре вида речевых умений (аудирование, говорение, чтение и письмо).

По нашему мнению, концепт лингвистической компетенции наиболее разработан в программном документе „Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка“ (SERRJ, 2001), потому что в нем четко прописаны подкатегории, из которых состоит лингвистическая компетенция (лексическая, грамматическая, семантическая, фонологическая, орфографическая, орфоэпическая компетенции) и каждая подкатегория получает подробное описание.

Использованная литература/References

Печатные источники:

BACHMAN, L. F. (1990): *Fundamental considerations in language testing*. Oxford: Oxford University Press, 1990. 420 с. ISBN-10: 9780194370035

BYRAM, M. (1997). *Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 1997. 136 с. ISBN: 9781853593772

CANALE, M., SWAIN, M. (1980): *Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing*. *Applied Linguistics*, 1, 1–47. DOI: 10.1093/applin/1.1.1

CHOMSKY, N. (1965): *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 1965. 251 с. ISBN-10: 0262530074

HYMES, D. (1972): On communicative competence. In: J. B. Pride, J. Holme (Eds.), *Sociolinguistics*. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. 381 с. ISBN:0140226583

HEDGE, T (2000). *Teaching and Learning in Language Classroom*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 464 с. ISBN-10: 0194421724

USO-JUAN, E., MARTÍNEZ-FLOR, A. (2006). *Current trends in the development and teaching of the four language skills*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. 498 с. ISBN-10: 3110189682

VAN EK, J. A. (1987). *Objectives for foreign language learning, Volume II: Levels*. Strasbourg: Council of Europe, 1987. 77 с. ISBN-10: 9287109222

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка (2003). Москва: МГЛУ, 2003. 259 с.

Онлайн-источники:

MSMT (онлайн) *Společný evropský referenční rámec pro jazyky : Jak se učíme jazykům, jak je vyučujeme a jak v jazycích hodnotíme* [онлайн]. Режим доступа: <http://www.msmt.cz/mezinarodni-vztahy/spolecny-evropsky-referencni-ramec-pro-jazyky> [дата обращения: 08.04.2019]

Профиль автора:

Татьяна Савченко, магистр

Научные интересы: методика преподавания русского как иностранного, поэзия для детей.

e-mail: savchenko@ped.muni.cz

Место работы: Кафедра русского языка и литературы, Педагогический факультет, Университет им. Масарика

Author's profile:

Mgr. et Mgr. Tatiana Savchenko

Research interests: Russian as a Foreign Language teaching methodology, poetry for children

e-mail: savchenko@ped.muni.cz

Place of work: Department of Russian language and literature, Faculty of Education, Masaryk University

ЯВЛЕНИЕ ОБРАТНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЖИВУЩИХ В СЛОВАКИИ

PHENOMENON OF REVERSE INTERFERENCE ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN NATIVE SPEAKERS LIVING IN SLOVAKIA

Елизавета Мадей

Резюме:

В статье представлены и проанализированы некоторые случаи обратной языковой интерференции на примере речи русскоязычных эмигрантов, проживающих в Словакии. Рассматриваются конкретные примеры лексических интерферем словачского языка, проникших в русскую речь говорящих посредством прямого заимствования лексических единиц и лексико-семантической интерференции.

Ключевые слова:

межъязыковая омонимия, межъязыковая полисемия, языковой контакт, лексическая интерференция

Abstract:

Objective of this article is to introduce the phenomenon of reverse interference through analysis of the speech of Russian native speakers. Concrete examples of lexical interferema borrowed from the Slovak language to Russian language of migrants by directly adopting lexical units and lexical and semantic interference, are provided in the article.

Keywords:

interlingual homonymy, interlingual polysemy, language contact, lexical interference

Изучение языковых контактов является одним из перспективных направлений современного языкознания. В последнее время в рамках теории языковых контактов, а также в билингвологии большое внимание уделяется проблематике, связанной с языковой интерференцией, под которой прежде всего следует понимать (негативные) последствия взаимовлияния контактирующих языков. Согласно одному из выдающихся контактных лингвистов, Уриелю Вайнрайху, к явлениям интерференции относятся «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» (Вайнрайх 1979, 20). При этом следует отметить, что «два или несколько языков находятся *в контакте*, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо» (там же, 20). Интерес современной лингвистики, однако, чаще направлен на исследование интерференции родного языка учащегося на изучаемый язык (т.е. на *прямую интерференцию*), в то время как проблематике *обратной интерференции*, заключающейся в отрицательном воздействии изучаемого языка на родной, до сих пор посвящено относительно малое количество научных работ.

Причиной дефицита внимания, уделяемого обратной интерференции, может быть существование нескольких исследовательских подходов к определению и

классификации языковой интерференции. В рамках одних лингвистических теорий рассматривается и принимается только однонаправленная языковая интерференция, представляющая собой деформацию изучаемого (иностранного) языка под влиянием родного. Другие же исследователи допускают и разностороннюю направленность интерференции, заключающуюся как в воздействии на изучаемый, так и в воздействии на родной язык. Следует отметить, что несогласованность исследовательских подходов ведет к некоторой неомогенности в терминологическом аппарате. Так, для обозначения влияния иностранного языка на родной язык билингвов наряду с термином *обратная интерференция* применяется термин *интрекаляция* (Карлинский 1978, 111-119). В качестве одного из основных различий интерференции и интрекации, помимо направления языкового влияния, обычно указывается неконтролируемость интерференции сознанием билинга при контролируемости механизма интрекации (Мандренко 2009, 227). Однако опыт общения автора настоящей статьи с билингвами показывает, что воздействие иностранного языка на речевую деятельность билинга может проявляться и помимо его воли, т.е. происходить неосознанно и неконтролируемо. По этой причине в рамках настоящей статьи мы будем оперировать термином «обратная интерференция», поскольку его номинативный план эксплицитно подразумевает инверсное направление языкового влияния.

Согласно С. Е. Кузьминой обратная интерференция «имеет место тогда, когда билингв хорошо владеет иностранным языком, часто и свободно его использует. Иными словами, когда у билинга сформированы навыки речевой деятельности на иностранном языке» (Кузьмина 2009, 228). При интенсивном использовании иностранного языка происходит перенос закономерностей и норм иностранного языка в навыки речи на родном языке. Чаще всего обратной интерференции подвергаются студенты лингвистических специальностей, преподаватели иностранных языков, устные переводчики или эмигранты, длительное время проживающие за рубежом. В данной статье мы постараемся проанализировать некоторые проявления обратной лексической интерференции на примере русской речи эмигрантов, живущих в Словакии. Следует подчеркнуть, что предлагаемый в статье анализ интерференции основан исключительно на наблюдении и не имеет подтверждающего статистического материала, полученного посредством количественного или качественного методов исследования.

По мнению А. Ю. Жлуктенко лексическая интерференция может проявляться посредством:

- а) прямого заимствования лексических единиц,
- б) калькирования лексических единиц,
- в) лексико-семантической интерференции (Жлуктенко 1974, 158).

В настоящей статье будут рассмотрены примеры прямого заимствования лексических единиц и лексико-семантической интерференции.

Прямое заимствование слов встречается в русской речи эмигрантов чаще всего в виде межъязыковых омонимов и ксенизмов, или т.н. иноязычных вкраплений. При межъязыковой омонимии «коррелятивные по форме слова двух контактных языков

ошибочно воспринимаются носителями того и другого языка как семантически тождественные и употребляются в качестве эквивалента при переводе. При этом основанием для ошибочного вывода о тождественности семантического наполнения таких слов служит их звуковое сходство» (Савина 2011, 53). Русский и словацкий языки в силу своего общего происхождения имеют большое количество лексем, частично или полностью совпадающих по плану выражения, но отличающихся по плану содержания, именно это становится причиной проявления словацкой интерференции в речи носителей русского языка (Дулебова, Крюкова 2017, 20). Феномен межъязыковой омонимии в свою очередь можно рассматривать как с точки зрения нарушения семантического поля слова, так и с точки зрения нарушения морфологических характеристик той или иной лексемы.

Семантическая межъязыковая омонимия происходит в случае, когда корреляты сходны на формальном уровне, но полностью либо частично различаются на уровне содержания: словац. *záchvat* (букв. *приступ*) – русс. *захват*, словац. *prístup* (букв. *доступ*; *подход к чему-либо, кому-либо*) – русс. *приступ*, словац. *posádka* (букв. *экипаж*) – русс. *посадка*, словац. *trup* (букв. *туловище*) – русс. *труп*, словац. *baňa* (букв. *шахта*) – русс. *баня*, словац. *dostať* (букв. *получить*) – русс. *достать*, словац. *zakázať* (букв. *запретить*) – русс. *заказать*, *prázdný* (букв. *пустой*) – русс. *праздный*, *chýtrý* (букв. 1. *быстрый* 2. *умный, способный*) – русс. *хитрый*, *lakomý* (букв. *жадный*) – русс. *лакомый*, *akurátne* (букв. *точный, правильный*) – русс. *аккуратный* и др. Так, по причине сходства настоящих коррелятов в плане выражения русские эмигранты, владеющие словацким языком, переносят в русскую речь неверные и не подходящие по контексту лексические единицы, упуская из виду информацию о том, что сходие по форме корреляты не всегда соответствуют друг другу в плане содержания.

Одним из часто встречающихся межъязыковых омонимов является лексема *термин*, которую русскоязычное население Словакии использует в значении «срок; конкретное время, дата»: *Дайте мне термин, когда я могу прийти*. Согласно словарю С. И. Ожегова русская лексема *термин* является однозначной и обозначает «слово или словосочетание – название определенного понятия какой-н. специальной области науки, техники, искусства» (Ожегов, Шведова 2003, 795). В данном случае заметно воздействие словацкого языка, в котором лексема *термин* является омонимом, имеющим два значения: 1. срок, конкретное время, дата; 2. название специального понятия. Так, не контролируя правильности своей речи, русские эмигранты переносят омонимию словацких лексических единиц в русский язык.

Еще одним примечательным примером семантической межъязыковой омонимии является пара коррелятов *рожок* – *rožok*. В русской речи эмигрантов зачастую можно услышать лексему *рожок*, употребленную в значении мягкой продолговатой булочки, напоминающей булочку для хот-дога, называемой в Словакии *rožok*. Русская лексема *рожок* является многозначной и помимо других сем имеет значение «название различных изделий, предметов в форме рога, расширяющей трубки: *вафельный рожок*» (ср. словац. *kornútok*) и «небольшой узкий белый хлебец в форме полукруга» (ср. словац.

sladký rožok) (Ожегов, Шведова 2003, 682). Так, русскоязычный человек, не владеющий словацким языком и не знающий словацкой культуры, услышав лексему *рожок*, вместо продолговатой булочки для хот-дога представит себе булочку в форме месяца, называемую рожок, или рогалик.

Морфологическая межъязыковая омонимия возникает между коррелятами в случае их совпадения по содержанию и расхождения по форме: русс. *футболист* – словац. *futbalista*, русс. *лингвист* – словац. *lingvista*, русс. *перфекционист* – словац. *perfekcionista*, русс. *гепатит* – словац. *hepatitída*, русс. *суверенитет* – словац. *suverenita*, русс. *иммунитет* – словац. *imunita*, русс. *аттракцион* – словац. *atrakcia* и др.. Воздействие словацкого языка на русский язык можно заметить и на примере употребления русскоязычным населением слов *агентура* вместо *агентство*, *багета* вместо *багет*, *полупенсия* вместо *полупансион*, *толеранция* вместо *толерантность*, *колегиня* вместо *коллега* (о женщине) и др. Причиной возникновения морфологических диапаронимов может быть то, что «интернациональные суффиксы в разных языках по-разному сочетаются с интернациональными и исконными основами» (Савина 2011, 54). Появление данных ошибок в речи эмигрантов обусловлено прежде всего явлением, называемым некоординированным билингвизмом, т.е. таким состоянием языковой компетенции говорящего, когда два кода или две системы норм – родного языка и контактного языка – не дифференцированы полностью.

Речь русскоязычных говорящих в Словакии в целом характеризуется обилием т.н. «иноязычных вкраплений», или «окказионализмов / ксенизмов». Негативное воздействие словацкого языка на родной язык эмигрантов приводит к возникновению в их речи ненормативных высказываний, в которых обнаруживаются чужеродные (словацкие) лексические единицы. Следует подчеркнуть, что зачастую использование таких «вкраплений» в русской речи является намеренным и преследует цель достижения определенного выразительного эффекта. В таких случаях иноязычные слова несут функцию самовыражения и самоутверждения говорящего. «Именуемая реалья для эмигранта не новая, и ее русское обозначение заведомо известно, однако русский выбирает ее иноязычную форму выражения как желание или способ заявить о своей принадлежности к новому социокультурному пространству» (Багана, Блажевич 2011, 14). Так, русскоязычное население, проживающее в Словакии, зачастую намеренно употребляет словацкие лексические единицы *тешим са*, *зажиток*, *уживайте си*, имеющие эквивалент или аналог в русском языке.

Сами говорящие обосновывают употребление данных лексем в своей речи тем, что последние имеют более выразительный и красноречивый план содержания, т.е. используемые ими «вкрапления» несут экспрессивно-стилистическую функцию. С точки зрения говорящего слова *тешим са*, *зажиток*, *уживать си* и др. более точно, компактно, легко и более эмоционально выражают мысль. В некоторой степени с данным утверждением можно согласиться, поскольку вышеприведенные словацкие лексемы действительно имеют широкий диапазон применения и при желании их точного перевода на русский язык необходимо исходить из контекста их употребления,

а следовательно, предлагать несколько вариантов перевода. Так, лексему *tešiť sa* в зависимости от контекста можно перевести следующим образом:

- 1) *teším sa na vás zajtra* – **жду** нашей завтрашней **встречи**,
- 2) *teším sa, že ste prišli* – **я рад**, что вы пришли,
- 3) *tešíš sa na cestu?* – **тебе хочется** ехать?
- 4) *tešíme sa na vašu odpoveď* – **в ожидании** вашего ответа,
- 5) *prečo sa netešíš?* – почему ты **не радуешься**? и т.д.

Буквального русского перевода лексемы *tešiť sa*, применимого для всех семантических и контекстуальных планов, не существует. Говорящий обязан либо искать в русском языке подходящий для определенного контекста аналог, либо применять экспликационный (описательный) метод перевода. Таким образом, с точки зрения экономии языковых средств оба вышеприведенных способа не выгодны для говорящего, в результате чего говорящие прибегают к симплификации, выраженной в прямом заимствовании.

Заимствование лексем *zážitok* и *užívať si* также связано с «языковой ленью» и нежеланием говорящего искать соответствующий русский аналог:

- 1) *bol to pre mňa zážitok* – на меня это **произвело огромное впечатление!**
- 2) *veľa zážitkov vám prajem!* – побольше **положительных эмоций и впечатлений** вам!
- 3) *táto tvoja torta je čistý zážitok* – твой торт – **это нечто прекрасное / это что-то незабываемое / невероятно вкусен** и др.
- 4) *užite si dovolenku / film / prechádzku / hodinu* – приятного вам отпуска / просмотра / прогулки / занятия
- 5) *užívam si prázdniny* – я **наслаждаюсь** каникулами
- 6) *užívaš si moje zlyhanie?* – **радуешься** моему провалу / **злорадствуешь**?
- 7) *užívam si tie topánky, sú veľmi pohodlné* – **мне очень нравятся** эти туфли, они очень удобные и др.

Так, прямое заимствование русскоязычными эмигрантами лексических единиц из словацкого языка зачастую является необоснованным, поскольку многие из них не только не принадлежат к национально-культурно маркированной или прецедентной лексике, а напротив, имеют свои эквиваленты или аналоги в русской культуре и языке. Такое проявление интерференции словацкого языка также можно заметить при анализе интернет-дискурса, в частности таких сайтов, как: «Русские в Словакии», «Русскоязычные в Словакии», «Мамы в Братиславе» и пр. (публичные группы в социальной сети «Facebook»), «Русские в Словакии», «Русская Словакия» (публичные группы в социальной сети «ВКонтакте»), и другие русскоязычные форумы о Словакии. Приведем несколько примеров, взятых из вышеприведенных социальных сетей:

- 1) У меня есть **побыт**, который заканчивается 30 июня.
- 2) Нужна комната с **приходным побытом** для себя.
- 3) Мамы, детей которых не взяли, у вас **трвали побыт** или **преходны**?

- 4) Если по биометрии, то карта не нужна, но о новом паспорте надо было уведомить **цудзинецку**.
- 5) Подскажите, как быстро к вам приходила полиция для проверки при подаче первый раз на **цудзинецку полицию** в Кошице на ВНЖ через **подникание**?
- 6) Сначала найти работу, а потом оформить ВНЖ по **заместнению**.
- 7) Максимально бюджетный вариант - забыть **сро** и суд сам его закроет через 3 года.
- 8) Кто-нибудь заполнял электронную анкету на визу D на сайте консульства для подачи на внж **по живности**.
- 9) Девочки, у кого есть пример **čestné vyhlásenie** о том, что на родине мы не получаем пособий на детей?
- 10) Не забудьте ещё у **нотара** сделать **честное приглашение** что ребенок не женат.замужем.
- 11) Сына не взяли в школу **z dôvodu kapacitných miest**. У кого-то так было? Он первоклашка, мы **патрими** к школе. Но вот на 40 мест **пригласилось** 200.
- 12) Мы пошли подавать доки на ПМЖ сразу как наступил **нарок**.
- 13) Страховка какая у вас? коммерческая или **верейная**?

Исходя из вышеприведенных примеров можно сделать вывод, что значительная часть заимствуемых лексических единиц принадлежит к группе лексики, обозначающей различные социальные институты, документы, необходимые для нахождения и проживания в стране, а также процессы, связанные с ними. Иностранцы, являющиеся носителями русского языка, в первую очередь должны получить право на законное проживание в Словакии, следовательно, они обязаны получить временный или постоянный вид на жительство (ср. словац. *prechodný pobyt* или *trvalý pobyt*). Вид на жительство получается в миграционной полиции, аналогом которой являются Федеральная миграционная служба в России, Департамент по гражданству и миграции МВД в Беларуси, Миграционная служба в Казахстане (ср. словац. *Cudzinecká polícia*) и др. Виды на жительство можно получить на основании воссоединения семьи (ср. словац. *zlúčenie rodiny*), предпринимательской деятельности (ср. словац. *podnikanie*), работы (ср. словац. *zamestnanie*), учебы (ср. словац. *štúdium*) и пр. Поскольку одной из частых форм вида на жительство является именно предпринимательство, следует подчеркнуть, что предпринимательская деятельность физических лиц может осуществляться посредством индивидуального предпринимательства (ср. словац. *živnosť*) или открытия и работы общества с ограниченной ответственностью – ООО (ср. словац. *spoločnosť s ručením obmedzeným – s.r.o.*). В результате анализа процедур, с которыми сталкиваются все приезжающие в Словакию иностранцы, можно сделать вывод, что порядок устройства иностранца в русскоязычных странах не имеет диаметральных различий, а наоборот, отличается похожими процессами, структурами и задействованными в данный процесс органами. Несмотря на то что русский язык обладает лексическими единицами, способными найти словацким лексемам замену и сделать русскую речь чище, русскоязычные иностранцы активно употребляют в речи лексемы *побыт*, *сро*,

живность, цудзинецка и др. (см. примеры 1-8 выше), тем самым подчеркивая свою принадлежность к новому социокультурному пространству. Одной из причин частого использования данных лексем может быть и то, что в родной стране носителю русского языка в большинстве случаев не приходится заниматься вопросами, связанными с миграцией, а следовательно, вышеприведенные лексемы принадлежат к пассивному словарному запасу говорящих. Ввиду того что в словацком окружении иностранец встречается прежде всего со словацкой лексикой, сопровождающей процедуру получения вида на жительство, именно она становится частью активного лексикона эмигрантов и посредством прямого заимствования проникает в их речь.

Вышеприведенные примеры 9-13 являют собой яркий пример необоснованного употребления словацких заимствований в русской речи, так как каждое из них имеет свой эквивалент в русском языке и не принадлежит к непере译имой или тяжело пере译имой лексике. Русские эквиваленты слов *notár* – *но́та́риус, patriť* – *принадлежать / относиться, prihlásiť sa* – *зарегистрироваться / записаться / стать на учет, nárok* – *право / право претендовать на, verejný* – *государственный* полностью отражают план содержания словацких лексем, а значит, их прямое заимствование в русский язык является необоснованным. Посредством него русскоязычные говорящие сознательно демонстрируют свой уровень владения иностранным языком и степень значимости для них языковой компетенции вообще (Багана, Блажевич 2011, 14).

Приведем еще несколько примеров прямого заимствования, обозначающих словацкие реалии, многие из которых при желании говорящего могли бы быть переведены на русский язык буквально либо описательным путем:

- 14) Девочки, посоветуйте, где оформить **Príspevok na dieťa** (ср. русс. пособие на ребенка) на ребенка до 3 лет!?
- 15) На ребенка до 3х лет можно оформить ещё и **rodičovský príspevok** (ср. русс. пособие для родителей). Делается это все на местном **Úrade práce, rodiny a sociálnych vecí** (ср. русс. Управление труда, социальных дел и семьи).
- 16) Для детей есть детская "**поготовость**" (ср. русс. дежурная круглосуточная больница).
- 17) Если **амбуланция** (ср. русс. амбулатория) находится на вашей улице, это еще не значит, что доктор - ваш **обводный** (ср. русс. по месту жительства). Хотя **вшеообщные** (имеются в виду врачи – ср. русс. терапевты) обычно рады новым пациентам - от этого их доход напрямую зависит.
- 18) В **уряде пре догляд** (ср. русс. Служба по надзору в сфере здравоохранения). Лучше в **ВУЦке** (ср. русс. самоуправляемый край и органы местного (крайского) самоуправления).
- 19) **Самозбер** в Дунайской Лужне. / На все эти **зберы** лучше ехать рано утром в будний день (ср. русс. самостоятельный сбор ягод и фруктов или места сбора ягод и фруктов).

По причине «языковой лени» или языковой экономии русскоязычные говорящие переносят из словацкого языка не только безэквивалентную лексику, к которой

относятся в т.ч. и некоторые социальные институты и институты гражданского права, наименования органов, учреждений, административно-территориального деления или других реалий (примеры 14, 15, 16, 18, 19), но и те лексические единицы, которые описательным путем или за счет буквального перевода могут найти свой эквивалент в русском языке (примеры 14, 15, 17, 19).

Одной из причин заимствования также может быть то, что русское слово забыто или неизвестно говорящему. В случае если реалии двух стран в какой-то определенной сфере значительно разнятся, эмигрант знакомится с новыми для него предметами, явлениями и процессами в зарубежной среде. Следовательно, знакомство с новой лексикой также осуществляется на иностранном языке. В Словакии намного более популярны, чем в русскоязычных странах, такие травы, а следовательно и фитонимы, как *репешок лекарственный* (словац. *repík lekársky*), *фенхель обыкновенный* (словац. *fenikel obyčajný*), *бузина черная* (словац. *baza čierna*), *можжевельник / верес* (словац. *borievka obyčajná*), *черемша* (словац. *medvedí cesnak*), *омела белая* (словац. *imelo biele*). Так, репешок и фенхель часто прописывают младенцам и детям для улучшения пищеварения, из бузины делают сладкий сироп, верес и черемшу добавляют в пищу, омела является одним из символом Рождества. Данные наименования принадлежат к активному словарному запасу словаков и с течением времени в виде прямых заимствований становятся частью активного лексикона и русскоязычных эмигрантов.

Среди иноязычных «вкраплений», встречающихся в русской речи говорящих, также встречаются следующие безэквивалентные лексемы:

1. топонимы: *Кошице, Пештьаны, Дунайска Стреда и др.* (города Словакии), в частности урбанонимы: *на Панонской, на Палисадах* (улицы в Братиславе), *на Антольской* (улица в Братиславе, на которой расположена одна из государственных больниц), *Луник* (микрорайон в г. Кошице, известный большой концентрацией проживающих в нем ромов), *в Трех Вежах* (имеется в виду многоквартирный дом *Tri veže* в Братиславе, представляющий собой три башни), *на Милетичке* (известный рынок на ул. Милетичова в Братиславе), *в Коменского* (Университет им. Я. А. Коменского в Братиславе); а также некоторые оронимы: *Пезинская Баба* (холм в Братиславе, имеющий гонолыжный центр), *Камзик* (холм в Братиславе, популярный среди местного населения), *Гребьенок* (холм высотой 1285 м в горах Высоке Татры) и пр.
2. мифонимы и теонимы: *Микулаш* (святой Николай, который ежегодно 6-го декабря разносит послушным детям сладости) , *Ежишко* (уменьш.-ласк. Иисус Христос (ср. словац. *Ježíš Kristus*), приносящий подарки на Рождество);
3. прочие онимы: *в Кауфланде, Билле, Теско* (названия сетей супермаркетов), *на Альзе, в Найэлектродоме* (магазины электротехники), *в Горнбахе* и др.

Наличие вышеприведенных и аналогичных им онимов в речи русскоязычных эмигрантов неизбежно и оправданно, их использование не является примером обратной языковой интерференции, однако наряду с подлинными интерферами они нарушают экологию высказываний говорящих на русском языке.

Следующей разновидностью обратной интерференции словацкого языка является лексико-семантическая интерференция, проявляющаяся главным образом за счет межъязыковой полисемии, связанной чаще всего с семантическими и структурными расхождениями в лексике русского и словацкого языков, а именно: а) с несовпадением объема значений слов в обоих языках и б) с несовпадением лексической сочетаемости и ассоциативных связей у соотнесенных слов контактирующих языков (Багана, Блажевич 2011, 12). Для русскоязычных эмигрантов в Словакии опасными с точки зрения возникновения интерференции являются случаи, когда полисеманту в словацком языке соответствует русская лексема с более узким значением. Так, словацкий полисемант *sám* имеет несколько значений, первые три звучат следующим образом: 1. обозначение единственного объекта, отделения лица от какой-либо группы; только один, единственный (букв. *быть, находиться где-то сам; она стояла там сама*); 2. одинокий, оставленный (букв. *жить сам, работать сам*); 3. без чьей-либо помощи, лично, самостоятельно (букв. *сделать сам*) и др. (KSSJ 1989, 393). Если в случае третьего значения русская лексема *сам* соответствует словацкой лексеме *sám*: «своими силами, без помощи со стороны» (Ожегов, Шведова 2003, 693), то при первых двух значениях русскоязычные говорящие подвергаются негативному воздействию словацкого языка и вместо лексемы *один* употребляют лексему *сам(а)*: *она стояла там сама, он живёт сам, я сам дома*.

Интересным является словацкий полисемантический глагол *ísť*, имеющий более 15 значений, два из которых звучат следующим образом: 1. (о людях, животных) передвигаться посредством шагов, шагать; 3. (как правило о людях) двигаться, путешествовать (*на поезде, на самолете, на велосипеде*) (KSSJ 1989, 139). В русском языке первому значению полисеманта соответствует лексема *идти*, а второму *ехать* (Ожегов, Шведова 2003, 236, 188). По аналогии с коррелятами *ísť – идти* русскоязычное население в Словакии неправильно употребляет и глагол движения *chodiť*, перенося его многозначную семантическую структуру в русский язык и используя вместо лексемы *ездить* лексему *ходить*. Так, в речи эмигрантов зачастую можно услышать конструкции типа *Вчера мы ходили в Вену за покупками* (прим. расстояние из Братиславы до Вены составляет около 55 км), *Летом иду в Москву в командировку* (прим. расстояние около 1600 км) и т.д. Примечательно, что данный пример является одним из наиболее частых примеров прямой интерференции словацкого языка в речи словацких студентов, изучающих русский язык.

Более редким, но все же встречающимся в русской речи эмигрантов проявлением межъязыковой полисемии являются случаи, когда не совпадает лексическая сочетаемость и ассоциативные связи у соотнесенных слов контактирующих языков. Одним из таких примеров является попытка дословного перевода словацкого выражения *umývať zuby* (букв. *умывать, мыть зубы*), приводящая к ошибке типа *Каждое утро и каждый вечер мы обязательно моем зубы*. Аналогичную ошибку можно заметить при использовании сочетаний *ранний / весенний картофель* (вместо *молодой картофель*), *твёрдый алкоголь / твердо работать* (вместо *крепкий алкоголь, усердно*

работать), *Нежная революция* (вместо более устоявшегося *Бархатная революция*) и др.

Обратная, или интроверсивная, лексическая интерференция наблюдается как в письменной, так и в устной речи русских эмигрантов, проживающих в Словакии. Подобно студентам, изучающим русский язык как иностранный, и носители русского языка копируют неправильные аффиксы, лексемы и их значения из словацкого языка и переносят их в родной русский язык. Безусловно, перечень межъязыковых омонимов, калек и полисемантов не ограничивается вышеупомянутыми примерами, потенциальных случаев для возникновения лексической интерференции гораздо больше и описать все их достаточно сложно. Лексическая интерференция, проявляющаяся чаще всего в межъязыковой омонимии и лексико-семантической интерференции, главным образом связана с попыткой говорящего прибегнуть к языковой экономии, а иногда и к «языковой лени». Наличие интерферем в русской речи эмигрантов – результат нежелания говорящего искать соответствующий лексико-семантический эквивалент в русском языке. Для говорящих использование словацких лексем в русской речи является возможностью более точного и компактного выражения мыслей, а также инструментом демонстрация своей принадлежности к новой социокультурной среде. Несмотря на языковую экономию, достигаемую за счет употребления иноязычных лексем, носители русского языка должны больше внимания уделять экологии своей речи, не забывая о том, что чистая речь — это речь, в которой нет языковых элементов, чуждых литературному языку, а также отвергаемых нормами нравственности слов и словесных оборотов (Ильяш 1984, 104).

Данная статья подготовлена в рамках проекта Didaktické materiály k výučbe ruského jazyka pre študentov prvého ročníka ruských a východoeurópskych štúdií с регистрационным номером UK/404/2019 и в рамках проекта KEGA Vysokoškolská učebnica Kultúrne regióny Ruska v cestovnom ruchu с регистрационным номером 052UK-4/2018.

Использованная литература / references

Печатные источники:

БАГАНА, Ж., БЛАЖЕВИЧ, Ю.С. (2011): Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на примере русского и португальского языков). In: *Вестник ИГЛУ*. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2011. 10-15 с. ISBN 4857463

ВАЙНРАЙХ, У. (1979): *Языковые контакты: состояние и проблемы исследования*. Киев: Вища школа, 1979. 260 с.

ДУЛЕБОВА, И., КРЮКОВА, Л. (2017): Прецедентные имена русской культуры и истории в современных словацких СМИ. In: *Вестник ТГУ*, № 425. Томск, 2017. С. 19-25. DOI: 10.17223/15617793/425/3

ЖЛУКТЕНКО, Ю. А. (1974): *Лингвистические аспекты двуязычия*. Киев: Изд-во Киевского университета, 1974. 176 с.

ИЛЬЯШ, М. И. (1984): *Основы культуры речи*. Киев: Вища школа, 1984. 187 с.

КАРЛИНСКИЙ, А. Е. (1978): *Психологические и лингвистические аспекты*

проблемы языковых контактов. In: *Межвузовский тематический сборник*. Калинин: КГУ, 1978. С. 111-119

КУЗЬМИНА, С. Е. (2009): Проявления «обратной» интерференции в речи билинга (на материале русского и английского языков). In: *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. №4. Нижний Новгород: НГЛУ, 2009.

ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. (2003): *Толковый словарь русского языка*. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с. ISBN 978-5-904343-04-0

САВИНА, С. С. (2011): Особенности лексической интерференции при контакте французского и русского языков. In: *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 53-59

KAČALA, J. (ed.) (1989): *Krátky slovník slovenského jazyka*. Bratislava: Veda, 1989. 590 s. ISBN 80-224-0003-3

Профиль автора:

Елизавета Мадей, аспирант

Научные интересы: дипломатический устный последовательный перевод, специальный письменный перевод, дидактическая филология, лингводидактика, контактная лингвистика.

E-mail: lizaveta@lizaveta.sk

Место работы: Университет им. Я. А. Коменского в Братиславе, философский факультет, кафедра русистики и восточноевропейских исследований, ул. Гондова, д. 2, 814 99 Братислава, Словакия

Author's profile:

Mgr. Lizaveta Madej, postgraduate student

Research interests: diplomatic consecutive interpreting, specialized translation, didactic philology, linguodidactics, contact linguistics

E-mail: lizaveta@lizaveta.sk

Place of work: Comenius University in Bratislava, Faculty of Arts, Department of Russian and East European Studies, Gondova 2, 814 99 Bratislava, Slovakia

ОБУЧЕНИЕ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

TEACHING THE TEACHERS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE THE INTONATION OF RUSSIAN LANGUAGE

Якуб Конечны

Резюме:

В статье представлены проблемы формирования фонетической грамотности в области интонации русской речи у студентов-чехов, обучающихся на Педагогическом факультете Карлова университета по специальности русский язык.

Ключевые слова:

интонационная конструкция, Е. А. Брызгунова, акцент, интерференция, сознательный подход, интегративный подход

Abstract:

This article comments on the problems of czech students studying Russian language at the Faculty of education, Charles University, focusing on their problems with the forming of phonetic literacy on the background of intonation of Russian language

Keywords:

intonational constructions, E. A. Bryzgunova, accent, interference, conscious approach, integrational approach

Введение

На Педагогическом факультете Карлова университета можно изучать специальность русский язык как иностранный как в бакалавриате, так и в магистратуре. Бакалаврская программа ориентирована на освоение основных лингвистических и литературоведческих дисциплин, студенты знакомятся с культурно-историческим развитием России, фиксируют свои коммуникативные навыки, достигая при этом второго сертификационного уровня владения русским языком как иностранным (B2). В магистерской программе в основном формируется дидактическая компетенция студентов, они становятся учителями. Однако, и в рамках магистратуры проходят предметы, способствующие развитию их коммуникативной компетенции. Выпускники кафедры русистики и лингводидактики Педагогического факультета Карлова университета получают диплом, подтверждающий уровень C1 владения русским языком как иностранным, что и является уровнем, требуемым от учителей иностранных языков в чешской образовательной системе.

Среди лингвистических дисциплин, которые студенты изучают, находятся также *Фонетика и фонология русского языка* (первый курс бакалавриата) и *Практическая фонетика русского языка* (первый курс магистратуры).

По специальности русский язык как иностранный на первый курс бакалавриата ежегодно поступают студенты-чехи и студенты-русскоговорящие. Говоря о студентах, в рамках этой статьи мы имеем в виду только студентво-чехов, т. к. естественно, что для русскоговорящих студентов интонация не представляет никаких проблем.

Вследствие того, что абитуриенты учат русский язык в разных школах и по разным учебно-методическим комплексам, не говоря при этом о учителе как очень важном факторе, уровень фонетической грамотности¹ первокурсников очень разнообразный, что, конечно, вызывает осложнения, которые необходимо учитывать при работе на семинарах по фонетике русского языка.

В настоящей статье мы обратим внимание только на один аспект фонетической грамотности, который, на наш взгляд, является недостаточно развиваемым на уровне довузовского обучения русскому языку. Речь идёт об интонации – одном из важнейших средств для реализации коммуникативного акта в устной форме (не важно, выступает ли иностранный учащийся в этом акте в роли говорящего или слушающего) и, одновременно, одним из сложнейших для качественного освоения средств звуковой системы любого языка.

Бакалавриат

Формирование фонетической грамотности проходит в нескольких предметах, включенных в бакалаврскую программу. Основным, естественно, является *Фонетика и фонология русского языка*, однако, очень важным является также предмет *Языковые упражнения и реалии*, связь между звуковой и письменной формами русского языка рассматривается в рамках предмета *Орфография русского языка*.

Предмет *Фонетика и фонология русского языка* представляет собой важный для дальнейшего обучения момент, т. к. в этом предмете студенты, во-первых, знакомятся на теоретическом уровне с функционированием звуковой системы русского языка, и, во-вторых, получают возможность работать над собственным уровнем фонетической грамотности во всех составляющих её аспектах. Это первая лингвистическая дисциплина, которую студенты проходят, она преподаётся на протяжении всего первого курса (в обоих семестрах в объёме 1 час² лекция, 1 час семинар – всего 48 часов). Хоть это и недостаточное время для того, чтобы достичь нужного уровня фонетической

¹ «Способность человека различить на слух все элементы фонематического и просодического уровней звукового строя иностранного языка и способность реализовать в речи все сегментальные и необходимые супraseгментальные элементы данного иностранного языка, используя при этом исключительно языковые средства этого языка. Реализуемые элементы должны соответствовать речевому намерению говорящего, и с их помощью он должен выразить все запланированные им раньше интенции. Говорящий в своей речи соблюдает орфоэпическую норму данного иностранного языка в области фонетических процессов, причём в речи не появляются никакие фонологические ошибки, затрудняющие понимание слушающим высказывания или полностью разрывающие процесс коммуникации.» (Rozboudová, Konečný 2018, 68–69)

² в чешской образовательной среде 1 час занятий = 45 минут.

грамотности, студенты осваивают навыки, необходимые для дальнейшего саморазвития и, что намного важнее, последовательного самоконтроля и автокоррекции. Они учат слушать свою речь, сопоставлять её с образцом, представленным в виде норм русского литературного произношения и оценивать все отклонения с точки зрения характера допускаемых ошибок.

Магистратура

Поступая в магистратуру, студенты должны владеть русским языком на втором сертификационном уровне. Однако, в эту программу могут поступить не только «домашние» выпускники бакалавриата, но и любые другие студенты, которые закончили бакалаврскую программу по этой же или подобной специальности. Поэтому бывает и так, что в магистратуру поступают студенты, не проходившие в рамках бакалавриата систему языка.

На первом курсе магистерской программы могут студенты записаться на семинар *Практическая фонетика русского языка*, который преподаётся в зимнем семестре в объёме 2 часа в неделю, т. е. 24 часа. В отличие от предыдущей степени обучения, целью данного предмета является, во-первых, закрепление навыков, необходимых для реализации элементов фонематического и просодического уровней звуковой системы русского языка в речи, во-вторых, повышение уровня собственной фонетической грамотности, в-третьих, коррекция неправильно выработанных слухопроизносительных навыков и, в-четвёртых, работа над звучащей речью с дидактической точки зрения.

Предмет *Практическая фонетика русского языка* особенно важен для студентов-чехов, которые, сдав экзамен по фонетике на первом курсе бакалавриата, часто работали над своим произношением очень непоследовательно или очень редко и в речи которых слышен сильный чешский акцент.

Интонация и её место в рамках фонетической грамотности

Интонация является одной из самых сложных и трудно определяемых и описываемых составляющих звучащей речи, т. к. она реализуется, в основном, подсознательно. Говорящие, формулируя и произнося свои высказывания, не задумываются над их интонационным оформлением. Оно реализуется само по себе, автоматически. Это, безусловно, связано с характером освоения данного явления в детстве. В отличие от других лингвистических явлений (даже в области фонетики), интонация закреплялась с помощью повторов и имитации. Детям же не говорим – теперь должно звучать таким образом, а теперь – по другому. Они все правила «улавливают» бессознательно, фиксируют их и воспроизводят в нужной ситуации.

Доказательством вышесказанного является факт, что интонация представляет собой самый незащищённый от влияния родного языка слой звучащей речи. Когда

иностранцы (не только студенты) общаются не на своём родном языке³, они должны думать о всех важных по их мнению составляющих высказывание единицах – чаще всего, основываясь на школьном опыте, это бывают лексический и грамматический аспекты, т. е. какое слово использовать и в какой грамматической форме оно должно стоять, так что у них уже не хватает сил обращать внимание на произношение. Даже если навыки произношения элементов фонематического уровня доведены до автоматизма, то просодические элементы (в частности, интонация) часто реализуются согласно правилам родной речи, которые сильно закреплены в подсознании говорящего.

Как уже отмечалось выше, интонация играет важную роль как при продукции высказывания, так и в процессе его рецепции. Именно она является средством выражения разного рода эмоциональных и модальных оттенков высказывания. Иностранцы, тем более на уровне В1 и выше, должны, на наш взгляд, понимать и эти средства, даже если сами их активно в речи не используют (см. определение фонетической грамотности в ссылке 1 выше).

Учитель часто является самым важным образцом русской речи, с которым учащиеся встречаются. Лишь дополнительными являются разного рода записи речи носителей языка – аудио или видео, т. к. их включают нерегулярно. Тоже звуковые приложения к имеющимся учебно-методическим комплексам содержат ограниченное количество записей русской речи. Поэтому чаще всего по-русски на занятиях говорит учитель, его речи учащиеся подражают. Из этого вытекает, что речь учителя должна быть безупречной, в ней не должны встречаться никакие фонологические ошибки и количество фонетических ошибок должно быть сведено к минимуму. Речь идёт, конечно, о элементах обеих уровней звуковой системы – фонематического и просодического. Но именно второй можно считать ещё более важным, поскольку, в отличие от явлений сегментного уровня, работе над супraseгментными элементами (в основном, конечно, речь идёт об интонации) уделяется на протяжении всего обучения⁴ очень мало внимания и времени⁵.

Обучение интонации

При работе над интонацией используется в чешской среде концепция, разработанная Е. А. Брызгуновой. Она, на наш взгляд, является самой приемлемой и подходящей для обучения русской интонации иностранцев. Мы, конечно, понимаем, что использование семи интонационных конструкций, представляющих собой

³ Здесь мы не учитываем билингвов.

⁴ Обучение в начальной школе длится как минимум два года (8 – 9 классы), но может длиться и 4 года (если второй иностранный язык вводится уже с шестого класса), обучение в средней школе длится, как правило, четыре года.

⁵ В этом можно в большей степени упрекать не учителей (хотя и их также), а авторов УМК, которые в них включили только несколько упражнений, нацеленных на работу над интонацией (см., например, Konečný 2013a; Konečný 2013b)

«штамповые» схемы изменения частоты основного тона не полностью отражает все нюансы русской звучащей речи, однако, нам кажется, что эта концепция позволяет как понимать, так и выражать самые важные и частотные модальные и эмоциональные оттенки, которые с помощью интонации в речи передаются.

Обучая студентов русской интонации, мы начинаем работу с теоретического описания отдельных интонационных конструкций. Студентам предлагаются схематические изображения структуры каждой ИК с обозначением предцентральной, центральной и постцентральной частей, описанием характера изменения частоты основного тона в центре ИК. Важной частью теоретического описания каждой конструкции является перечень значений, которые она может передавать. Студенты также знакомятся с речевыми ситуациями, в которых применение любой из семи ИК уместно. Данная тема входит в программу курса *Фонетика и фонология русского языка*, освещается она в летнем семестре. Данной теме уделяется, как минимум, половина от общего количества часов в летнем семестре.

Практическая отработка отдельных интонационных конструкций, постановка и фиксация слухопроизносительных навыков происходит на семинарах. Студенты не только постепенно осваивают правила реализации каждой ИК, но очень важным этапом является также развитие способности распознавать отдельные ИК на слух, идентифицируя при этом конкретное значение (модальное, эмоциональное), которое данным средством выражается.

Работа ведётся поэтапно. Для выработки навыка используются подготовительные упражнения, выполняя которые, студенты могут полностью сосредотачиваться на нужном явлении, не думая о других моментах. Фиксация навыка происходит с помощью тренировочных упражнений, которые часто имеют характер дрилла (многократного повторения данного явления). Следующим этапом при работе над интонацией является выполнение условно коммуникативных упражнений, в рамках которых студенты используют нужную интонационную конструкцию в образцовых ситуациях, которые потом согласно заданию меняют. Степень автоматизации навыков можно полностью проверить только при выполнении собственно коммуникативных заданий, т. е. в ситуации, когда студент должен самостоятельно говорить, обращая при этом внимание на все нужные элементы речи (лексика, грамматика, прагматика) и т. д.

Если при переходе на высший уровень оказывается, что студент неправильно реализует нужную интонацию, значит, что необходимо вернуться «шаг назад» и выполнить ещё несколько упражнений более низкого уровня, чтобы фиксировать произносительный навык правильно. Дальше можно идти лишь в том случае, если студент способен реализовать нужный тип интонации без проблем.

Помимо работы над интонацией необходимо также уделять внимание и синтагматическому членению предложения, т. к. без этого никогда не будет речь студентов достигать нужного уровня звучания.

В рамках предмета *Практическая фонетика русского языка* уже не повторяются основные теоретические сведения, предполагается, что студенты смогут

самостоятельно материал повторить или вспомнить. На семинарах проверяется качество навыков, сформированных на предыдущих этапах⁶ обучения. Кроме того, внимание уже уделяется и вопросам дидактической обработки данной темы.

Заключение

Постановка интонации русской речи является одним из важнейших и, одновременно, сложнейших моментов в процессе обучения русской звучащей речи не только будущих учителей русского языка. Для этого же контингента данная тема, однако, отличается особым значением, т. к. от их собственного уровня владения русским языком в целом зависит и уровень владения русским языком учащихся, с которыми они будут работать, будучи уже учителями в разных учебных заведениях.

Использованная литература / References

KONEČNÝ, J. (2013a): Analýza učebních souborů pro střední školy z hlediska utváření fonetické gramotnosti českých žáků v ruském jazyce. *Pražská rusistika 2013: recenzovaný sborník příspěvků z konference konané dne 18. dubna 2013 v Praze*. Praha: Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, 2013, s. 123-130. ISBN 978-80-7290-634-5.

KONEČNÝ, J. (2013b): Význam a úloha učebnice při formování fonetické gramotnosti. *Gramotnost ve škole: Sborník z konference pořádáné 28. - 29. 3. 2012*. Hradec Králové: Pedagogická fakulta Univerzity Hradec Králové, 2013, nestránkováno. ISBN 978-80-905245-0-7.

ROZBOUDOVÁ, L., KONEČNÝ, J. (2018): *Современная дидактика русского языка как второго иностранного: речевые средства*. Praha: Karolinum, 2018. 118. ISBN 978-80-246-4277-2.

Профиль автора:

Якуб Конечны, доктор

Научные интересы: фонетика и морфология современного русского языка, дидактика русского языка как второго иностранного, особенности преподавания РКИ в чешской языковой среде

e-mail: jakub.konecny@pedf.cuni.cz

Место работы: Карлов университет, Педагогический факультет, Прага, Magdalény Rettigové 4, 11639, Чешская Республика

About the author:

Jakub Konecny, Ph.D.

Research interests: phonetics and morphology of contemporary Russian language, Russian as a second foreign language teaching methodology, specifics of RFL teaching in the Czech language environment

e-mail: jakub.konecny@pedf.cuni.cz

Place of work: Charles University, Faculty of Education, Prague, Magdalény Rettigové 4, 11639, Czech Republic

⁶ Мы имеем в виду как этап, предшествующий непосредственно, т. е. бакалавриат, так и более ранние этапы обучения русскому языку – среднюю и начальную школы.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО БИРЖЕВОГО ЖАРГОНА

CHARACTERISTIC OF THE VOCABULARY OF RUSSIAN STOCK-EXCHANGE SLANG

Михал Янкович

Резюме:

В данной статье характеризуется лексика неформального варианта профессионального языка биржевиков. Проанализированный материал охватывает лексику представленную в словарях русского биржевого жаргона, опубликованных как в печатной, так и электронной форме. В статье указываются преимущества и недостатки описываемых источников, на основе приводимых примеров словарных статей, дается их оценка с точки зрения требований лексикографии. В пределах жаргона биржевиков автор выделяет несколько лексико-семантических групп, объединяющих элементы биржевой действительности. Затем характеризуются способы словообразования слов в биржевом жаргоне на примере лексико-семантической группы «участники биржи». Называются примеры образования слов аффиксальным и лексико-семантическим способами, а также описываются заимствования и кальки из английского языка.

Ключевые слова:

жаргон, профессиональный язык, биржа, маклер, лексика, профессионализмы, словообразование, кальки

Abstract:

This article presents a characteristics of an informal version of the professional language of stockbrokers. The material analyzed in the article involves the vocabulary presented in the dictionaries of Russian stock market jargon, published both in print and electronic form. The research indicates the advantages and disadvantages of the described sources on the grounds of the examples of dictionary entries. The author of the article gives the assessment of the dictionaries in terms of lexicography requirements. Within the jargon of stockbrokers, the author identifies several lexico-semantic groups, containing different elements of stock market reality. In the article, the word formation methods in stock market jargon are characterized on the example of the lexico-semantic group "stock market participants". The author presents the examples of word formation by affixation and semantic change and describes the borrowings and English calques in the language of stockbrokers.

Keywords:

jargon, professional language, stock market, stockbroker, vocabulary, professional vocabulary, derivation, calques

Введение

Жаргон русских биржевиков исследуется относительно редко, а лексика, входящая в его состав, представленная лишь в нескольких словарях и не охватывается типичными специализированными словарями, в том числе экономическими и финансовыми, которые содержат в основном экономические понятия. Исследователям речи биржевиков, на встречу выходят электронные издания, в которых можно найти не экономические термины из области функционирования биржи, а пласт лексики

свойственный маклерам, брокерам, взятый из фрагментов их диалогов, переписки в социальных сетях и интернет-форумах. Этот профессиональный жаргон сильно отличается от терминологии и заслуживает внимания с точки зрения языкознания. В данной статье характеризуется лексика неформального варианта профессионального языка биржевиков. В статье делается упор на характеристику лексики на основе лексико-семантической группы «участники биржи».

Биржевой жаргон используется всеми участниками фондовой и валютной бирж, то есть эмитентами (лицами, эмитирующими ценные бумаги), инвесторами (лицами, вкладывающими свой капитал в ценные бумаги), посредниками (лицами, организовывающими торговлю ценными бумагами, осуществляющими сделки от имени своих клиентов).

Характеристика биржевого жаргона

Лексический материал был собран, в частности, из «Словаря русского биржевого жаргона», (Русский биржевой жаргон, онлайн), словаря из экономического портала «Биржевик», словаря из портала для трейдеров «forexltд»; словаря, являющегося частью справочника, касающегося вопросов биржи «Словарь биржевого сленга», [в:] «Биржа на кончиках пальцев», (Ильин, Титов, 2006). Анализируемая лексика лучшим образом представлена в «Словаре русского биржевого жаргона», состоящем из 521 словарных статей. Жаргонизмы, употребляемые биржевиками, богато представленные в словаре К. С. Царихина, в малой степени фиксируются в иных словарях, в том числе словарях жаргона

В словарях размещенных на порталах forexltд.ru и birzhevik.ru нет сведений насчет их авторов, что в значительной степени ограничивает достоверность данных источников. Авторами остальных двух словарей являются российские экономисты, занимающиеся вопросами биржи. Стоит отметить, что у них нет филологического образования, а предложенные ими определения не всегда соответствуют требованиям лексикографии. Часто приводятся лишь контексты употребления слов, а дефиниции как таковы, что может вызывать трудности у читателя правильно понять смысл описываемых лексем.

Часть словарных статей на портале birzhevik.ru имеет юмористический характер, определения обилуют метафорами и не проявляют признаков дефиниций встречаемых в профессионально подготовленных словарях. В качестве примера приведем несколько примеров определений, в которых в шуточной манере характеризуются лица, действующие на бирже и их взаимоотношения, однако не объясняются должным образом значения лексем: *Лонгослив* – «неописанный наукой зверь, Защемленный бык – любимая пища медведей.; страдающий диареей» (Портал Биржевик, онлайн); *Маркет-мэйкер* – «первый после Б.О.Г.а; Лось – самый распространённый на фондовом рынке зверь» (Портал Биржевик, онлайн).

Глоссарий опубликованный на портале forexltд.ru содержит в подавляющем большинстве дефиниции терминов из области функционирования фондового рынка. В

словарике можно найти лишь несколько лексем, входящих в состав биржевого жаргона, которые перечислим ниже. Данные слова являются одновременно англицизмами (Портал forexltd, онлайн) :

– «Осси (Aussie) – так жаргонно на рынке Forex называют Австралийский доллар или даже пару AUD/USD. В то же время во всем мире это разговорный синоним названия жителей Австралии» (Портал forexltd, онлайн);

– «Джоббер (Jobber) – жаргонное название для трейдера, который стремится к получению быстрой, но небольшой, прибыли от торговли внутри дня. Джоббер редко переносит позиции через ночь, тем более не торгует средне – или долгосрочно» (Портал forexltd, онлайн);

– «Киви (Kiwi) – в жаргоне Forex – сленговое название для Новозеландского доллара (NZD) или валютной пары NZD/USD. В то же время во всем мире так принято называть жителей Новой Зеландии» (Портал forexltd, онлайн);

– «Кабель (Cable) – курс валютной пары GBP/USD (жарг.), название обязано происхождением середине 19 века, когда впервые по трансатлантическому кабелю начали передаваться на американский континент котировки фунта» (Портал forexltd, онлайн).

В единственном из перечисленных словарике в печатном виде, являющимся частью справочника «Биржа на кончиках пальцев» (Ильин, Титов, 2006), фиксируются 42 словарные статьи, описывающие лексемы, по словам авторов, входящие в состав биржевого сленга и с самой большой частотностью употребления (Ильин, Титов, 2006, 380). Однако кроме лексем, являющихся жаргонизмами, в словаре фиксируются также экономические термины, среди прочих, *тренд* – «устойчивое поступательное долговременное движение рыночных цен в одном направлении, спрэд – текущая разница между наименьшей ценой предложения и наибольшей ценой спроса на какую-либо ценную бумагу» (Ильин, Титов, 2006, 381). В данном источнике найти можно также отдельные слова характерные для русского просторечия, например, *америкосы (амеры, пендосы, кокосы)* – «трейдеры американского фондового рынка и просто жители Соединенных Штатов» (Портал forexltd, онлайн) (Ильин, Титов, 2006, 381).

Самым полным, объемным и одновременно лучше разработанным является словарь К.С. Царихина. Словарь несколько раз пополнялся новыми лексемами и переиздавался в 2002, 2004, 2007 и 2010 годах. Несомненно словарь выделяется на фоне других благодаря богатому описанию употребления слов и словосочетаний. Значения слов объясняются не в изоляции, а в контекстах, в которых обычно выступают. Словарь отличается ясностью, дефиниции формулируются простым образом, он снабжен также ссылками к другим статьям. Особого внимания заслуживает аутентичность собранного иллюстративного материала – высказываний биржевиков, фрагментов интернет-чатов, текстов из интернет-форумов, посвященных вопросам биржи.

Несмотря на многие преимущества, словарь имеет также и недостатки. В частности фиксируется в нем лексика характерна для разговорной речи и просторечия,

к примеру, «бакс (от амер. жарг. *“green backs”* – доллары) – доллар США», «Бабки, бабло – деньги» (Русский биржевой жаргон, онлайн). Похоже как в остальных рассматриваемых словарях выступают в нем экономические термины, например, *спрэдер* – «торговец спрэдами», *скальпер* – «англ. *scalper* член биржи, спекулирующий на колебаниях цен», *Бид* – «заявка (иногда – лучшая заявка) на покупку», «*Аск* (от англ. *ask*» – предлагать, запрашивать) – заявка (иногда – лучшая заявка) на продажу» (Русский биржевой жаргон, онлайн). В словарных статьях не дается грамматическая характеристика лексем, а иногда вместо толкования одного слова перечисляется целый ряд его синонимов из жаргона, например, пр. *Бабки, бабло, бабаськи, бобы – деньги*. Некоторые словарные статьи относятся к определениям событий девяностых годов и они уже вышли из употребления, так как реалии поменялись, например (Русский биржевой жаргон, онлайн):

- «Тупой бычара – так группа удачливых игроков-медведей на РБ в 1997-98 гг. называла тех из покупателей фьючерсов на акции, кто в течение длительного времени держал длинную позицию, невзирая на постоянные убытки. См. также медведь, грамотные медведи» (Русский биржевой жаргон, онлайн);

- «Грамотные медведи – самоназвание группы удачливых игроков на понижение, которые во второй половине 1997 г. и первой половине 1998 г. продавали фьючерсы на российские акции на РТСБ. Типичные шутки грамотных медведей: «грамотные медведи делают тупых бычар даже во время роста», «грамотные медведи пережидают рост в покупке». См. также Тупой бычара» (Русский биржевой жаргон, онлайн);

- «Географист – так в середине 90-х гг. XX в. в России называли мелких спекулянтов, которые играли на разнице обменных курсов валют таких стран, как Германия, Великобритания, Швейцария и др.[...]» (Русский биржевой жаргон, онлайн).

Структура словарей из которых был собран материал для анализа не является полной. Петр Жмигродзки в книге «Слово – словарь – действительность» выделяет следующие элементы так называемой мегаструктуры словаря (Żmigrodzki, 2008, 31-32):

- начальные составляющие (заглавная страница, страница с логотипом издательства, дедикации и слова благодарности, предисловие, введение, список условных обозначений и использованных аббревиатур, список рисунков, правила произношения и т.п.);
- корпус словаря – совокупность его словарных статей;
- заключительные материалы (индексы, сводки и т.п.).

Анализируемые нами словари, как легко заметить, состоят практически только из корпуса. Значительная часть дефиниций не имеет языкового характера, а является описанием ситуации, в которых может употребляться данная лексема. Ни в одной из словарных статей не дается грамматическая характеристика толкуемого слова.

На основе проанализированного материала в пределах биржевого жаргона можно выделить следующие лексико-семантические группы:

- названия ценных бумаг (акции, облигации и т.п.), а также биржевых индексов;
- названия участников биржи;
- названия биржевых операций, сделок, инструментов и т.д. в зависимости от их типа, характера);
- определения величины, масштаба, денежной суммы, размера сделки;
- определения, касающиеся анализа рынка, тренда, изменения цены, характеристики котировки;
- определения состояния рынка;
- определения других действий участников биржи.

Словообразовательные процессы в биржевом жаргоне – аффиксация

Самыми употребляемыми понятиями, обозначающими участников биржи, являются слова: трейдер, маклер, брокер, дилер, биржевик.

Самым широким понятием является трейдер определяемый как «работник брокерской фирмы, непосредственно участвующий в биржевой торговле, исполняющий заказы на куплю-продажу ценных бумаг, или любое юридическое или физическое лицо, обладающее правом заключать сделки на бирже» (Борисов, 2006, 751). В Финансовом словаре дается другая дефиниция трейдера «член биржи, участник биржевой торговли, осуществляющий биржевые сделки за собственный счет или по поручению клиентов» (Финансовый словарь 2, онлайн).

Близкими по значению понятиями, часто используемыми в качестве синонимов, являются слова брокер и маклер – посредники, действующие за счет клиентов и от их имени, либо от своего имени. Однако в узком понимании маклер это посредник между сторонами при заключении сделок на фондовых и товарных биржах, который выступает в качестве юридического лица, действует за счет клиентов и по их поручению (Финансовый словарь 2, онлайн), а брокер заключает сделки, как правило, по поручению и за счет клиентов, а также могут действовать и от своего имени, но за счет доверителей (Финансовый словарь 1, онлайн). В свою очередь дилер ведет биржевые операции не в качестве простого агента-посредника, а действует от своего имени и за собственный счет, то есть вкладывает в собственные средства, осуществляет самостоятельно куплю-продажу (Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 2017, 347). В основном за свой счет играет биржевик – лицо, выступающее как розничный брокер – дилер, но преимущественно, спекулирующий за свой счет (Финансовый словарь 2, онлайн).

В настоящей статье сосредоточимся на характеристике словообразования в биржевом жаргоне на примере слов из лексико-семантической группы «участники биржи». При образовании лексики используются как аффиксальный, так и лексико-семантический способы. В рамках аффиксального способа чаще всего в рассматриваемой группе слова образуются путем суффиксации. К словообразовательной основе добавляются нижеперечисленные суффиксы:

– -ов- + -ец-: «*антоновец* – сотрудник инвестиционного общества *Антон*» (Русский биржевой жаргон, онлайн);

– -ов- + -ик-: «*бидовик* (от названия заявки *бид*) – торговец, выставяющий лимитированные заявки на покупку» (Русский биржевой жаргон, онлайн);

– -ик-: *фондовик* – «работник фондового рынка, участник торговли на фондовой бирже» (Русский биржевой жаргон, онлайн) (от *фондовый*);

– -ов- + -щик-: «*фортсовщик* – трейдер на рынке *FORTS*» (Русский биржевой жаргон, онлайн) – (фьючерсные контракты, дериваты);

– -ист-: «*антонист* – поклонник системы Интернет-трейдинга «Атон-лайн» компании Атон» (Русский биржевой жаргон, онлайн); «*географист* – в середине 90-х гг. XX в. в России название мелких спекулянтов, которые играли на разнице обменных курсов валют таких стран, как Германия, Великобритания, Швейцария и др.» (Русский биржевой жаргон, онлайн) (от *география*); «*стаканист* – торговец, ориентирующийся в своей торговле на окно заявок» (Русский биржевой жаргон, онлайн), определяемое в жаргоне как стакан; «*оферист* – участник рынка активно продающий базовый актив (от англ. *offer* - предлагать)» (Словарь бизнес-сленга, онлайн). Лексема *оферист* является примером языковой игры, в которой обыгрываются омофоны *оферист* - *аферист*).

– -арь-: «*квикарь* – Квикарь – поклонник информационно-торговой системы QUIK» (Русский биржевой жаргон, онлайн);

– -щик-: «*интрадэйщик* – краткосрочный спекулянт, руководящийся часовыми, 15-минутными и 5-минутными котировками» (Русский биржевой жаргон, онлайн), от слова *интрадэй* (англ. внутри дня); «*пробойщик* – игрок, специализирующийся от открытии позиций в сторону пробоя» (Русский биржевой жаргон, онлайн) (от слова *пробой* – пересечение уровня цены); «*портфельщик* – портфельный инвестор» (Русский биржевой жаргон, онлайн) (от *портфель*);

– -ёв- + -щик-: «*мелочёвщик* – мелкий спекулянт» (Русский биржевой жаргон, онлайн) (от *мелочь*);

– -ев- + -ик-: «*плечевик* – участник рынка, пользующийся одолженными средствами» (Русский биржевой жаргон, онлайн) (от *плечо* – соотношение суммы сделки к собственным средствам трейдера, иначе финансовый рычаг);

– -чан-: «*форумчане* – участники интернет-форумов биржевых игроков» (Русский биржевой жаргон, онлайн) (от *форум*);

– -л- + -ан-: *чатлане* – «участники чатов биржевых игроков» (Русский биржевой жаргон, онлайн) (от *чат*).

Две лексемы из анализируемой группы были образованы путем усечения: *нерез* – от слова *нерезидент*, *спекуль* – от *спекулянт*. Только одна лексема было образована путем сложения – *шортобус* – собирательное определение держателей коротких позиций, так называемых *шорт* (от англ. *short positions* – рус. *шорт*).

Заимствование и калькирование в биржевом жаргоне

Самое большое количество слов в анализированной группе было образовано путем заимствования из английского языка в форме кальки. В подавляющем большинстве в английском языке лексемы возникли на базе метафорического употребления ранее существующих лексем. Самые многочисленные здесь переносные определения игроков образованные на основе сходства их черт, поведения, стратегии игры к признакам приписываемым соответствующим животным.

Определения *бык* (англ. bear) (investopedia, онлайн) и *медведь* (англ. bear) кроме того, что являются везде узнаваемыми символами повышения и понижения курса ценных бумаг, в жаргоне биржевиков в широком смысле обозначают соответственно любого покупателя и любого продавца. Такое значение обосновано эффектом продажи и покупки. Покупатель повышает цены в результате покупки, похоже как бык поднимает во время борьбы своего противника. В свою очередь, продавец вызывает снижение цен, ассоциирующийся с борьбой медведя, который сваливает противника на землю.

Уверенный в себе, редко проигрывающий игрок, имеющий свое мнение о перспективах рынка, определяется как «*волк* (англ. wolf): Очень часто к волку приходят за советом овцы. Как правило, В. стоически переносит проигрыш и всегда отыгрывается» (Русский биржевой жаргон, онлайн). Биржевика, обладающего противоположными чертами, неопытного, трусливого, лешенного собственного мнения по поводу перспектив рынка, называют *овцой* (англ. sheep). Такой игрок обычно проигрывает, принимает необдуманные решения – его название возникло на базе сходства с овцой, которая не задумываясь следует за стадом: «Быки и медведи делают деньги, овец стригут, а кабанов режут» (Русский биржевой жаргон, онлайн). Мелкие, часто проигрывающие спекулянты часто определяются как *муфлоны*.

Следующей калькой из английского языка является слово *олень* (англ. stag), обозначающее спекулянта, ведущего торговые операции с целью покупки вновь эмитированных ценных бумаг для продажи их с премией сверх цены эмиссии в момент распределения (Глосарий.ру, онлайн).

Игроков, тактика которых нацелена на погоню за максимальной прибылью называют *свиньями* (англ. pig). Эти животные в английской культуре имеют коннотации с жадностью (ср. *as greedy as a pig*) (Ильин, Титов, 2006, 384). В похожем значении в жаргоне выступает слово *кабан*, обозначающее игрока, который слишком долго не продает потенциально выигранной позиции ожидая дальнейшего роста цен, а в эффекте не получает прибыли («Цена меняет направление своего движения, и в результате К., в лучшем случае, выходит в ноль» (Русский биржевой жаргон, онлайн)).

Трусливые игроки, опасющиеся вкладывать свой капитал, называются *цыплятами* (англ. chickens), что также является отражением коннотации слова *chicken* в английском языке – трусливость, нерешительность.

Многозначное в биржевом жаргоне слово *лемминг* (англ. lemming) обозначает начинающего, повторяющего типичные ошибки спекулянта или эмоционального игрока.

В анализируемой группе лексики можно найти также слова-англицизмы, которые вошли в состав русского биржевого жаргона в неизменной форме, но записываются кириллицей, например, *джоббер* (англ. *jobber*) (Портал *forex1td*, онлайн) – игрок, стремящийся быстро получить небольшую прибыль от сделок в течение одного дня, или «*лузер* (англ. *looser*) – проигрывающий биржевик, терпящий убытки» (Финансовый гений, онлайн).

В биржевом жаргоне выступают также контаминации, например, слово *биг бабло* (*бигбабло*), обозначающее крупного торговца; большие деньги, в котором взятая из английского языка лексема *биг* (ang. *big*) соединяется и образует одно целое с русским словом (*бабло*) (Русский биржевой жаргон, онлайн).

Лексико-семантический способ образования в биржевом жаргоне

Значительная часть слов в анализированной группе лексики биржевого жаргона была образована лексико-семантическим способом в результате метафорического употребления лексем, уже раньше существующих в русском языке, первоначально обозначающих лица (выполняющих действия, профессии, занятия, социальные классы, социальные роли), части тела или предметы. Данной части лексики свойственна образность. Наблюдаемые метафоры основаны на сходстве выполняемых действий, функций, черт определенных лиц, социальных классов и типичных действий определенных игроков.

Заимствованный из английского языка термин *маркет-мейкер* (англ. *market maker*) является многозначным. На фондовом рынке он обозначает работника биржи, менеджера, который следит за процессами на рынке, оценивает наблюдаемые тенденции, ожидаемую прибыль, а также предоставляет участникам рынка информацию о ценах, курсе, дивидендах (Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1999, 246). На валютном рынке с помощью этого термина характеризуется большой игрок, который ежедневно заключает сделки (покупки, продажи) в миллионы или миллиарды долларов (*Instaforex*, онлайн). В жаргоне выступает несколько лексем, обозначающих маркет-мейкера на валютном рынке (*кукловод*, *хозяин*, *кулак*). Маркет-мейкер влияет на уровень цен наподобие *кукловода*, управляющего движением куклы («Ах, эти кукловоды! Что хотят с ценой, то и делают» (Русский биржевой жаргон, онлайн)), имеет также власть и принимает важные решения как *хозяин*, а его операции могут оказаться опасными для других игроков словно *топор* («Главное в нашем деле – не попасть под удар топора» (Русский биржевой жаргон, онлайн)), в добавок он обладает значительными средствами, он богатый наподобие *кулак* (в значении 'состоятельный крестьянин'), или сильный как *кулак* (в значении сжатой ладони) (Русский биржевой жаргон, онлайн).

Определения игроков на повышение цен (*космонавты*, *альпинисты*) были образованы на основе признака 'движение вверх' общего для космонавтов, альпинистов и линии на графиках, обозначающих изменения цен («Райку в космос запустили, космонавты, блин...») (Русский биржевой жаргон, онлайн). *Пианист* – это агрессивный маклер,

закрывающий много сделок в течение дня, а его действия напоминают по интенсивности игру на пианино (быстрее и многочисленные движения пальцами). Участника биржи, манипулирующего другими, называют *рулевым*, поскольку назначает направление изменения цены, управляет другими.

В описании игры на бирже активно употребляется также метафора поезда. Следовательно *паровоз* обозначает фондовый рынок, биржу, общество инвесторов и спекулянтов («Страхи и иллюзии – это дрова паровоза фондового рынка. Побольше цинизма – людям это нравится» (Русский биржевой жаргон, онлайн)), а *пассажиры* – это «неопытные инвесторы, заключающие неприбыльные сделки» (Русский биржевой жаргон, онлайн). На первый план выдвигается здесь существенный признак новых игроков, у них нет влияния на рынок и изменения цен, наподобие пассажиров, которые не могут поменять скорости и маршрута локомотива. Для обозначения начинающих трейдеров, терпящих убытки, применяются собирательные названия *корм*, *планктон*, так как опытные игроки питаются планктоном, то есть наживаются за счет начинающих, играющих в убыток. Мелкие индивидуальные инвесторы – это *розница*, в данном названии подчеркивается их отдельность, единичность. С помощью лексики *буржуи*, обладающей негативным семантическим оттенком, окраской определяются инвесторы-нерезиденты и представители крупных западных промышленно-финансовых кругов в связи с существующими в русском языке коннотациями с одной стороны самого слова *буржуй*, с другой запад.

Заключение

Лексемы, входящие в состав биржевого жаргона, позволяют более метко и точно определять участников биржи, чем термины. В анализируемой группе лексики слова охватывают множество черт лиц и их активности на бирже. Анализируя номинации биржевых игроков можно выделить отдельные их группы, учитывая следующие критерии:

- ожидаемое изменение цены (повышение – снижение цены),
- масштаб (крупный – мелкий игрок),
- прибыльность (эффект, (удачный – неудачный, выигрыш – проигрыш),
- опытность (опытный – неопытный),
- место жительства (резидент – нерезидент),
- собирательные названия игроков – названия отдельных лиц,
- вид (направление) заключаемой сделки (купля – продажа – обе – спекуляция),
- предмет торгов,
- оценка (положительная, отрицательная, нейтральная, иная),
- отношение к определенной экономической теории, системы и т.п. (сторонник, противник),
- собственность капитала (собственный – заемный),

- интенсивность работы (заключения сделок),
- цель игры (например, влияние на рынок, нажива),
- исполняемая роль (игрок, клиент брокерской компании, участник форума),
- характер торговли (промежуток времени между сделками, время торгов, например, *интрадэйщик*).

Слов с широкой семантикой в анализированной группе лексики относительно мало. Среди них можно найти следующие лексемы: «*фондовик* – участник фондовой биржи», «*физик* – физическое лицо», «*юрик* – юридическое лицо», «*бык* – в широком понимании – любой покупатель», «*медведь* – в широком понимании – любой продавец» (Русский биржевой жаргон, онлайн).

Использованная литература / References

Печатные источники:

ИЛЬИН В.В., ТИТОВ В.В. (2006): *Словарь биржевого сленга*, [в:] *Биржа на кончиках пальцев*, Москва: Питер, 2006, 368 с. ISBN:5-469-00209-8.

РАЙЗБЕРГ Б.А., ЛОЗОВСКИЙ Л.Ш., СТАРОДУБЦЕВА Е.Б.. *Современный экономический словарь*. Москва: ООО "Научно-издательский центр ИНФРА-М", 2017, 512 с., ISBN 978-5-16-009966-8.

ŻMIGRODZKI P. (2008): *Słowo – słownik – rzeczywistość*, Kraków, Lexis, 2008, , 230 с., Żmigrodzki P., *Słowo – słownik – rzeczywistość*, , wyd. Lexis, Kraków 2008, 230 с., ISBN 978-83-89425-45-4.

Онлайн-источники:

БЕРГ (онлайн): Берг: [онлайн] , режим доступа: <http://berg.com.ua/theories/investor-types/> [дата обращения: 23.03.2019].

ГЛОСАРИЙ.РУ (онлайн): Глосарий.ру: [онлайн], режим доступа: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RBoWmliup!mgwjut [дата обращения: 23.03.2019].

ПОРТАЛ «БИРЖЕВИК» (онлайн): Портал «Биржевик»: [онлайн] , режим доступа: http://birzhevik.ru/exchange/saying/2006/12/01/saying_1912.html [дата обращения: 23.03.2019].

ПОРТАЛ FOREXLTD (онлайн): Портал forexltd: [онлайн] , режим доступа: <http://www.forexltld.ru/ru/study/glossary/> [дата обращения: 23.03.2019].

РУССКИЙ БИРЖЕВОЙ ЖАРГОН (онлайн): Русский биржевой жаргон [онлайн], режим доступа: <https://2stocks.ru/2.0/dictionary/fenya> [дата обращения: 23.03.2019].

СЛОВАРЬ БИЗНЕС-СЛЕНГА (онлайн): Словарь бизнес-сленга: [онлайн] , режим доступа: http://business_slang.academic.ru/335/%D0%BE%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%8 [дата обращения: 23.03.2019].

ФИНАНСОВЫЙ ГЕНИЙ (онлайн): Финансовый гений: [онлайн] , режим доступа: <http://fingeniy.com/vidy-trejderov-na-birzhe-byki-medvedi-i-dr/> [дата обращения: 23.03.2019].

ФИНАНСОВЫЙ СЛОВАРЬ (онлайн): Финансовый словарь: [онлайн] , режим доступа: : <http://www.bibliotekar.ru/finansovyi-slovar/252.htm> [дата обращения: 23.03.2019].

ФИНАНСОВЫЙ СЛОВАРЬ (онлайн): Финансовый словарь: [онлайн] , режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/30619 [дата обращения: 23.03.2019].

INSTAFOREX (онлайн): Instaforex: [онлайн] , режим доступа: https://www.instaforex.com/ru/forex_market_makers [дата обращения: 23.03.2019].

INVESTOPEDIA (онлайн): investopedia: [онлайн] , режим доступа:
<http://www.investopedia.com/terms/> [дата обращения: 23.03.2019].

Профиль автора:

Michał Jankowicz, ассистент, магистр

Научные интересы: экономический язык, язык СМИ, вопросы польско-русского и русско-польского перевода, методика преподавания русского языка;

e-mail: mjankowicz@gmail.com

Место работы: Краковский педагогический университет, Институт нефилологии, Краков, ul. Studencka 5, 31-116, Польша

Author`s profile:

Michał Jankowicz, assistant, master

Research interests: economic language, language of mass-media, problems of polish-russian and Russia-polish translation, Russian language teaching methods;

e-mail: mjankowicz@gmail.com

Место работы: Pedagogical University of Krakow, Institute of Modern Languages, Krakow, ul. Studencka 5, 31-116, Poland

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

WORD FORMATION PROCESS IN TEEN SLANG

Ленка Розбоудова, Барбора Миронович

Резюме:

В статье рассматриваются словообразовательные процессы в современном молодежном сленге на языковом материале романа Дмитрия Пастушка «Duty free» и комедийного телесериала «Реальные пацаны». В начале статьи объясняются понятия сленг и жаргон и характеризуется русский молодежный сленг. Главная часть статьи посвящена конкретным способам образования новых наименований, которые встречаются в молодежном сленге.

Ключевые слова:

сленг, молодежный сленг, словообразование, заимствование, современный русский язык

Abstract:

This article comments on the word formation process in modern Russian language using a piece of the novel 'Duty free' by Dmitry Pastushok and the comedy television series "Realnye patsany". The terms as slang and argot are explained at the beginning of the article together with the definition of teen slang. The main part of the article is dedicated to particular methods of forming new lexis used in teen slang.

Keywords:

slang, teen slang, word formation, borrowing, modern Russian language

1. Введение

Словарный запас современного русского языка постоянно развивается, слова часто заимствуются из других языков, расширяются значения существующих в языке слов или на основе определенных словообразовательных средств данного языка возникают совсем новые слова. Эти процессы касаются всех слоев языка, не исключая при этом и молодежный сленг.

Цель нашей статьи – рассмотреть основные словообразовательные процессы в современном молодежном сленге на материале текстов романа «Duty free» современного российского автора Дмитрия Пастушка и российского комедийного телесериала «Реальные пацаны», которые характеризуются языковыми средствами, используемыми молодыми людьми в возрасте 18–25 лет. Выбором этих текстов мы стремились обеспечить по возможности максимальную объективность тем, что мы проанализировали и письменную, и устную формы речи современной молодежи. Мы понимаем, что результаты нашего исследования основаны лишь на ограниченном объеме текстов одного романа и одного телесериала, но все-таки они показывают основные тенденции словообразовательных процессов в молодежном сленге в общем.

2. Молодежный сленг

В начале следует определить термин *сленг*, так как его дефиниции отличаются у отдельных лингвистов, а также отличается понимание его отношения к *жаргону*. В чешской научной среде используется скорее термин *сленг*. Й. Губачек (Hubáček 1979, 9) определяет сленг как набор языковых средств, которые используются при общении в определенной профессиональной группе или в группе людей с общими интересами. Й. Сук (Suk 1993, 8–9) уточняет, что сленг представляет собой речь определенной группы, которая пользуется особой лексикой, обозначающей, прежде всего, предметы, лица, явления и т. д., которые нетипичны для жизни вне этой группы. Эти лексические средства служат для общения в данной группе и часто для выделения этой группы от остального общества, т. е. они выполняют интегрирующую функцию. Кроме специфической лексики, используются иногда также специфические грамматические или словообразовательные средства. Именно эти словообразовательные средства являлись предметом нашего исследования.

В русскоязычной научной среде намного чаще встречаемся с термином *жаргон*, который иногда понимается как синоним к термину *сленг*, но некоторые лингвисты их значения отделяют и уточняют. Д. Е. Розенталь, И. Б. Голуб и М. А. Теленкова (2002, 93) рассматривают оба термина как синонимы: «В современном русском языке выделяют молодежный жаргон, или сленг (англ. *slang* – слова или выражения, употребляемые людьми определенных профессий или возрастных групп), [...]». Подобно понимает отношение сленга и жаргона Т. Г. Никитина (2009, 3): «Термин сленг мы понимаем как синоним слова жаргон, которое обозначает социальную разновидность речи, характеризующуюся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств». Т. Г. Никитина также дополняет, что оба термина отличаются только своими историческими и культурными коннотациями и традициями в их использовании (сленг был заимствован из англоязычной среды, жаргон из французской).

В отличие от предыдущих двух дефиниций, В. В. Химик (2000, 13) жаргонизмы понимает как выражения эмоционально-оценочные, экспрессивные, к которым относятся прежде всего единицы стилистически сниженной лексики, и часто с негативной коннотацией. К этому он добавляет, что жаргонизмы имеют эквиваленты в литературном языке, что слова-жаргонизмы более-менее понятны и их использованием говорящий выражает принадлежность к определенной социальной группе. В. В. Химик (2000, 52) понимает жаргон как открытую подсистему ненормированных лексических и фразеологических единиц общего языка, которые служат для усиления экспрессии или для специфической оценки (прежде всего отрицательной), сленг считает «надсоциальным «общим» жаргоном, или интержаргоном», т. е. набором субстандартных, но одновременно популярных в языке выражений, которые происходят из отдельных областей жаргона; В. В. Химик не рассматривает сленг как лексику закрытой социальной группы, а, наоборот, как лексику, которая используется в разных профессиях, людьми разного

социального положения, с разной степенью образования и даже разного возраста, причем он добавляет, что нет острой границы между жаргоном и сленгом, так как обе системы взаимосвязаны.

Это только некоторые примеры толкования данных терминов. Опираясь на чешскую лингвистическую традицию, в нашей статье мы пользуемся термином *сленг*, который мы считаем синонимичным с термином *жаргон*.

Далее необходимо объяснить термин *молодежный сленг* и дать его основную характеристику. В. Е. Михальченко (2006, онлайн) определяет молодежный сленг как язык, на котором общаются молодые люди в возрасте 12–22 лет.

По мнению Т. Г. Никитиной (2009, 3–6), русский молодежный сленг пока проанализирован несистематически и недостаточно, хотя уже было опубликовано много научных работ по этой теме, причем причин этого состояния несколько. Во-первых, не существует единой, однозначной терминологии; во-вторых, молодежный сленг пока недостаточно обработан лексикографически в словарях и это практически невозможно, так как в момент издания словаря его содержание уже устарелое; в-третьих, молодежный сленг всегда находится под относительно сильным влиянием политических и социальных факторов жизни, так как молодежный сленг отражает всегда не только возраст говорящих, но и эпоху, в которой он живет. Т. Г. Никитина выделяет четыре этапа развития молодежного сленга XX века и начала XXI века, подчеркивая то, что все этапы принципиально повлияли на речь молодого поколения и внесли в нее целый ряд новых лексических единиц, которые постепенно или расширились в другие сферы использования и иногда используются до сих пор, или, наоборот, под влиянием изменений в обществе полностью вышли из употребления.

В связи с глобализацией и техническим развитием, а также с активным использованием социальных сетей и Интернета для современного общества типично возникновение различных субкультур, что оказывает влияние и на молодежный сленг. В. Е. Михальченко (2009, онлайн) приводит следующие черты молодежного сленга: активное использование, открытость, переход языковых единиц в разговорный язык разных слоев говорящих, обильное использование заимствованных слов, прежде всего англицизмов, и жаргонизмов, образованных на основе английских или интернациональных корней слов.

Далее можно дополнить, что современный молодежный сленг характеризуется разговорной, иногда даже грубо-фамильярной окраской, а также быстрой изменчивостью, которая связана со сменой поколений. Некоторые выражения даже используются лишь один-два года, так как действительность очень быстро меняется. Характеристическими чертами молодежного сленга последних лет являются его шутливость или ироничность, креативность, языковая игра и использование разного рода аббревиатур или сокращенных слов русского или английского происхождения. Эту характеристику доказывает также нами проанализированный материал, см. ниже.

3. Словообразовательные процессы в современном молодежном сленге

Очень продуктивным способом образования новых наименований в русском молодежном сленге, как и в других сферах, является морфологический способ, который включает в себя аффиксацию, словосложение, аббревиацию и конверсию (Скляревская 2004, 48–52). Далее более подробно рассмотрим отдельные морфологические способы словообразования и приведем примеры сленгизмов из нами проанализированного материала романа «Duty free» Дмитрия Пастушка и сериала «Реальные пацаны».

Аффиксация представляет собой способ образования новых наименований при помощи разных аффиксов, т. е. суффиксов (суффиксация), префиксов (префиксация), префиксов и суффиксов (префиксально-суффиксальный способ), нулевого аффикса (безаффиксный способ) и др. Все эти виды аффиксации наблюдаются также в молодежном сленге, но самым распространенным является, безусловно, **суффиксация**, при помощи которой образуются новые имена существительные, имена прилагательные, глаголы или наречия.

У имен существительных встречаются следующие суффиксы: -ар- (*бомжара* – бомж, *лошара* – глупый человек), -ан- (*братан*, *друган* или *пацан* – друг), -арь-/ярь- (*вискарь* – whisky, *технарь* – человек, который любит технику или работает в области техники, вор, применяющий технические средства, или музыка техно, *косарь* – тысяча рублей), -ас- (*пивас* – пиво, *ганджубас* – марихуана, *напас* – затяжка дыма), -ец- (*братец* – друг), -ик- (*пивасик* – пиво, *одинарик* – один, сам, *тубзик* – туалет, *фестик* – фестиваль, *гелик* – Mercedes типа G), -к- (*тусовка* или *вписка* – вечеринка, *телка* – девушка, *башка* – голова, *мочалка* – девушка легкого поведения, *тачка* – машина), -л-, -ел-, -ил- (*бухло* – спиртные напитки, *музло* – музыка, *бабло* – деньги, *болела* – болельщик, *водило* – шофер), -няк- (*депресняк* – депрессия), -ок- (*отморозок* – жестокий человек, *придурок* – придурковатый человек, *совок* – советский человек), -ух-/юх- (*днюха* – день рождения, *приклюха* – шутка, *уважуха* – уважение, *порнуха* – порнография), -щик- (*тусовщик* – участник тусовки, *фейсконтрольщик* – человек, проверяющий соответствие дресс-коду), -як- (*косяк* – сигарета с марихуаной или неверный поступок, *неудобняк* – неловкая ситуация, *ништяк* – отлично, *точняк* – точно).

У имен прилагательных встречаются следующие суффиксы: -н-/нн- (*зачетный* – отличный, *классный* – отличный, *стремный* – опасный, странный, подозрительный, *халявный* – легкодоступный, бесплатный, *уделанный* – пьяный, *утосанный* – усталый, *обалденный* – замечательный, *отмороженный* – глупый, сумасшедший), -ов- (*гирловый* – женский, *тусовый* – относящийся к тусовке, *попсовый* – популярный), -ск- (*фанатский* – относящийся к фанатам, *хипперский* – относящийся к хип-хопу, *товарищеский* – дружеский).

У глаголов встречаются следующие суффиксы: -ари-/яри- (*х*ярить* – может обозначать любую деятельность, например, *Мы х*ярили на гитаре.*), -ачи-/ячи- (*херачить* – может обозначать любую деятельность, например, *Дождь херачил. Херачим как можем!*, *маньячить* – чрезмерно чем-то увлекаться), -и- (*шкалить* – доходить до какой-то степени, *дэнсить* – танцевать, *саппортить* – поддерживать, *базарить* – говорить,

шабашить – подрабатывать, *шаманить* – ремонтировать, чинить, *втащить* – ударить), -ну- (*бухнуть* – выпить спиртного, *дунуть* – покурить, *релакснуть* – отдохнуть, *бомбануть* – сказать, *психануть* – разволноваться), -ыва- (*прикалываться* – смеяться над кем-либо, *прикапываться* – приставать к кому-либо).

У наречий встречается суффикс -о (*круто* – хорошо, *прикольно* – весело, оригинально, *кайфово* – хорошо, приятно, *классно* – хорошо, *хреново* – плохо, *стопудово* – стопроцентно).

Префиксация свойственна прежде всего образованию глаголов, к самым употребительным префиксам молодежного сленга относятся: в- (*вписаться* или *втыкаться* – стать членом какой-либо компании, войти или зайти, *впарить* или *вставлять* – развлекаться, интересоваться, нравиться, *впарить* – продать, *вдолбить* – играть громко, *впахивать* – много работать, *врубаться* – понимать, *втащить* – ударить), вы- (*вырубить* – ударить или выключить, *вырубиться* – потерять сознание под влиянием наркотиков, *выписаться* – быстро уйти, *выеживаться* – хвастаться), за- (*зацепить* – оказать опьяняющее воздействие), о- (*обалдеть*, *офигеть* – удивиться), от- (*отоварить* – ударить, *отработать* – украсть), при- (*притопить* – болеть, *прикинуть* – представить себе), про- (*прошибать* – пробивать, *пробухать* – потратить деньги за алкоголь, *протусовать* – определенное время развлекаться, *проблеваются* – стошнить, *прозевать* – упустить), с- (*сгонять* – быстро сходить, *свалить* или *сматывать* – быстро уйти, убежать откуда-либо, *сфоткаться* – сфотографироваться).

Эти новые глаголы очень продуктивны с точки зрения дальнейшего словообразования, от них далее возникают другие имена существительные, прилагательные или наречия. Например, от глагола *приколоть* возникает следующее словообразовательное гнездо: *прикалывать*, *приколотся*, *прикалываться*, *прикалывание*, *прикол*, *прикольный*, *прикольно*, *приколка*, *приколист*, *прикольщик* (Химик 2000, 147–152).

В молодежном сленге часто встречаемся также с **безаффиксным способом**, т. е. словообразованием с нулевым аффиксом, причем к словообразовательной основе не добавляется никакой аффикс, но этот способ часто сопровождается усечением основы мотивирующего слова и чередованием звуков в конце основы, например, *классный* → *класс*, *кайфовый* → *кайф*, *перебрать* → *перебор* или *брести* → *бред*.

Префиксально-суффиксальный способ встречается только реже, например, *прикидываться* – притворяться или *укатываться* – сильно напиться.

Следующим морфологическим способом словообразования является **словосложение**, при котором из двух или более словообразовательных основ возникает одно сложное слово. В качестве мотивирующих слов часто выступают слова из английского языка, например, *литрбол* – литр + бол из англ. ball (на основе аналогии к футболу, баскетболу и др.) в значении выпить (*Давайте, поиграем в литрбол!*); *соплежуй* – сопли + жуть (от формы повелительного наклонения *жуй*) в значении человек, который постоянно ноет. Часто этим способом возникают бранные слова.

Очень популярным в настоящее время способом является **аббревиация**, которая является результатом языковой экономии, которая проявляется прежде всего при

общении в соцсетях. В письменных текстах в чатах или сообщениях в разных мобильных приложениях встречаются различные аббревиатуры, основанные или на русских словах, или на английских. Хотя использование аббревиатур в современном русском языке очень популярно, в нами проанализированном материале встречаемся с аббревиатурами скорее редко, например, *бич* – бывший интеллигентный человек в значении бомж, *макдак* – МакДоналдс. Этот факт вытекает из характера материала, т. е. художественного текста и устной формы общения.

При образовании новых наименований играет очень важную роль также **семантический способ** образования, который основан на переносе значения, прежде всего, на метафоре. Этот способ наблюдается также в молодежном сленге. Некоторые примеры приводим ниже:

Вертолететь – кружится голова («Прихожу домой под вечер, незаметно прокрадываюсь в комнату и, не включая свет, приземляюсь на кровать. Меня вертолетит.» (Пастушок 2012, 91)).

Демонить – странно себя вести («В паре метров демонит чувак, ему под пятьдесят, из одежды на нем только черные кожаные трусы, высокие армейские ботинки и металлические цепи.» (Пастушок 2012, 65)).

Крошка – девушка («Крошки шумно выписываются из ванной.» (Пастушок 2012, 68)).

Мусор – полицейский («...после игры плетешься сквозь коридор мусоров с трехчасовым похмельем...» (Пастушок 2012, 104)).

Щи/Щици – лицо («...двухметровый негр рядом со мной накидывал по щекам невидимому противнику...» (Пастушок 2012, 94)).

Зажигать – заигрывать («Ты мне объясни, почему ты с Фитилём то зажигала?» (Реальные пацаны, серия 1.1)).

Закрутить – начать флиртовать («Машка у тебя хорошая, ну, закрутила, с кем не бывает?» (Реальные пацаны, серия 1.1)).

Заливать – обманывать («Что ты заливаешь, хватит уже.» (Реальные пацаны, серия 5.2)).

Стрела – встреча («Короче, стрела отменяется.» (Реальные пацаны, серия 4.3)).

4. Заимствование и современный молодежный сленг

Молодежный сленг характерен обилием заимствованных слов, прежде всего из английского языка. Эти слова в большинстве случаев частично руссифицированы, т. е. пишутся алфавитом русского языка, принадлежат к определенной части речи и их грамматическим категориям, форма этих слов основана на фонетической транскрипции из английского языка. Эти слова в дальнейшем часто становятся мотивирующими словами и на их основе образуются целые словообразовательные гнезда новых исконно русских слов.

Ниже приводим примеры заимствованных слов, часто используемых в нами проанализированном материале: *bottle* – *баттл*, *DJ* – *диджей*, *dance* – *дэнс*, *gadget* –

гаджет, looser – лузер, message – мессэдж, man – мэн, pub – паб, rave – рейв, support – саппорт, sound – саунд, smile – смайл, style – стайл, track – трэк и др.

5. Заключение

Молодежный сленг представляет собой постоянно и очень быстро меняющийся языковой материал, который находится под очень сильным влиянием данной группы его пользователей, т. е. в нем всегда отражаются не только возраст говорящих, но и актуальное состояние развития общества. Современный молодежный сленг характеризуется, прежде всего, использованием англицизмов, аббревиатур или сокращенных слов, связью с социальными сетями, Интернетом или использованием мобильных технических приборов, шутливостью, ироничностью, креативностью и языковой игрой. Нами проведенный анализ текстов, созданных современной молодежью, доказывает многие вышеуказанные черты.

На основе нашего анализа мы пришли к выводу, что самым частым способом образования новых наименований в молодежном сленге является аффиксация, прежде всего суффиксация, главным образом при образовании новых имен существительных или прилагательных, и префиксация у глаголов. В молодежном сленге наблюдаются некоторые очень продуктивные аффиксы, суффиксы -арь-, -ас-, -ик-, -к-, -л-, -ух-, -щик- или -як- у имен существительных; -н-, -нн-, -ов- или -ск- у имен прилагательных; -ари-, -ачи-, -и- или -ну- у глаголов; или префиксы глаголов в-, вы-, при-, про- или с-. Мы занимались прежде всего словообразовательными процессами в современном молодежном сленге, но необходимо заметить, что значительную роль в нем играет также заимствование, особенно из английского языка, которое могло бы стать предметом дальнейшего исследования.

Использованная литература / References:

Печатные источники:

- HUBÁČEK, J. (1979): *O českých slanzích*. Ostrava: Profil, 1979. 170 с.
- SUK, J. (ed.) (1993): *Několik slangových slovníků: současný český kriminální slang: slang chartistů: slang profesionálních řidičů: slang teplárenských zaměstnanců: vojenský slang*, Praha: Inverze, 1993. 137 с. ISBN 80-900632-9-2.
- НИКИТИНА, Т. Г. (2009): *Молодежный сленг: толковый словарь*. Москва: АСТ: Астрель, 2009. 1102 с. ISBN 978-5-17-058711-7.
- ПАСТУШОК, Д. (2012): *Duty Free*. Москва, 2012, 184 с. ISBN 978-5-9903917-1-0.
- РОЗЕНТАЛЬ, Д. Е., ГОЛУБ, И. Б., ТЕЛЕНКОВА, М. А. (2002): *Современный русский язык*. Москва: Айрис-пресс, 2002. 443 с. ISBN 5-8112-0122-2.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. (2004): *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с. ISBN 978-5-8465-0206-7.

Онлайн-источники:

- МИХАЛЬЧЕНКО, В. Ю. (онлайн): *Словарь социолингвистических терминов*. Москва: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская Академия лингвистических наук, 2006. [онлайн]. Режим доступа: <http://sociolinguistics.academic.ru/385> [дата обращения: 10.10.2019].

Реальные пацаны. (онлайн): Кино-театр.ру. [онлайн]. Режим доступа: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/89061/titr/> [дата обращения: 10.10.2019].

Профиль автора:

PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D., старший преподаватель

Научные интересы: дидактика русского языка как иностранного, лексикология русского языка, межкультурная коммуникация

e-mail: lenka.rozboudova@pedf.cuni.cz

Место работы: Карлов университет, Педагогический факультет, Прага, Magdalény Rettigové 4, 11639, Чешская Республика

PhDr. Barbora Mironovič, преподаватель

Научные интересы: дидактика русского языка как иностранного, лексикология русского языка

e-mail: b.mironovic@gmail.com

Место работы: частный предприниматель, Прага

Author's profile:

PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D., assistant professor

Research interests: didactics of Russian as a foreign language, lexicology of Russian, crosscultural communication

e-mail: lenka.rozboudova@pedf.cuni.cz

Place of work: Charles University, Faculty of Education, Prague, Magdalény Rettigové 4, 11639, Czech Republic

PhDr. Barbora Mironovič, teacher

Research interests: didactics of Russian as a foreign language, lexicology of Russian

e-mail: b.mironovic@gmail.com

Place of work: self-employed person, Prague

К ВОПРОСУ О АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ КОМИЗМА

TO THE QUESTION ABOUT THE AUDIOVISUAL TRANSLATION OF COMEDY

Ивона Мытык

Резюме:

В настоящей статье главное внимание уделяется понятию словесного комизма и рассматриваются стратегии, используемые переводчиком для достижения юмористического эффекта при переводе фильмов на иностранный язык. Кроме того, указаны также причины сложности при переводе текстов, содержащих вербальную шутку. Переводческие проблемы иллюстрируются материалом, почерпнутым из фильмов Юлиуша Махульского *Киллер* и *Ва-банк*, считающихся наиболее культовыми польскими кинокомедиями. В работе представлены семантические языковые игры и их перевод на русский язык. В статье обращается внимание на сложность передачи комизма при переводе, касающуюся особенностей исходного и целевого языков.

Ключевые слова:

аудиовизуальный перевод, комедия, словесный юмор

Abstract:

This article focuses on the concept of verbal comedy and describes the strategies used by the translator to achieve a humorous effect translating films into a foreign language. The reasons for the difficulty in translating texts containing a verbal joke are also indicated. The problems are illustrated based on the material from the films of Juliusz Machulski *Killer* and *Va-bank*, considered the most iconic Polish comedies. The paper presents semantic language games and their translation into Russian. The article draws attention to the difficulty of the transfer of the comic in translation, associated with the specifics of the source and target languages.

Keywords:

Audiovisual Translation, Comedy, Verbal Humor

В эпоху интенсивного развития аудиовизуального искусства кинопродукт стал ключевым механизмом передачи культурных кодов. В данной статье объектом исследования является одно из составляющих этого кода – комизм. Из-за своей сложности передачи при переводе комизм представляет интерес с точки зрения переводческого искусства. Проблема передачи смешного давно уже приковывает внимание теоретиков и практиков переводческого дела. Мнения по этому вопросу разделены. Первая группа исследователей, к которой принадлежат, в частности, Роман Якобсон и Кшиштоф Липиньски, считает, что переводческая интерпретация феномена комизма в принципе невозможна. Вторая группа, представленная, скажем, польской исследовательницей Эвой Теодорович-Хельман, выражает мнение об особых трудностях перевода комических элементов в произведении.

Под термином «комизм» принято понимать эстетические и культурные категории, основанные на взаимодействии двух факторов: комического объекта и наблюдателя, который способен такой объект заметить и реагировать на него смехом

(Tomaszkiewicz 2006, 182). Культурный фактор комизма означает способность воспринимать комические явления представителями одного культурного пространства и ограничение или отсутствие возможности такого восприятия из-за непонимания комических элементов внешними наблюдателями. Возможность правильного реагирования на комичное явление обеспечивает похожий способ восприятия реальности.

Целью настоящей работы является переводческий анализ польских кинокомедий *Куллер* (*Kiler*), *Ва-банк* (*Vabank*) режиссёра Юлия Махульского с особым акцентом на перевод сатирических элементов на русский язык и определение используемых стратегий перевода.

Вышеупомянутые фильмы относятся к жанру кинокомедии, который вырос из античной театральной комедии и уходит корнями в мировые, в том числе в польские и русские, кинематографические традиции. Как замечает исследователь истории и культуры кино Марек Хендриковский, в кинокомедии видение мира, способ восприятия человека имеет развлекательный характер, а его заданием есть вызвать смех (Hendrykowski 1994, 12). С точки зрения эстетики фильма, можно говорить о явлении комизма, который в своей классической формуле может относиться к языку, ситуации и герою. Фильмы *Куллер* и *Ва-банк* – это кинокомедии, в которых смешные трюки в форме ситуативных шуток дополнены увлекательным языковым пластом произведения. Анри Бергсон, обращая внимание на лингвистическую (языковую) составляющую явления комизма, предложил разделение на: 1) комизм, выраженный языком, 2) комизм, создаваемый при помощи языка. В первой ситуации язык играет роль носителя, посредством которого передаётся юмор, а источником которого является, например, забавная ситуация. Во втором случае источником комизма является сам язык (Bergson 1977, 140).

Фильмы Юлиуша Махульского, как было замечено, – это культовые кинокомедии о приключениях людей, живущих в послевоенной Польше. Несмотря на то, что этим фильмам уже более 22х лет, они до сих пор считаются лучшими комедиями. Об их популярности свидетельствует комический характер реплик, вошедших в повседневную речь даже молодого поколения. Тесная связь обсуждаемых фильмов с конкретной реальностью 80х годов XX в. в Польше делает кинокомедию не совсем понятной для заграничного зрителя, но переводчик попытался донести образ прошлого исторического периода в русском языке, используя метод закадрового озвучивания.

С этим методом мы встречаемся, когда диктор читает текст диалога на целевом языке, а оригинальная звуковая дорожка отключена (Tomaszkiewicz 2006, 116-120). Описываемая техника перевода фильмов имеет отрицательную оценку у критиков. Непрофессиональным считалось, что диалоги читаются, как правило, монотонно, без актёрской интерпретации, в результате чего теряется характер героев фильма. Чтобы лучше воспринимать киноперевод в России (в отличие от других стран, применяющих метод закадрового озвучивания), используется разделение на мужской и женский голоса, т.е диалоги читают два дикторы. В связи со спецификой и техническими

требованиями к переводу аудиовизуальных текстов с применением техники закадрового озвучивания переводчик должен обеспечить определенную форму высказывания – время его звучания и темп, что, очевидно, влияет на выполняемый им выбор текста. Кроме того, переведённый текст подвергается такому же сокращению, как и в случае субтитров. Для того, чтобы диктор мог читать в равномерном темпе, что является важным для восприятия перевода, часть высказывания нередко пропускается (Adamowicz-Grzyb 2013, 91-100). Так как форма диалогов в фильме отражает естественную и спонтанную речь, одна часть реплики накладывается на другую, появляются вставки, а другой герой начинает говорить, не дожидаясь окончания речи первого (Warchała 1991, 37-40). Переводчик же должен придать диалогу регулярную литературную форму, где отдельные фразы следуют поочередно. Всё это делается для того, чтобы пара дикторов могла прочитать такой диалог на два голоса.

В фильмах *Киллер* и *Ва-банк* использовались различные виды языкового комизма, нарушающие синтаксические, семантические, лексические, фонетические и графические нормы и правила речи. В статье мы попытаемся обсудить ошибки при выборе стратегий перевода и их влияние на восприятие текста. При описании техник перевода будут рассмотрены ограничения и возможности, вытекающие из особенностей целевого (русского) языка при переводе языкового комизма.

Первым явлением из области семантики, лежащим в основе языковой игры, является неоднозначность лексических единиц. Различия значений слов можно интерпретировать двумя способами. Предполагается, что данное слово имеет несколько значений, или выделяются как минимум два слова одинаковой формы, каждое из которых однозначно, но имеет иное значение. Первый способ интерпретации приводит к выделению явления полисемии, а второй – омонимии.

Языковые игры, используемые в обсуждаемых фильмах, основанные на многозначности слов, заключаются в сопоставлении двух значений определенного слова и неожиданного перехода от одного из них к другому. Этот механизм иллюстрируется следующим примером:

Kiler: Wziąłem zamach.

Ryba: Dobrze, że nazywasz rzeczy po imieniu Jurek. A więc jednak to był zamach.

Kiler: Nie, to nie był zamach w sensie zamach, tylko zamach w sensie wymach – serwis. Ręką.

Киллер: Я замахнулся.

Рыба: Хорошо, что ты называешь вещи своими именами.

Значит это было покушение.

Киллер: Нет. Я замахнулся не в этом смысле, а в смысле размахнулся.

Движение рукой.

В представленной сцене речь идёт о „замахе” ракеткой на теннисном корте, будто бы совершённом Киллером. Языковая игра основана на использовании слова

zatach, имеющего в польском языке два значения: 1) замах – быстрое, энергичное движение рукой, 2) покушение на чью-то жизнь. Использование явления омонимии придало диалогу юмористическое звучание. Переводчик применил стратегию буквального перевода диалога, в результате чего комический эффект был потерян.

Трудность в переводе явлений, основанных на многозначности, заключается в том, что одна лексема может иметь различные значения, но не обязательно одинаково в разных языках. Явление полисемантичности характерно для всех языков, но нет соответствия в области значений для лексических единиц в разных языках (Tomaszkiewicz 1996, 94). Как видно на примере приведенного фрагмента, достижение одинакового восприятия текста оригинала и его перевода было нарушено из-за отсутствия в целевом языке подходящей пары омонимов. Механизм явления многозначности иллюстрирует также следующий пример:

Siara: No to dawaj tę połówkę.

Сяра: Давай эту половинку.

Приведенный фрагмент является примером комизма в двух измерениях. Данная реплика дополняет, с точки зрения юмора, сцену, когда мы слышим разговор Сяры с Киллером, когда второй должен был дать первому половинку банкнота, являющуюся пропуском к большим деньгам. Согласно содержанию фильма, Киллер не имеет обещанного банкнота. Сяра помнит, что является важным в данный момент, и говорит: «Давай эту половинку» [«Dawaj tę połówkę»], подразумевая половинку банкнота. Киллер готов выполнить эту просьбу, он достаёт пол-литры водки и отвечает, что не мог прийти в гости с пустыми руками. Представленная сцена вызывает юмористическое восприятие у польского зрителя, так как здесь наблюдается игра слов, заключающаяся в использовании Сярой слова *połówka* в значении «половина банкнота», а Киллером – в значении «пол-литра водки». Трудность передачи в переводе комизма, присутствующего в оригинале, заключается в том, что наблюдаются многозначные слова и элементы культуры страны исходного языка. Русскоязычный зритель не ассоциирует ключевое слово *połówka* так же, как польский зритель. Можно с уверенностью сказать, что русскоязычный перевод не совсем правильно интерпретирован, то есть данный перевод нельзя считать полноценным. Реплика лишена комического эффекта, характерного для оригинальной версии текста. При переводе реплик такого рода следует учитывать эффект перевода, который должен заключаться в том, чтобы иностранный зритель, благодаря своей интеллектуальной компетентности и чувству юмора, мог воспринять комизм ситуации так же, как зритель, понимающий язык оригинала.

Представленные примеры подчеркивают сложность перевода явления комизма. Нередко трудности возникают из-за системных различий между языком оригинала и переводом. Чтобы сохранить комизм речи и сцен, переводчик должен искать эквиваленты комизма в другой области, чем автор оригинала. В данном примере была

использована стратегия удаления сатирических элементов из перевода. Кроме того, обсуждаемый пример можно считать языковой шуткой, относящейся к тому, что происходит на экране. Тогда пространство для маневров переводчика становится особенно узким, так как в переводе нельзя пропустить важный фрагмент диалога.

Следующая группа семантической языковой игры – это родственные слова, то есть комбинация слов, имеющих общий корень. Использование однокорневых слов с целью создания языковой игры представляют следующие примеры:

Wąski: Moim zdaniem, według mnie kilka niedociągnięć jest.
Siara: Kilka niedociągnięć? A gdzie tu są dociągnięcia?

Вонски: Ну, несколько недостаточков есть.

Сяра: А где достаточки?

Источником юмора в цитируемом диалоге является ошибочное применение в диалоге слов, имеющих одинаковый корень – *niedociągnięcie* и *dociągnięcie*. Это не антонимы, потому что в польском языке слово *niedociągnięcie* – «недостаток, недочёт» – используется в понимании плохого исполнения чего-либо или дефекта, брака вещи или неправильного действия. С другой стороны, слово *dociągnięcie* – «затягивание» используется как синоним следующих слов: *притянуть*, *притащить*, *затянуть*. Можно предположить, что неточный выбор слов был намеренным, что привело к юмористическому эффекту. В целевом тексте переводчик решил использовать антонимы в виде диминутивов с суффиксом „-очк-”, то есть *достаточки/недостаточки*. Это решение не вызывает юмористического эффекта в переведенной реплике.

Szpula: A więc co mam powiedzieć Spiętemu?

Kwinto: Aby się rozpiął.

Шпуля: Так что мне сказать Застёгнутому?

Квинто: Чтобы расстегнулся!

В приведенном примере языковая игра заключается в соединении неологизма *Spięty*, характеризующего человека, находящегося в психическом напряжении, в ожидании какого-то события, и глагола *rozpiąć się* - представляющего собой в данном диалоге разговорный термин, обозначающий состояние расслабления. Кроме того, в рассматриваемом примере присутствует явление гомофонии, или фонетическое сходство языковых форм, усиливающее комический эффект диалога. В русском варианте была применена стратегия точного перевода языковой игры. В этом случае верность понимается как эквивалент по отношению к оригиналу. Она была достигнута на семантическом и формальном уровнях. Семантическая верность означает

идентичность содержания сообщения, встречающегося в оригинале и переводе. В то же время точность на формальном уровне достигается за счет использования такого же механизма языковой игры, как в исходном тексте. На наш взгляд, правильность выбора вышеуказанной стратегии перевода очевидна и не требует дополнительных комментариев.

Последним примером механизма создания речевого комизма была выбрана модификация предложений с ключевым словом.

Aldona: Ja już mam 21 lat.

Lipski: A ile on ma?

Aldona: Czterdzieści może mniej.

Lipski: Ile na koncie ma?

Aldona: Nie pytałam.

Aldona do Kilera: Ile masz lat na koncie?

Альдона: Мне 21 год.

Липски: А ему сколько?

Альдона: Около сорока, может меньше.

Липски: Сколько в банке?

Альдона: Я не спрашивала.

Альдона: Сколько тебе лет?

Цитируемый диалог происходит во время сцены, когда одна из героинь фильма, Альдона, инфантильная в своей речи, сообщает отцу о намерении выйти замуж. Как видим, разговор происходит несколько сумбурно. Недовольный отец спрашивает о размере банковского счета будущего зятя. Альдона, не зная ответа, задаёт вопрос Киллеру, находящемуся в автомобиле: *Ile masz lat na koncie?* – «Сколько имеешь на счету лет?»

Это модификация двух вопросов, которые раньше прозвучали в диалоге: *Ile ma lat?* (сколько он имеет лет?) и *Ile ma na koncie?* (сколько у него на банковском счету?). В результате представленной модификации высказывания зритель воспринимает Альдону как незрелую женщину, и это создает юмористический эффект. Переводчик в очередной раз сделал буквальный перевод диалога, потеряв при этом комический эффект. В этом случае проблема и ключ перевода заключались в использовании слова *konto* – «счёт» в модифицированном предложении. Полный отказ от языковой игры в этом случае неоправдан, так как переводчик имел возможность применить модификацию предложения, используя языковую (грамматическую, семантическую, фонетическую) ошибку героя, указывающую на нескладное использование языка, которое образует речевой комизм в переводе.

Первый метод, представленный в данной работе, - это точный перевод вербального комизма (фрагмент со словами *Spięty* – «Застёгнутый», *rozpiąć się* –

«растянуться»). Применение точного перевода стало возможным благодаря использованию механизма построения идентичного языка, как это представлено в исходном тексте. В этом случае можно говорить о полной эквивалентности. Однако, следует помнить, что возможность использования полной эквивалентности на семантическом и формальном уровнях применяется редко из-за наличия несоответствий в языковых системах. Сложности в переводе словесного комизма появились в случае языковой игры с использованием феномена многозначности. В такой ситуации переводчик вынужден был отказаться от семантического соответствия оригиналу. В последнем случае применяется полный отказ от вербального комизма, без ввода в ключевое место языкового приёма другого вида. Такие переводы считаются некорректными, так как лишают русскоязычного зрителя комического колорита, присутствующего в оригинале. Основной целью, которую ставит перед собой переводчик, должен быть качественный результат его работы. Итог работы переводчика должен быть таким, чтобы иностранный зритель мог понять комизм ситуаций и смеяться над ними так же, как зритель, владеющий языком оригинала. Достижение вышеуказанной цели - это непростое задание, о чём свидетельствуют примеры, рассмотренные в статье. Тем не менее, можно сделать вывод, что переводчик слишком легко поддавался и выбирал более лёгкий вариант – применение буквального перевода, которое мы, бесспорно, можем считать ошибочным.

Следует подчеркнуть, что обсуждаемые вопросы являются лишь частью более широкого исследования передачи комизма в аудиовизуальном переводе и не могут считаться исчерпывающими. Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что сохранение в переводе комизма, присутствующего в фильмах, представляет собой сложную и трудоёмкую работу, требующую от переводчика профессиональных знаний и умений.

Использованная литература / References

Печатные источники:

ADAMOWICZ-GRZYB, G. (2013): *Tłumaczenie filmowe w praktyce*. Warszawa: Fortimia, 2013. 238. ISBN 9788393153039.

BERGSON, H. (1977): *Śmiech – esej o komizmie*. Warszawa: Wydawnictwo Literackie, 1977. 249. ISBN 9788390265346.

HENDRYKOWSKI, M. (1994): *Słownik terminów filmowych*. Poznań: Ars Nova. 1994. 341. ISBN 83-85409-27-0.

TOMASZKIEWICZ, T. (2006): *Przekład audiowizualny*. Warszawa: PWN. 2006. 233. ISBN 9788301146375.

WARCZALA, J. (1991): *Dialog potoczny a tekst*. Katowice: Uniwersytet Śląski. 1991. 127. ISBN 832260405X.

Профиль автора:

Ивона Мытык, аспирант, магистр

Научные интересы: теория перевода, аудиовизуальный перевод, языковые игры

e-mail: imytyk@gmail.com

Место работы: Педагогический университет, Краков, ул. Подхоронжих 2, 30-084, Польша

Author`s profile:

Iwona Mytyk, Ph.D. Student, Master

Research interests: Theory of Translation, Audiovisual Translation, Comedy

e-mail: imytyk@gmail.com

Place of work: Pedagogical University of Cracow, Cracow, 2 Podchorazych Street, 30-084, Poland

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ПЕРЕВОДА ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА – КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

TRANSLATION ISSUES IN DRAMATIC TEXT – COMMUNICATIVE ASPECT

Мачей Малек

Резюме:

Статья объясняет вопрос транслатологической коммуникации, особенно, в сценических текстах. Авторы проанализировали достижения русского и польского языкознания. В эмпирической части авторы привели мнение переводчиков, т.е. людей работающих с и над сценическим текстом, что лишь подтверждает теоретическую основу. Авторы обращают еще внимание на повышающуюся роль переводчиков, не только в контексте перевода, но также в обществе.

Ключевые слова:

теория транслатологической коммуникации, театр, сценический перевод

Abstract:

The article brings arguments in favour of the communication values and their significance in translation of dramatic texts in particular. It also summarizes achievements so far of the discipline emphasizing different approaches to it. In the empirical part the author invoked the interpreters' statements and therefore people who works on and with the language. This exemplifies and consolidates theoretical aspects of translation. The author of the article draws also attention to the new tendencies in translation studies including growth in the importance of practitioners not only in the translation sphere but also in their role in the social life.

Keywords:

Communicative Translation, Theatre, Stage Translation

Перевод часто принуждает исследователей анализировать коммуникационную сторону переводимого текста. Это, с одной стороны, тщательная интерпретация коммуникационных элементов, а с другой – «диалог с текстом, языком, культурой, обуславливающий правильное понимание текста и элементов мира, представленных читателем перевода» (Pstyga, онлайн).

В настоящей статье мы хотим сосредоточиться на месте переводчика в коммуникационной схеме, широко понимаемого театрального пространства. Этот вопрос мы хотели бы развернуть в двух аспектах. Во-первых, мы попытаемся определить роль переводчика в процессе перевода, во-вторых, в более социологическом контексте, сосредоточимся на ситуации переводчика и его правах в иерархии институции театра.

Название этой статьи – это ссылка на книгу Ежго Аксера - *Филолог в театре* [польск. Jerzy Axer – *Filolog w teatrze*]. Автор высказывается в ней на тему специфики театрального произведения, а также излагает своё мнение на счёт функции слова, как источника сценических образов. Аксер подчёркивает, что работа филолога, а в том числе и переводчика, может понадобиться при расшифровке, чтении и анализе драматических

текстов. В своих рассуждениях Аксер доказывает, что основным элементом текста является слово, потому что именно оно содержит информацию, которую автор сознательно закодировал. Аксер не отрицает однако роли и значимости остальных театральных знаков, с которыми слово входит в определённые отношения. Это, например, отношение слово – сценический образ, слово – реквизит, а также слово – физические движения. Нас однако интересует, прежде всего то, каким образом эти слова, знаки и отношения были переведены для театра и какую роль в этом сыграл переводчик.

Любой акт перевода состоит из введения в языке и культуре перевода сообщения, созданного в исходном тексте (Bednarczyk 2006, 8). Поэтому, методологической точкой отсчёта для нынешних исследований будут тезисы выдвинутые Романом Якобсоном – создателем модели языковой коммуникации и функции языка. В статье *Лингвистика и поэтика* (1975) Якобсон подчёркивает, что многие явления, изучаемые поэтикой, не ограничиваются рамками словесного искусства (Якобсон 1975, 45). Он доказывает, что поэтические явления могут относиться также к неязыковым аспектам, например, к балету, музыке, и т.д. Это подтверждает общеизвестную мысль – люди выражают свои чувства с помощью разного типа знаков: мимики, жестов, цветом и композицией, символами и формулами... В каждом из этих случаев, знаковая функция состоит в замене одного кода на другой (Kielar 2013, 13). Таким образом, для носителей языка значение довольного знака является его переводом на другой альтернативный знак, в особенности, на знак, в котором он «исполняется» лучше (Якобсон 1975, 43).

Этот вид перевода – межсемиотический перевод – Якобсон сравнивает с переводами внутриязыковым и межъязыковым (Якобсон 1978, 16-24). Каждый адресат языковых сообщений является одновременно переводчиком языковых знаков, потому что языкознание не может анализировать никакого языкового факта, не переводя его на другие знаки той или другой системы.

Обсуждая коммуникационный вопрос, следует привести здесь укоренившиеся в языковедческой традиции слова Якобсона:

Адресант посылает сообщение адресату. Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходимы: контекст, о котором идёт речь, контекст должен восприниматься адресатом, и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию, код полностью или частично общий для адресанта и адресата, и наконец контакт – физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию (1975, 198).

Работы Якобсона, оказавшие огромное влияние на гуманитарные науки в шестидесятые годы и позже, способствовали возникновению новых моделей межчеловеческой коммуникации, обогащая их разными дополнительными элементами. Конечно, свою схему выработала также теория перевода¹ (Balcerzan 2011,

¹ В Польше это работы Ф. Грuchy: *Zagadnienia Translatoryki*. In *Glottodydaktyka i translatoryka*, 1981, Warszawa; *Wyodrębnienie się, stan aktualny i perspektywy świata translacji i translatoryki*. In *Lingua Legis* 6, c.

181). Эта модель, в которой переводчик занимает главное место, приобрела канонический статус (Lewicki 2010, 45-46). Место переводчика в процессе перевода иллюстрирует нижеуказанная схема:

Схема 1: Транслатологическая модель Ф. Гручи (Grucza 1981, 9-29).

Из этого вытекает, что переводчик, являющийся как косвенным адресатом, так и косвенным адресантом, декодирует текст одной языковой системы и передаёт его с помощью другой системы. Как замечает Роман Левицки (Lewicki 2017, 68), с момента создания первой версии данной модели схему значительно сократили, забывая про третью важную функцию переводчика – перекодирующую². Левицки подчёркивает, что роли переводчика, как адресата и адресанта сообщения не вычерпывают его обязанностей в процессе перевода и не обеспечивают правильной реализации данного акта. Учёные, объединённые вокруг Лейпцигской школы, во главе с Герартом Ягером, определяют эту функцию как языковое посредничество. Его суть состоит в обеспечении переводческой эквивалентности между текстами оригинала и перевода (Lewicki 2010, 45–46). Такая позиция переводчика позволяет установить, анализируемую схему в контексте антропоцентрических исследований перевода. Один из основных тезисов данного явления лишь подтверждает выше приведённые предположения – «любой акт перевода в первичном замысле инициатора перевода должен создавать коммуникацию, потому что, именно она является смыслом любого акта перевода и в этих категориях должна рассматриваться» (Żmudzki 2013, 179). Такой подход осуществляют и переводчики-литературоведы, которые считают, что коммуникация «в широком смысле – это коммуникация между человеческими мирами в их внеязыковом измерении, в узком – всегда какой-нибудь акт коммуникации, происходящий между людьми» (Lipiński 2004, 129). Чтобы точно передать сложность процесса перевода в коммуникационном контексте, эту проблему следует рассматривать шире, поскольку эта модель должна отображать все компоненты, которых не учитывают межъязыковая

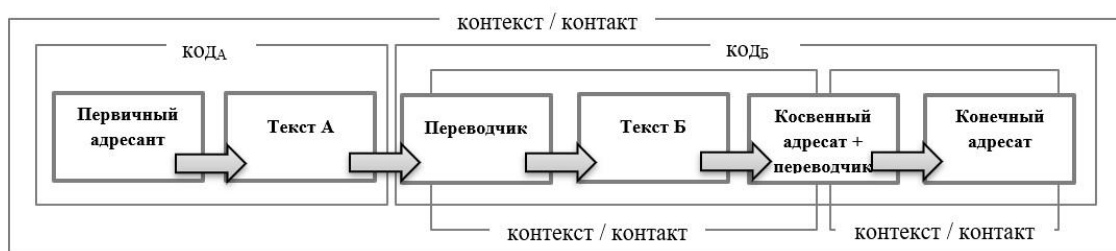
2–12), Б. Келар: *Zarys translatoryki*, 2003, Warszawa, или Р. Левиского: *Zagadnienia lingwistyki przekładu*, 2017, Lublin.

² Р. Левицки ссылается тут на немецкого языковеда, Оттона Каде, который первый представил схему языковой коммуникации в работе: *Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation*. Beiheft II zur Zeitschrift „Fremdsprachen“, Leipzig 1968.

и межкультурная коммуникации. Это, например, языковой и культурный коды, общественно-культурные процессы, а также влияние и интерпретация реципиентов (Pstyga 2013, 26-28).

Интерпретационным пространством существенным для нынешних исследований является театр. Как в польской, так и русской школе перевода перевод сценических текстов не находится в центре внимания исследователей. Это вызвано, кажется, тем, что этот вопрос многоаспектный. Сценический перевод использует инструменты языкознания, литературоведения, теории театра, визуального искусства и, упомянутой уже, теории коммуникации. В случае сценического перевода, следует принимать во внимание поликодовость акта коммуникации, которые нужно учесть в процессе перевода. Конечно, текст пьесы является важнейшим элементом сценического зрелища, однако, не единственным. Постановка, будучи комплексом разнообразных факторов, является в этом смысле еще сложнее (Csato 1958, 64).

Схема 2: Транслатологическая модель в театральном пространстве – автор. М. Малек

Самое существенное в этой схеме – путь исходного сообщения, написанного в языке оригинала, к конечному сообщению, высказанного в языке перевода. Созданную другими исследователями модель можно расширить дополнительными элементами. Однако надо учесть, что исходное сообщение – это текст оригинала, а конечный реципиент – это зритель в театре.

В приведённой выше схеме первый сегмент сохраняется без изменений, однако уже вопрос роли переводчика усложняется. Переводчик создаёт новое сообщение – текст в языке Б – которое не доходит непосредственно до конечного адресата, но к косвенному. Его роль состоит в том, чтобы обработать полученное сообщение – переведённая версия сценария – ввести изменения, которые после второй обработки, переводчиком, будут действовать как конечная версия сообщения – сценария. Именно эта версия, после всех изменений, доходит к конечному адресату – зрителю. Косвенного адресата понимаем тут как всех людей, работающих с \ над текстом постановки: режиссёр, актёры, сценарист, хореограф, ассистенты и все, имеющие влияние на финальный эффект. Сравнительные анализы сценария и постановки показывают, что хотя сценарий – это суть сценической реализации, то полная ему верность невозможна. Это касается, прежде всего, восклицаний, синтаксиса или форм диминутивных.

Создавая текст, переводчику надо принимать во внимание реципиента и его познавательные возможности. Иначе говоря, это языковые и внеязыковые знания реципиента, а также возможность понять сообщение. Учёт этих факторов позволит достичь желаемого результата. Якобсон (Якобсон 1975) замечает, что условием реализации акта коммуникации является тождество кода, которым пользуются адресант и адресат, а кроме того, и тождество контекста, т.е. действительности, к которой это сообщение относится. Следует еще заметить, что вся модель имеет свой контакт и характерный для себя контекст. Кроме того, можно выделить еще контекст и контакт между переводчиком и театральным медиумом, а также контекст и контакт между театральным медиумом и реципиентом. «Рабочий» контекст акта коммуникации между переводчиком и театральной труппой будет отличаться от сути целого акта – коммуникации между актёром и зрителем. Барбара Келар называет это иначе. Она упоминает следующие элементы, которые переводчик должен проанализировать: предмет перевода, социологические элементы, влияющие на перцептивные возможности зрителей, интеллигенция реципиентов, позволяющая понять скрытые смыслы оригинала и перевода (Kielar 2013, 25).

Как мы уже упомянули, похожие модели появлялись на протяжении многих лет. Одну из них предложил Ян Ференчик (Ferenčík 1982, 72), который создал модель: автор – переводчик (первая интерпретация) – режиссёр и театральный советник (вторая интерпретация) – другие члены театрального коллектива, занимающиеся постановкой (третья интерпретация) – зритель (четвёртая интерпретация). Кроме того, Ференчик замечает, что эта цепочка одновременно представляет собой промежуток времени в процессе реализации постановки. Замечание Ференчика имеет смысл, потому что отдельные элементы акта коммуникации редко происходят синхронно и в одном месте. Модель отождествляет натуральный процесс создания текста, однако они могут меняться и во времени, и в пространстве. Это влияет на возможность конечного реципиента понять текст (Kielar 2013, 22).

Главное место в этой схеме занимает переводчик, хотя это неочевидно. В польской школе переводоведения существует тенденция представлять переводчика по стороне адресанта. Исследователи забывают, что переводчик работает для вторичного реципиента, так как, именно его интересы должны отражаться в переводе. Учёт переводчика, лишь в рамках представителя чужой культуры, отрицает его роль медиатора культур (Gaszyńska-Magiera 2013, 59–60). Таким образом, перевод это специфическая форма употребления языка. Замена кода сопровождается многоэтапной интерпретацией (переводчика, режиссёра, реципиентов), что зависит от разного рода компетенций определённых участников акта коммуникации. Переводчик, интерпретируя текст, принимает определённую точку зрения, от которого будет зависеть конечный результат. Эти выборы часто навязаны интенциями и требованиями пользователей языка перевода. Переводчик, как особый реципиент, интерпретирует не только то, что в тексте выражено напрямую, но также открывает скрытые смыслы (Pstyga 2013, 29–30).

Данные модели имеют одно значимое преимущество – классифицируют важнейшие коммуникационные элементы и дают возможность постоянного их расширения. К сожалению, эти модели не рассматривают коммуникационных шумов, т.е. работают в идеальных условиях. А ведь нет такого акта, в котором не присутствовали бы коммуникационные барьеры (Spirka 2016, 46). Такая ситуация выступает также в случае театра, в котором существует много шумов, могущих усложнить восприятие сценической реализации. Речь идёт о проблемах, названных Суссан Басснетт (Bassnett 1985, 249). Это *playability* и *speakability* (*играбельность* и *произносимость*). Вопрос сценического перевода всегда связан с актёрскими способностями и артикуляционными возможностями. Если артикуляционные системы языков близки друг к другу, проблема произносимости уменьшается. Уменьшается также проблема непонятности «чужого» среди реципиентов. Но есть звуковые и культурные системы, которые могут явиться серьёзной проблемой как для переводчиков, так и для актёров или зрителей. Переводчик должен так перевести текст, чтобы все элементы возможно было сыграть и высказать, но при этом, не потерять семантические стилистические и прагматические особенности.

В эмпирических исследованиях анализируются решения переводчиков, но не только в контексте сравнительного анализа двух текстов. Учитываются также тексты, которые создались во время работы над постановкой: сценарий и заметки к нему, советы присутствующих лиц, «громкое мышление» и др. Эти элементы следует тогда сопоставить с конечной формой постановки – видеозаписью. Кроме того, следует учитывать также эпоху создания текста и его реализации. Это требует от переводчика широких знаний истории, истории литературы и истории театра. Не у всех зрителей такие знания, поэтому театры идут им навстречу, создавая программы и информационные брошюры, с которых реципиенты узнают важнейшую информацию насчёт пьесы (Csato 1958, 48). И тут видна работа переводчика, который кроме самого сценария, занимается обычно и всеми паратекстами, сопровождающими постановку.

Польский теоретик перевода, Магда Хейдел, замечает, что «социология перевода видит феномен перевода как общественную практику и поддает анализу разные измерения профессии переводчика и исследователей» (Heydel 2009, 31–32). На вопрос, почему переводчик играет такую значимую роль в сценическом переводе, ответили в своё время практики перевода – переводчики, ежедневно работающие с драматическими текстами, актёрами, режиссёрами и другими. Работа переводчика драмы отличается от работы остальных переводчиков. В этом случае работа происходит не только с текстом, но прежде всего, с его сценическим воплощением. Как пишут Дж. Веллворт и Д. Джонстон (Wellwarth 1981, 74; Johnston 2004, 25–38), существует определённая необходимость прекратить связь с письменной формой работы над переводом и употребить инструменты характерные для семиотики театра. Присутствие переводчика в большинстве обработок сводится к тезису, что слова на страницах сценария не способны передать все. В связи с этим неоценимую помощь переводчики находят в опыте актёров. Перевод драмы часто принуждает переводчиков войти на

сцену в театре – хотя бы в их воображении – поскольку лишь так смогут понять некоторые элементы текста. Таким образом, появляются новые вызовы для переводчика. Переводчик из текста должен вычитать все, что понадобится в сценической реализации и отдать реалии данной эпохи. Переводчик является тогда режиссёром, его помощником, машинистом сцены (Skwara 2015, 56). Чтобы полностью представить этот вопрос, следует сейчас привести мнение практиков – переводчиков драматических текстов³.

Каролина Биконт, польская переводчица немецкого языка, замечает, что это незабываемое чувство – услышать свой текст, увидеть, понимают ли актёры суть стилистических нюансов, а также, являются ли все решения аккуратными. Многие переводчики переводят под заказ определённых театров или режиссёров, образуя тем самым «постановочные тандемы». Переводчики участвуют обычно в процессе работы над постановкой: сотрудничают с режиссёром во время репетиции, пишут и занимаются редакцией текстов, сопровождающих постановку, организуют авторские встречи и фестивали, работают кураторами и нетворкерами, иницилирующими межкультурный трансфер. В качестве примера можно привести другую польскую переводчицу – Анешку Любомиру Пиотровску. Переводчица честно говорит, что во время работы над постановкой любит участвовать в настольных репетициях, потому что может объяснить некоторые свои решения. Она ссылается на работу над *Вишневым садом* А. Чехова, где заметила, что все персонажи, кроме Лопехина, говорят неграмотно. Ей надо было объяснить, что не она, а именно Чехов использует такой приём и это лишь ее ответ на его язык. Настольные репетиции это момент, в котором переводчик может проверить, понимают ли режиссёр и актёры его намерения. Другой пример, это ее работа над пьесой *Мещане* М. Горького, в которой можно заметить множество многоточий. Конечно, каждое многоточие имеет своё значение – одни указывают на психическое состояние персонажа, другие указывают, на то, что персонаж задумался... И в этом месте переводчик, как медиатор культур и языков, решает и объясняет режиссёру все возможные контексты текста и его многозначительность. К сожалению, это не всегда возможно. Часто роль переводчика ограничивается лишь переводом. Потом сценарий начинает жить своей жизнью и может сильно измениться. С этим связано также то, что редко их фамилии появляются на афишах, не платят им авторского гонорара, а иногда, они даже не имеют право участвовать в упомянутых уже настольных репетициях.

Приведённые нами примеры не исчерпывают, конечно, всего списка задач связанных с присутствием переводчика в театре. Однако это может стать импульсом для следующих исследований в русле переводческой коммуникации и транслатологического антропоцентризма. В заключение можно повторить, что постановка это сложный художественный жанр. Театр добавляет к тексту свои семиотические знаки, как движение, жесты, мимику. Уже это следует считать вызовом

³ *Tłumacz w teatrze. Mała literacka:*

<http://nowy.pl/item/teatr%20+%5Ben%5Dtheater%20+%5Bde%5DTheater%20+/article/tumaczwteatrze/lang/pl> [дата обращения 10.09.2018]

для зрителя, потому что, не хватит только увидеть все знаки, но понять их без объяснений – является сложной задачей. (Csato 1958, 47).

Использованная литература / References

Печатные источники:

- AXER, J. (1991): *Filolog w teatrze*. Warszawa: PWN, 1991. 222. ISBN 8301102888.
- BALCERZAN, E. (2011): *Tłumaczenie jako „wojna światów”*. W *kręgu translatoologii i komparatystyki*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2011. 336. ISBN 978-83-232-2347-4.
- BASNETT-MCGUIRE, S. (1985): Ways through the Labyrinth. Strategies and Methods for translating theatre texts In *The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation*. London: Croom Helm, 1985. 249. ISBN 0312512880.
- BEDNARCZYK, A. (2006): Przekład-komunikat. Praktyka przekładu na tle współczesnych koncepcji transplamtologicznych. In *Przekład jako komunikat*. Katowice: Wydawnictwo Naukowe ŚLĄSK, 2006. 238. ISBN 83-7164-488-4.
- CSATO, E. (1958): *Widz w teatrze*. Warszawa: Wydawnictwo związkowe, 1958. 164.
- FERENČIK, J. (1982), *Kontexty prekladu*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982. 149. ISBN 12-72-075-82.
- GASZYNSKA-MAGIERA, M. (2013): Przekład literacki w perspektywie komunikacji międzykulturowej. In *Przekład jako akt komunikacji międzykulturowej*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe, 2013. 347. ISBN 9788323225348.
- GRUCZA, F. (1981): Zagadnienia translatoryki. In *Glottodydaktyka a translatoryka*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1981. 184. ISBN 8300010688.
- HEYDEL, M. (2009): Zwrot kulturowy w badaniach nad przekładem. In *Teksty Drugie 6*. Warszawa: Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk, 2009. 270. ISSN 0867-0633.
- JOHNSTON, D. (2004): Securing the Performability of the Play in Translation. In *Drama translation and Theatre Practice*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2004. 518. ISBN 978-3-631-50755-1.
- KIELAR, B. (2013): *Zarys Translatoryki*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej UW, 2013. 122. ISBN 978-83-64020-05-6.
- LEWICKI, R. (2010): Pojęcie transformacji przekładowych w kontekście statusu tłumacza. In *Lingwistyka stosowana 3*. Warszawa: Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej, 2010. 340. ISSN 2080-4814.
- LEWICKI, R. (2017): *Zagadnienia lingwistyki przekładu*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2017. 362. ISBN 978-83-7784-956-9.
- LIPÍŃSKI, K. (2004): *Mity przekładoznawstwa*. Kraków: Egis, 2014. 155. ISBN 8373962743.
- PARCHEM, W. (2014): Kwestia sceniczności tłumaczeń utworów dramatycznych. In *Acta Philologica 45*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. 238. ISSN 0065–1524.
- PSTYGA, A. (2013): *Przekład w komunikowaniu medialnym. Wybrane zagadnienia na podstawie polskich przekładów rosyjskich tekstów prasowych*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013. 158. ISBN 978-83-7865-113-0.
- SKWARA, E. (2015): Tłumacz na tropie, czyli o ruchu scenicznym w Phormio (wersy 981-989) Terencjusza. In *Przekładaniec 31*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. 310. ISBN 978-83-233-4133-8.
- SPYRKA, L. (2016): *Dramat słowacki w Polsce. Przekład w dialogu kultur bliskich*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2016. 528. ISBN 978-83-8012-830-9.

WELLWARTH, G.E. (1981): Special Considerations in Drama Translations. In *Translation Spectrum. Essays in Theory and Practice*. Albany: State University of New York Press, 1981. 172. ISBN 978-0-87395-436-5.

ŻMUDZKI, J. (2013): Holizm funkcjonalny w perspektywie translatoryki antropocentrycznej. In *Lingwistyka Stosowana* 8. Warszawa: Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej, 2013. 216. ISSN 2080-4814.

ЯКОБСОН, Р. (1975): Лингвистика и поэтика. In *Структурализм «за» и «против»*. Москва: Прогресс, 1975. 469.

ЯКОБСОН, Р. (1978): О лингвистических аспектах. In *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. Москва: Международные отношения, 1978. 232.

Онлайн-источники:

PSTYGA, A. (онлайн): Słowo i tekst w komunikacji przekładowej (na materiale rosyjskich tekstów prasowych w przekładzie na język polski). In *Humanity, Computers and Communication*. Lviv: Lviv Polytechnic National University, 2015. 248. [онлайн]. Режим доступа: <https://docplayer.pl/amp/18729337-Slowo-i-tekst-w-komunikacji-przekladowej-na-materiale-rosyjskich-tekstow-prasowych-w-przekladzie-na-jezyk-polski.html> [дата обращения: 05.04.2019].

Профиль автора:

Мачей Малек, аспирант, магистр

Научные интересы: теория перевода, художественный перевод, межъязыковая омонимия и паронимия

e-mail: maciekmalek93@gmail.com

Место работы: Силезский университет, Институт языкознания, Сосновец, ул. Ген. С. Грота-Ровеского 5, 41-205, Польша

Author's profile:

Maciej Malek, doctoral student, Master

Research interests: Translation Theory, Artistic Translation, interlanguage homonyms and paronyms

e-mail: maciekmalek93@gmail.com

Place of work: University of Silesia, Institute of Linguistics, Sosnowiec, gen. S. Grot-Roweckiego 5 street, 41-205, Poland

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТИЦА *НЕ... БЫ* В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ГРАММАТИСТОВ

AN ANALYTICAL PARTICLE "NOT... " BE IN THE WRITINGS OF RUSSIAN GRAMMARS

Алёна Васильевна Сергеева

Резюме:

В статье освещаются вопросы, связанные с возрастанием значимости частиц в структуре предложения и, как следствие, усилением аналитических тенденций в современном русском языке. Одной из частиц, способной создать вместе с инфинитивом аналитическую конструкцию, является модально-экспрессивная частица *не... бы*, реализующая два основных значения: опасения, предупреждения нежелательного действия. В настоящей статье показан путь исследования данной частицы в трудах отечественных грамматистов, посвящённых анализу частиц современного русского языка. Особо отмечается существование разных точек зрения относительно связи интересующих нас частиц. Одни исследователи квалифицируют *не... бы* как две самостоятельные частицы, в том числе все регулярные сочетания с частицей *бы* (*б*) относят только к сослагательному наклонению. Другие отмечают сочетание данных частиц в инфинитивном предложении, но в то же время не связывают данные частицы в единую парную. Третьи называют *не... бы* аналитической частицей, оформляющей в инфинитивном предложении нежелательность действия, отмечая при этом, что данное модальное значение может быть осложнено или усилено дополнительными значениями или оттенками при наличии других частиц, а также с участием деталей интонации.

Ключевые слова:

анализм, аналитическая частица, парная частица, опасение, предупреждение.

Abstract:

The article highlights issues related to the increasing importance of particles in the structure of the sentence and, as a consequence, the strengthening of analytical trends in the modern Russian language. One of the particles capable of creating an analytic construction with the infinitive is a modal-expressive particle "not...would" realizing two basic meanings: fears, warnings of undesirable actions. This article traces the path of research of a given particle in the writings of Russian grammarians devoted to the analysis of particles of modern Russian language. The existence of different points of view regarding the connection of the particles of interest to us is especially noted. Some researchers would not qualify ... as two separate particles, including all regular combinations with the particle (*b*) would be attributed only to the subjunctive mood. Others note the combination of these particles in the infinitive sentence, but at the same time they do not link these particles into a single pair. Still others do not call ... an analytic particle that forms the undesirability of an action in an infinitive sentence, also noting that this modal value may be complicated or enhanced by additional meanings or shades with other particles, as well as with intonation details.

Keywords:

analyticism, analytical particle, pair particle, fear, warning.

В русском языке, как известно, существует 3 способа выражения грамматических значений: синтетический, аналитический и смешанный (аналитико-синтетический).

Русский язык по своему грамматическому строю является языком синтетическим, так как грамматическое значение заключено в словоформе. При аналитическом же способе, как правило, грамматическое значение выражается при помощи служебных слов – вспомогательных глаголов, предлогов, частиц, то есть передается вне пределов данного слова, а функция и значение этих форм выявляются в контексте.

Одним из важнейших изменений, затрагивающих всю русскую языковую систему, является тенденция к усилению черт аналитизма, изучение которого имеет глубокую традицию, представленную в работах В. В. Виноградова, М. В. Панова, П. А. Леканта, Н. С. Валгиной и других. Так, В. В. Виноградов утверждал, что «структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, «аналитическому», более того «аналитические формы речи <... > не только количественно возрастают, но и качественно усложняются, становятся значительнее и определённое» (Виноградов, 1972, 36). К тому же явления аналитизма и аналитические формы он выделяет и описывает во всех основных частях речи.

И. Г. Родионова считает, что усиление аналитических тенденций в современном русском языке проявляется не только в морфологии, но и в синтаксисе, и связано оно, прежде всего, с возрастанием значимости служебных слов, в первую очередь частиц, в выражении лексической и грамматической информации в структуре предложения (Родионова, 2014, 9). По справедливому замечанию П. А. Леканта, «участие частиц в образовании аналитических форм и конструкций нужно рассматривать на фоне общего процесса роста аналитизма в грамматическом строе русского языка» (Лекант, 2013, 3).

Таким образом, невозможно отрицать, что в современном русском языке явление аналитизма затрагивает всю грамматику – от морфологии до синтаксиса, в том числе аналитические тенденции присущи и категории частиц. Частицы способны образовывать вместе с полнозначным словом аналитическую форму или конструкцию, которая вносит в предложение новый определённый оттенок значения. Также частицы (особенно многокомпонентные) сами по себе могут иметь аналитическое строение, но не в любой из них можно установить аналитичность, напротив, возможен синтез (Лекант, 2013, 4).

Образование и функционирование аналитических частиц обусловлено необходимостью оформлять те виды семантико-синтаксических отношений, которые невозможно передать простыми частицами (Родионова, 2016, 41). Например, парная частица *не... бы*, образованная из двух самостоятельных частиц *не* и *бы*, по утверждению П. А. Леканта, реализует в предложении значение опасения и предупреждения (Лекант, 2012, 6). *Не забыть бы чего! Сначала в город... Ты всё записала, что купить-то надо?* (Островский). *Итак, почему ж не дать бы мне по пятисот рублей за душу, но... состоянья нет; по пяти копеек, извольте, готов прибавить, чтобы каждая душа обошлась таким образом в тридцать копеек.* (Гоголь).

Частицы *не* и *бы* – одни из самых употребляемых слов в русском языке. Согласно данным «Частотного словаря русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной частица *не* занимает 3 место в частотном списке лемм (употребляется 19228 раз). Чаще всего это

слово используется в драматургических (7060 раз) и художественных текстах (4988). Впрочем, это относится и к частице *бы*, частота употребления которой немного меньше – 3941 раз, из которых 1700 раз в драматургических и 817 раз в художественных текстах. Однако отметим, что в названном словаре исследуемая парная частица *не...бы* не представлена, фиксируются лишь отдельные её компоненты – *не* и *бы*. Однако мы, вслед за П. А. Лекантом и И. Г. Родионовой, считаем, что частицы *не* и *бы* в высказываниях и предложениях объединяются в одну аналитическую частицу. На это указывает тот факт, что значения сочетания *не... бы* (опасение, предупреждение нежелательного действия), невыводимость данного значения из значений компонентов позволяет квалифицировать *не... бы* как самостоятельную парную аналитическую частицу.

Поскольку вполне очевидно, что компоненты парной частицы активно используются не только в художественных и драматургических текстах, но и в речи, нам показалось интересным показать путь исследования данной аналитической частицы в трудах отечественных лингвистов.

Следует отметить, что изучение частиц имеет сложную историю: ещё в работах А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева они относились к наречиям. В. А. Богородицкий в «Общем курсе грамматики» обозначил, что некоторые «словечки с пониженной знаменательностью» не подходят ни одну из называемых групп, поэтому могут называться «частицами или частичками», среди примеров частиц он обозначает представляющую для нас интерес частицу *бы*. Также и А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» указывает на исключительное положение частиц в системе частей и особо отмечает среди них частицы *бы*, *ка*, *же*.

В современных исследованиях русского языка, безусловно, все лингвисты относят *не* и *бы* к разряду частиц, однако далеко не все объединяют её в одну парную аналитическую частицу. Так, В. В. Виноградов в монографии «Современный русский язык» относит частицу *не* к отрицательным, а *бы* к формообразующим и модально-волевым частицам. Также он отмечает многозначность частицы *бы* и частоту её использования. «Модальной частицей *бы* является в том случае, когда она вносит в предложение разной структуры оттенок желательной и гипотетической возможности», – указывает В. В. Виноградов (Виноградов, 1952, 425).

Исследователи А. Н. Гвоздев и И. Г. Голанов тоже относят *не* к отрицательной частице, а *бы* к формообразующим частицам, однако И. Г. Голанов связывает *бы* с модально-приглагольными частицами. Он обращает внимание, что частица *бы* не только образует сослагательное наклонение, но и в союзе с инфинитивом обозначает желательность действия, при этом всё выражение произносится с особой интонацией: *Ему лишь бы отделаться! Хоть бы поспеть вовремя!* Однако ни один из исследователей не берёт во внимание особую связь данных частиц в структуре предложения (Голанов, 1965, 257).

В Русских грамматиках (1960, 1970, 1980) – фундаментальных научных произведениях, описывающих грамматический строй русского языка, – исследованию частиц отнесены отдельные главы, в которых основательно рассматриваются разряды,

функции и строение частиц. Во всех вышеупомянутых источниках компонент анализируемой частицы *не* единогласно рассматривается только в составе отрицательных частиц, а частицу *бы* исследователи относят к разным разрядам. Так, в Русской грамматике-60 – *бы* определена в разряд модально-волевых частиц (при глаголе-сказуемом), которые приносят в сказуемое значение желательности, повелительности, побудительности, возможности и долженствования (Виноградов 1960, 641). Грамматика-70 квалифицирует *бы* в разряд синтаксических частиц, служащих для образования форм синтаксических и морфологических наклонений (Шведова, 1970, 313). В Русской грамматике-80 названная частица рассматривается только в разряде формообразующих частиц (Русская грамматика, 1980, 726). Несмотря на то что ни в одной Грамматике сочетание *не...бы* не называется парной аналитической частицей, в Грамматике 1954 года всё же отмечается, что значение опасения, предостережения в инфинитивном предложении выражается исключительно двумя частицами *не* и *бы*, что позволяет сделать вывод о правомерности объединения данных частиц в одну аналитическую.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса были изучены труды Д. Э. Розенталя, И. Б. Голуб, М. А. Теленковой, С. М. Колесниковой, С. И. Богданова, в которых интересующие нас частицы рассматриваются врозь: *не* – модальная отрицательная частица, *бы* – формообразующая. Ни один из авторов не характеризует данные частицы как единую аналитическую.

Первые упоминания о парной аналитической частице *не...бы* нашли отражение в работах П. А. Леканта и И. Г. Родионовой. П. А. Лекант отмечает, что одной из самых продуктивных, самых употребительных модальных частиц является аналитическая *бы – не*, оформляющая в инфинитивном предложении нежелательность действия. «Это модальное значение может быть осложнено или усилено дополнительными значениями или оттенками при наличии других частиц, а также с участием деталей интонации (Лекант, 2018, 28). И. Г. Родионова в статье «Парная частица *не... бы* в инфинитивных предложениях» называет факторы, позволяющие квалифицировать *не... бы* как аналитическую модально-экспрессивную частицу, реализующую значение опасения, предупреждения нежелательного действия, а также обращает внимание на связь данных частиц с инфинитивом совершенного вида. Однако не все сочетания *не... бы* являются аналитическими, по справедливому замечанию автора статьи. «Аналитическую частицу *не... бы* <...> следует отличать от двух самостоятельных частиц *не* (со значением отрицания) и *бы* (которая образует форму сослагательного наклонения со значением возможности – невозможности): «Без тебя я *не* добрался *бы* до города и замерз *бы* на дороге» (А. Пушкин); «Где такая крепость, куда *бы* пули *не* залетали?» (А. Пушкин). В подобных высказываниях отрицается возможное или желаемое действие (Родионова, 2016, 44).

Однако не все исследователи считают сочетание *не-бы* (с инфинитивом) аналитической частицей. Так, Н. Р. Добрушина справедливо отмечает, что сочетания *бы* (*б*) с инфинитивом, предикативами и существительными выводятся за рамки

грамматических форм. В предложении: «Хорошо что сумел немного задержать его падение – иначе **не** миновать **бы** ему морского купания», – основная функция сочетания *не...бы*, по мнению Н. Р. Добрушиной, – обозначение того факта, что ситуация не имела, не имеет и не будет иметь места в действительности (Добрушина, 2014, онлайн). Более того она считает, что все регулярные сочетания с частицей *бы* (*б*) относятся к сослагательному наклонению, поскольку с функциональной точки зрения различия между употреблением частицы *бы* (*б*) при форме прошедшего времени и в других сочетаниях не принципиальны.

Несмотря на данное замечание, мы всё же имеем основания полагать, что широкое употребление сочетания *не... бы* в разговорной речи и текстах разных стилей, способность соединяться с инфинитивом, образуя вместе с ним аналитическую конструкцию с самостоятельными значениями – опасения, предупреждения нежелательного действия, позволяет квалифицировать *не... бы* не как две разные частицы, а как одну самостоятельную аналитическую частицу, значение которой не выводится из значений образующих её частиц *не* и *бы*.

Перечисленные труды отечественных грамматистов внесли серьёзный вклад в исследование частиц, однако по-прежнему тема аналитических частиц является актуальной. Во многих цитирувавшихся выше работах не рассматривался вопрос о необходимости объединения и исследования двух часто употребляемых вместе частиц *не* и *бы*. Таким образом, следует отметить, что вопрос о высказываниях, содержащих парную аналитическую частицу *не... бы*, в той или иной степени рассматривался в отечественной грамматике, но при этом имели место различные квалификации и интерпретации сочетаний *не... бы*, также всё же стоит отметить отсутствие полного монографического описания функционирования данной частицы в предложении.

Использованная литература / References

Печатные источники:

БОГДАНОВ С. И. (1997): *Морфология неполнозначных слов в современном русском языке*: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. 140 с. ISBN 5-288

ВАЛГИНА Н. С. (2001): *Активные процессы в современном русском языке*. Москва: Логос, 2001. 304 с. ISBN 5-94010-092-9.

ВИНОГРАДОВ В. В. (1972): *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М., 1972. 601. ISBN 5-06-000191-1.

ВИНОГРАДОВ В. В. (1952): *Современный русский язык. Морфология*. М.: Изд-во Московского университета. 1952. 519 с. ISBN 5-200-03017-X.

ВИНОГРАДОВ В. В., ИСТРИН Е. С., БАРХУДАРОВ С. Г. (1960): *Грамматика русского языка*. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 720 с. ISBN 5-06-000191-1

ГОЛАНОВ И. Г. (1965): *Морфология современного русского языка*. М.: Высшая школа. 1965. 288 с.

ЗАСОРИНА Л. Н. (1977): *Частотный словарь русского языка*. М.: Русский язык. 1977. ISBN 5-271-01002-3

ЛЕКАНТ П. А. (2018): *Модальный арсенал русского инфинитивного предложения*. In

Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2018. № 51. С.25-30. ISBN 978-5-7017-2457-8

РОДИОНОВА И. Г. (2016): «Не забыть бы чего...». Парная частица не...бы в инфинитивных предложениях. In *Русская речь*. 2016. № 2. С.41-47.

РОДИОНОВА И. Г. (2014): Аналитические конструкции с парной частицей не...ли в современном русском языке. In *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. №5. М. 2014. С. 8-13.

ШВЕДОВА Н. Ю. (1970): *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: Наука. 1970. 767 с. ISBN 5-06-000191-1.

ШВЕДОВА Н.Ю. (1980): *Русская грамматика*. М.: Наука. Т. 1.

Онлайн-источники:

ДОБРУШИНА Н. Р. (онлайн): *Сослагательное наклонение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. М. 2011. Режим доступа: <http://rusgram.ru>. [дата обращения: 10.04.2019].

ЛЕКАНТ П. А. (онлайн): *Аналитизм в категории русских частиц*. In *Электронный журнал «Вестник МГОУ»*. М. 2013. С. 1 – 8. Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru. [дата обращения: 10.04.2019].

Профиль автора:

Сергеева Алёна Васильевна, аспирант

Научные интересы: Грамматический строй современного русского языка

E-mail: efimkina-alena@mail.ru

Место работы: Пензенский государственный университет, г. Пенза, Красная, 40, 440026

Author's profile:

Sergeeva Alyona Vasilievna, postgraduate

Research interests: Grammatical structure of the modern Russian language

E-mail: efimkina-alena@mail.ru

Place of work: Penza State University, The city of Penza, Krasnaya street 40, 440026

О РОЛИ ЧАСТИЦ В ОБРАЗОВАНИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

ON THE ROLE OF PARTICLES IN THE FORMATION OF ANALYTICAL SYNTACTIC CONSTRUCTIONS

Инеcса Геннадьевна Родионова

Резюме:

В докладе отмечается усиление аналитических тенденций в грамматическом строе современного русского языка, в результате чего образуются «грамматические идиоматизмы» (В. В. Виноградов). «Грамматические идиоматизмы» представлены аналитическими формами и аналитическими синтаксическими конструкциями. Аналитические синтаксические конструкции обязательно включают частицы (как правило, производные) и реализуются только в предложении. С помощью частиц *самый, сам, куда, гораздо, до чего, что ни на есть, всё, давай* и др. образуются аналитические синтаксические конструкции со значением интенсивности. «Интенсификация в грамматическом аспекте предполагает такие функционально-семантические операции, как акцентирование (подчёркивание), усиление, выделение, полнота, градация (обычно высокая степень), обобщение, оценка» (П. А. Лекант). С помощью частиц *бывало, было, как, нет чтобы, нет-нет да и* и др., функционирующих в составе аналитических синтаксических конструкций, выражаются модальные оттенки значений глаголов-сказуемых. Использование аналитических синтаксических конструкций позволяет говорящему выразить те оттенки смысла, которые невозможно передать синтетическими средствами языка.

Ключевые слова:

современный русский язык, грамматический строй, аналитизм, аналитическая конструкция, частица, интенсивность, модальность.

Abstract:

The report notes the intensification of analytical tendencies in the grammatical structure of the modern Russian language, as a result of which "grammatical idiomatizations" are formed (V. V. Vinogradov). "Grammatical idiom" represented by analytical forms and analytical syntactic constructions. Analytical syntactic constructions necessarily include particles (as a rule, derivatives) and are realized only in the sentence. With the help of the particles *samyj, sam, kuda, gorazdo, do chego, chto ni na est', vsjo, davaj*, and others analytic syntactic constructions with an intensity value are formed. "Intensification in the grammatical aspect implies such functional-semantic operations as emphasis (underlining), amplification, selection, completeness, gradation (usually high degree), generalization, assessment" (P. A. Lekant). With the help of particles *byvalo, bylo, kak, net chtoby, net-net da i*, and others that functioned as part of analytical syntactic constructions, the modal shades of meanings of predicate verbs are expressed. The use of analytical syntactic constructions allows the speaker to express those shades of meaning that cannot be conveyed by the synthetic means of the language.

Keywords:

modern Russian language, grammatical structure, analyticism, analytical construction, particle, intensity, modality.

Русский язык традиционно относится к языкам синтетического строя. Однако в

последнее время учёные всё больше говорят об усилении в его грамматической системе аналитических тенденций. Важнейшим в этом плане является положение академика В. В. Виноградова, высказанное им в работе «Русский язык (грамматическое учение о слове)»: «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому, и как в лексике слова перерастают в идиомы и фразы, так и в грамматике слово может обрести сложными, аналитическими формами, своего рода грамматическими идиоматизмами» (Виноградов 1972, 36).

«Грамматические идиоматизмы», о которых говорил В. В. Виноградов, представлены аналитическими образованиями разных видов: аналитическими формами и аналитическими синтаксическими конструкциями. «Эти аналитические структуры обязательно включают формальные (служебные) компоненты и реализуются только в предложении» (Лекант 2013, 4). Под **аналитической синтаксической конструкцией** понимается функционирующее в предложении семантико-синтаксическое единство, включающее самостоятельное слово и формальный компонент, отличающееся устойчивостью структуры и содержания и определяющее субъективный оттенок высказывания.

Из всех формальных слов наиболее активно в образовании аналитических синтаксических конструкций участвуют частицы. По словам Н. Ю. Шведовой, «...многие частицы в своём употреблении связаны с конструкциями разных типов. Функционируя в составе того или иного построения, частица выполняет в нём роль синтаксического форманта, участвующего в образовании предложения или сказуемого с данным, конкретным модальным значением» (Шведова 2003, 18).

Использование говорящим аналитических синтаксических конструкций связано с тем, что с помощью этих образований он получает возможность выразить те тончайшие оттенки смысла, которые нельзя передать синтетическими средствами языка. Ср.: *Он убежал.* – *Он возьми и убеги.* Аналитическая синтаксическая конструкция, включающая частицу *возьми* и глагол в форме повелительного наклонения, называет не просто действие, а неожиданный, резкий приступ к действию в прошлом.

Необходимость изучения аналитических синтаксических конструкций продиктована сменой научных парадигм в описании языка: системоцентрическая парадигма уступила место парадигме антропоцентрической. «В результате произошло переключение внимания исследователей со статических результатов структурно-семантического (системно-структурного) описания языка на результаты, которые являются следствием динамического описания языковых процессов, которые в большей степени ориентированы на функциональные и коммуникативные аспекты их изучения» (Шарандин 2018, 130).

Анализ материала показал, что в современной русской речи активно функционируют аналитические синтаксические конструкции со значением интенсивности и модальности. Остановимся подробно на описании каждого из названных видов аналитических образований.

«Интенсификация в грамматическом аспекте предполагает такие функционально-семантические операции, как акцентирование (подчёркивание), усиление, выделение, полнота, градация (обычно высокая степень), обобщение, оценка», – отмечал П. А. Лекант (Лекант 2011, 131). Грамматической интенсификации подвергаются слова разных частей речи: существительные, прилагательные, слова категории состояния, наречия, глаголы.

Ведущая роль при выражении интенсивности в системе имён существительных и прилагательных принадлежит усилительно-выделительной частице *самый*. Так, при употреблении частицы с существительными с семантикой пространственной и временной ориентации образуются аналитические синтаксические конструкции, называющие крайний предел при обозначении места и времени: *Савка расстелил свой матрас в нижнем ярусе, у **самой** палубы* (В. Пикуль); *А с материка уже неслись к острову несметные тучи ворон, которые и заполнили архипелаг **до самой** весны* (В. Пикуль). В приведённых примерах слово *самый* реализуется как частица местоименного происхождения: она утратила значение указания на признак, не имеет грамматического вопроса и самостоятельной синтаксической функции. Её функция в составе аналитической конструкции – «оттенять» (по А. А. Шахматову) значение предметности существительного, с которым она выступает как синтаксически несвободное сочетание.

Употребляясь с именами прилагательными, формальное слово *самый* не только образует аналитическую форму превосходной степени: *самый красивый, самый быстрый* и под. (данный аспект формообразования и связанные с ним дискуссионные вопросы останутся за пределами настоящей статьи), но и выступает как частица-интенсификатор при образовании аналитических конструкций, в которых прилагательное вовсе не называет признак, способный проявляться в большей или меньшей степени. В таких прилагательных признак уже выражен максимально полно, а значит, прилагательное не может иметь форму превосходной степени. Перед нами не аналитическая форма, а аналитическая конструкция, а слово *самый* является частицей, служащей для усиления значения признака: *Мне достался, как назло, **самый последний**, четырнадцатый вагон* (В. Войнович); *Так было **на самом начальном** этапе французской революции, которую называли «революцией адвокатов»* (А. Кучерена).

Научный интерес представляет и аналитическая синтаксическая конструкция, включающая частицу *самый* в сочетании с порядковым числительным *первый*: *Опустим историю рождения **самого первого** автомобиля – об этом можно прочитать в энциклопедии* (В. Песков); *По общему признанию, лучшим рассказом был **самый первый**, то есть рассказ про Аветика* (Ф. Искандер). Вполне очевидно, что признак, названный знаменательным словом *первый*, не может проявляться в большей или меньшей степени – перед нами аналитическая синтаксическая конструкция со значением интенсивности.

Усиление значения признака и – реже – предмета происходит благодаря использованию с прилагательными и существительными частицы *что ни на есть*. Она способна образовывать аналитическую синтаксическую конструкцию, как правило

включающую частицу *самый*. При этом значение аналитической формы превосходной степени прилагательного возводится в максимально высокую степень: *Письмо **казалось самым что ни на есть распекальным*** (А. Гайдар); *Где вам, баловню судьбы, женскому любимцу, понять, каково это – **быть самым что ни на есть распоследним** человеком на свете!* (Б. Акунин). При употреблении частицы *что ни на есть* с существительными усиливается предметное значение последних: *Андрея Николаевича обязательно пригласите. Не ради вежливости, а ради **самого что ни на есть отдыха*** (Д. Гранин); *Нам, говорят, нужен **самый что ни на есть хлам**, словом – ветошь* (К. Федин).

Интересной в плане образования аналитических синтаксических конструкций является частица *сам*. Традиционно данное слово рассматривается как определительное местоимение: *Тогда я ещё не знал, что Грин **сам** придумывал песенки для своих рассказов* (К. Паустовский); *Провожатым согласился быть **сам** старик, но по своей слабости он мог пройти только до водораздела* (В. Арсеньев). Однако в определённой синтаксической позиции «местоимение *сам*, сохраняя формы согласования, употребляется в функции выделительно-усилительной частицы» (Виноградов 1972, 168). В сочетании с существительными частица *сам* образует аналитическую синтаксическую конструкцию, выражающую важность, значительность, уникальность лица или предмета: *Хорошо, если бы нас благословил... **сам государь**...* (В. Пиккуль); *У меня **сам городничий** свои сбережения хранит, и начальник полиции, и купцы местные* (Б. Акунин).

Интенсивность проявления признака выражается аналитическими конструкциями, включающими частицы *куда*, *гораздо* в сочетании с прилагательным, наречием и словом категории состояния. Обе эти частицы имеют наречное происхождение. Однако, если слово *куда* продолжает функционировать в современном русском языке как наречие места (***Куда** вы поедете летом?*), то для слова *гораздо* употребление в качестве наречия является нерегулярным и имеющим оттенок устарелости. Оно используется, как правило, в произведениях русской литературы XIX века: *Не зная теперь, можно ли ехать на колёсах, я думаю, что к празднику зима **гораздо** увеличится и будет довольно постоянная* (Н. Гоголь). Выступая в качестве интенсификатора признака или состояния, слова *куда* и *гораздо* утратили самостоятельность значения, грамматический вопрос, способность быть членом предложения и приобрели статус частиц. Вместе с прилагательным, наречием или словом категории состояния они образуют аналитическую синтаксическую конструкцию, которая характеризуется устойчивостью структуры и содержания и определяет субъективный оттенок высказывания – выражает интенсивное проявление признака или состояния: *Долг русского интеллигента **куда звонче и требовательнее** полковых труб, играющих атаку* (Б. Васильев); *А в школе шли обычные уроки, только в старших классах они проходили **куда тише**, чем обычно* (Б. Васильев); *Вечером Анна Борисовна почувствовала себя лучше, то и дело повторяла, что легче, **куда легче** дышать* (Д. Рубина); *Рюкзак **показался** мне **гораздо тяжелее**, чем когда я примерял его в Москве* (В. Солоухин).

Благодаря сочетанию усилительных частиц с глаголами происходит образование аналитических синтаксических конструкций, обозначающих интенсивность действия. Значение интенсивности может осложняться оттенком длительности и повторяемости в аналитических конструкциях, включающих глагол несовершенного вида с усилительной частицей *всё*: *Всё вокруг нас побелело: трава, дорога, деревья. А снег **всё шёл и шёл**. Мы, зачарованные, смотрели на побелевший лес* (Ю. Никулин). Грамматический статус слова *всё*, имеющего местоименное происхождение, неоднозначно квалифицируется в современной лингвистике. Оно рассматривается то как наречие, то как частица. Не случайно В. В. Виноградов назвал его гибридным словом (Виноградов 1972, 295). На наш взгляд, в сочетании с глаголами несовершенного вида слово *всё* утратило номинативную функцию, оно используется в качестве усилителя значения действия глагола, а значит, больше тяготеет к категории частиц, чем к наречиям.

Значение интенсивного и неожиданного приступа к длительному действию в русском языке выражается аналитической синтаксической конструкцией, представленной частицей *давай* с инфинитивом. При этом происходит смещение модального плана высказывания: оно называет действие в прошлом, а не действие в отвлечении от его носителя, что свойственно инфинитиву. Причём значение прошедшего времени выражает не отдельно частица и не отдельно глагол (чего в принципе не может сделать инфинитив), а вся аналитическая синтаксическая конструкция: *Я обрубил, вычистил землю вокруг дикой рябинки, и **давай** она **расти**, крепнуть одним стволом* (В. Астафьев).

При активном участии частиц образуются аналитические синтаксические конструкции, реализующие модальные оттенки глаголов-сказуемых. Синтаксическая модальность – это «одна из основных категорий предложения, формирующих предикативность как отнесённость высказывания к действительности. Содержание модальности – оценка говорящим высказывания с точки зрения реальности, достоверности, возможности, целесообразности, необходимости и т. п.» (Касаткин и др. 1991, 298-299).

Так, с помощью модальной частицы *бывало* в сочетании с глаголом образуется аналитическая синтаксическая конструкция со значением повторяющегося или обычного действия в прошлом. Глагол может быть употреблён как в форме прошедшего, так и в форме других времён, а также в сослагательном наклонении. В сочетании с глаголом прошедшего времени модальная частица *бывало* актуализирует значение повторяющегося или обычного действия в прошлом: *Слово за слово мужики предались воспоминаниям детства. Чего-чего не перевспоминали. И как, **бывало**, **пекли** жаворонков к прилёту этих полевых птичек, а вместо глаз вставит стряпуха сушёные ягоды чёрной смородины* (В. Солоухин). Аналитическая синтаксическая конструкция, представленная модальной частицей *бывало* в сочетании с глаголами в настоящем или будущем времени, формирует значение действия в прошлом и в силу переносного значения времени глагола является более экспрессивной по сравнению с конструкциями, включающими глагол в форме прошедшего времени, а частица *бывало*

в подобных случаях становится не просто модальной, а экспрессивно-модальной: *Помню, я со старшей дочерью жил. Рай, а не жизнь. Бывало, с работы идёт, а я сижу в избе у окна* (В. Солоухин); *Бывало, в детстве скатаешь такой снежок и пустишь с крутой горы при благоприятных условиях* (В. Солоухин). И, наконец, в сочетании с глаголом в форме сослагательного наклонения частица *бывало* образует аналитическую синтаксическую конструкцию со значением возможного повторяющегося действия в прошлом: *Бывало, Григорий Иванович к крыльцу не подпустил бы Васю-святого* (В. Солоухин).

Значение нерегулярно повторявшегося действия в прошлом способна выразить аналитическая синтаксическая конструкция, образованная сочетанием глагола с частицей *нет-нет да и*. Глагол обычно употребляется в форме прошедшего или будущего времени. Однако большей выразительностью обладают структуры, включающие глаголы в будущем времени, поскольку они реализуют не прямое, а переносное значение, называя действие, относящееся к плану прошлого: *Мелкий жёлтый лист нет-нет да и слетит с берёзы* (В. Набоков).

Указание на нереализованное действие выражается аналитической синтаксической конструкцией, представленной глаголом с модальной частицей *было*. Данная конструкция может иметь следующие модальные оттенки значения: 1) выражение намеченного действия: *Она опомнилась, бросилась ко мне, хотела было обхватить меня, но не посмела и тихо наклонила передо мной голову* (Ф. Достоевский); 2) указание на начавшееся, но прерванное действие: *Осип Иваныч кинулся было за ним, но дипломат благосклонным жестом руки усадил его на место* (М. Салтыков-Щедрин); 3) называние близкого к реализации действия, при этом возможно использование как синтетической частицы *было*, так и аналитической частицы *чуть было не*: *Он тоже взялся за ложку и уж совсем было погрузился в суп, но сейчас же опять положил на стол* (М. Салтыков-Щедрин); *Вдруг важное происшествие чуть было не переменяло их взаимных отношений* (А. Пушкин).

Интересной в плане выражения модального оттенка значения является частица *нет чтобы*. В сочетании с инфинитивом она образует аналитическую синтаксическую конструкцию со значением нереализованного целесообразного действия. Данная конструкция активно функционирует как в односоставных (инфинитивных), так и в двусоставных предложениях: *Нет чтобы зайти ко мне, поговорить, заявление написать. А то приходится всё за вас делать* (Б. Можаяев); *Молодые всё сами делают, а нет чтобы посоветоваться* (В. Осеева).

В настоящей работе представлена лишь часть аналитических синтаксических конструкций, включающих частицу и знаменательное слово. Как правило, в состав таких структур входят производные частицы, сохранившие элемент лексического значения самостоятельного слова, на базе которого они образовались. Помимо элемента лексического значения, сохранились и некоторые грамматические свойства производного слова, например способность изменяться по числам и родам (частицы *самый, сам*), иметь категорию наклонения и времени, а в некоторых временных формах

изменяться по числам, родам, лицам (*возьми да и, взял да и, взяла да и, возьму да и, возьмёт да и* и т. п.). Образование и функционирование аналитических синтаксических конструкций является неоспоримым свидетельством того, что грамматический строй современного русского языка представляет собой не раз и навсегда застывшую субстанцию, а гибкую, развивающуюся систему, способную быть «на службе» у человека с его коммуникативными замыслами и потребностями.

Использованная литература / References

Печатные источники:

ВИНОГРАДОВ, В. В. (1972): *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. М.: Высшая школа, 1972. 616 с. ISBN 5-7859-0027-0.

КАСАТКИН, Л. Л., КЛОБУКОВ, Е. В., ЛЕКАНТ, П. А. *Краткий справочник по современному русскому языку*. М.: Высшая школа, 1991. 383 с. ISBN 978-5-462-01006-4.

ЛЕКАНТ, П. А. (2011): Субъективная аналитическая категория *интенсива* в русском языке. In *Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка*. М.: МГОУ, 2011. 162 с. ISBN 978-5-7017-1784-6.

ШАРАНДИН, А. Л. (2018): Гибридные слова как объект изучения в вузе. In *Язык в поликультурном мире*. Ялта: ООО Издательство Типография «Ариал», 2018. 472 с. ISBN 978-5-907032-68-2.

ШВЕДОВА, Н. Ю. (2003): *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. М.: Азбуковник, 2003. 378 с. ISBN 5-93786-048-9.

Онлайн-источники:

ЛЕКАНТ, П. А. (2013, онлайн): Аналитизм в категории русских частиц. In *Электронный журнал «Вестник МГОУ»*. 2013. № 1. С. 1-8. Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru [дата обращения: 30.05.2019].

Профиль автора:

Инесса Геннадьевна Родионова, доцент

Научные интересы: грамматический строй современного русского языка, развитие речи школьников и студентов, современные средства оценивания результатов обучения, лингвистическое краеведение

e-mail: Inessa96@bk.ru

Место работы: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный университет» (ПГУ), город Пенза, улица Красная, дом 40, 440026, Россия

Author's profile:

Inessa Gennadjevna Rodionova, lecturer, docent

Research interests: the grammatical structure of the modern Russian language, the development of speech of schoolchildren and students, modern means of assessing learning outcomes, linguistic local history

e-mail: Inessa96@bk.ru

Place of work: Penza State University (PSU), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, 40, Krasnaya Street, Penza, Russia, 440026

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПТ И К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ КОНЦЕПТОВ В СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

ON THE DETERMINATION OF THE WORD CONCEPT AND TYPOLOGY OF CONCEPTS IN SLAVIC LINGUISTICS

Юлиана Возарова

Резюме:

Понятие *концепт* не имеет в языкознании на современном этапе его развития четкой интерпретации. В статье предпринимается попытка проанализировать существующие подходы к изучению концепта, которые разработаны иностранными и отечественными лингвистами. Проблема изучения концептуальной картины мира связана с исследованием языковой картины мира. *Языковая картина мира* является результатом интерпретации общества с использованием языка в качестве средства. Автор статьи придерживается высказывания русского филолога Г. В. Колшанского, который понимает термин языковая картина мира с определенным релятивизмом, поскольку язык по самой своей природе не создает никакой картины мира. В статье приводятся современные мнения об определении понятия концепт и о типологии концептов.

Ключевые слова:

Когнитивная лингвистика. Концепт. Концептология. Концептосфера. Языковая картина мира.

Abstract:

The word *concept* has no clear interpretation of the language at the present stage of its development. Therefore, there is an attempt to analyze existing approaches to study the concept of foreign and domestic linguists. The issue of exploring the conceptual image of the world is linked to the research of the world language image. The *linguistic image of the world* is the result of the interpretation of society using language as a mean. In the work, the author adheres to the claims of the Russian philologist G. V. Kolshansky, who understands the term linguistic picture of the world with a certain relativism, as language does not create any image of the world by its very nature. The article gives recent views on determination of the Work concept and its typology.

Keywords:

Cognitive linguistics. Concept. Conceptology. Conceptsphere. Linguistic image of the World.

1. Введение

В последнее десятилетие 20-го века в лингвистике появилась новая научная парадигма – антропоцентрическая. Центром научных интересов стал язык как явление, которое тесно связанное с реальностью, цивилизацией и обществом. Язык предназначен для человека, и любая языковая категоризация предметов и явлений ориентирована на человека. Антропоцентрический подход стал основой для появления новых языковых направлений, которые начали воспринимать язык не как статическую систему, но расширили границы исследований в анализ воздействия языка на общество и наоборот.

В настоящее время отдельные народы ставят вопросы о национальной самобытности, основываясь на сохранении традиций, обычаев и типичных элементов своей культуры. Каждая идентичность формируется в противостоянии с окружающей средой, и когда мы говорим о народной идентичности, она в первую очередь находится в противостоянии с другим народом (народами). Уместно определить, что мы понимаем под термином народ. По сути, мы могли бы сказать, что народ – это сообщество людей, живущих на определенной территории, которых объединяет их история, культура и сходное мировоззрение. Точнее говоря, народ – это группа людей, члены которой имеют общее наименование, язык и элементы культуры, они знакомы с версией об их происхождении и истории, они ассоциируются с определенной территорией и чувствуют солидарность (Щеглова, Шипулина, Суролина 2002, 24).

Большая часть информации о мире поступает к человеку по лингвистическому каналу, и поэтому, по словам белорусского лингвиста В. А. Масловой (2001, 4), человек в основном живет в мире понятий, отражающих интеллектуальные, духовные и социальные потребности, чем в мире предметов и вещей. В. А. Маслова утверждает, что большое количество информации приходит к человеку посредством слова, и успех человека в обществе зависит от того, насколько он может проникнуть в язык.

Язык является средством интерпретации общества, результатом чего является лингвистическая картина мира. Некоторые авторы используют синонимичные выражения, такие как языковое представление мира и языковая модель мира. В связи с более частым появлением первого термина мы будем его использовать в нашей статье. Как говорит русский филолог Г. В. Колшанский (1990, 25-26), термин лингвистическая картина мира можно принять с определенным релятивизмом, поскольку сам язык не создает никакой картины мира. З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, 38) рассматривают под лингвистической картиной мира набор идей народа о реальности, которые закреплены в языковых единицах.

Словацкий специалист по лингвокультурологии Й. Сипко в своей монографии (2011, 34) утверждает, что благодаря лингвистической картине мира мы воспринимаем ранжир этнокультурных ценностей, многие особенности и весь комплекс этнических особенностей народа, которые выделяются по сравнению с аналогичными чертами других этнических групп.

Проблема исследования лингвистической картины мира связана с проблемой концептуальной картины мира, которая отражает специфику человека и его личности, его взаимоотношение с миром, условия его существования.

Исходным для нашего теоретического исследования является базовой термин когнитивной лингвистики – концепт. Концептуализация понимается как процесс возникновения концептов и концептосфер. Суть этого процесса – понимание и обработка информации человеком в процессе познания реальности.

Исследование в этой статье будет посвящено рассмотрению понятия концепт, его определению и типологии в славянской лингвистике. Нашей задачей является проанализировать существующие подходы к изучению концепта, которые разработаны

славянскими лингвистами.

2. К вопросу об определении понятия концепт в славянской лингвистике

Неотъемлемой частью культурной картины мира является также концептуальная картина мира – концептосфера. Этот термин ввел русский лингвист Д. С. Лихачев. Основной особенностью концептов является их неразличимость и связь с другими концептами. Концепты, которые зависят друг от друга, вместе представляют упомянутую концептосферу. Кроме того, понятие концептосфера включает в себя признаки глобальности и уникальности. Концептосферу мы можем определить как направление к центру культуры во внутреннем мире человека.

В современной лингвистической практике существует несколько основных лексем, которые незаменимы в концептуальных исследованиях. Термин концепт употребляется в современной литературе довольно часто. Это понятие является относительно новым термином. Русский лингвист С. Г. Воркачев (2003, 5) в своей статье вспоминает, как в 90-х годах возникла необходимость назвать единицу, отражающую неуловимый «дух народа», который определяет антропоцентризм – ориентацию на духовность, субъективность, социальный характер и личную сферу ответственности носителя этнического сознания. В названии статьи «Концепт как зонтиковый термин» автор сравнивает концепт с зонтиком. С. Г. Воркачев утверждает, что этот термин охватывает предметные области нескольких наук – в основном когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, а также лингвокультурологии.

Понятие концепт является калькой от латинского слова «conceptus», которое возникло от глагола «conspicere» в значении «начинать».

Д. Д. Хайруллина (2010, 218) в своей статье представляет несколько названий этой единицы, а именно: культурные концепты, ядерные единицы картины мира, национальные концепты, культурные доминанты, константы или ключевые слова.

В русской лингвистической литературе появляются такие термины, как концепт (Н. Д. Арутюнова 1993; Д. С. Лихачев 1993; Ю. С. Степанов 1997; С. Ч. Ляпин 1997; В. П. Нерознак 1998), лингвокультурема (О. П. Воробьев 1997), мифологема (В. Н. Базылев 2000), логоэпистема (Е. М. Верещагин - В. Г. Костомаров 1999), но в настоящее время ясно, что понятие концепт является наиболее подходящим. Об этом утверждает и С. Г. Воркачев, который пришел к этому выводу благодаря исследованию частоты использования этого понятия.

Термин концепт стал феноменом, который в современной лингвистике является одним из часто упоминаемых понятий, заслуживающих обсуждения. Концепт является абстрактной категорией, и это предлагает нам широкое толкование этого понятия. Существуют три различных подхода к определению данного термина: 1) когнитивный, 2) лингвокультурный и 3) подход, сочетающий постулаты когнитологии и лингвокультурологии.

Популярным стало толкование концепта как основной единицы ментального

мира человека. Это толкование концепта приняла и Е. С. Кубрякова (1996, 90-93), которая в своей теории подчеркивает универсальность этого понятия. По ее словам, концепт – это термин, который служит для объяснения единиц психических и психологических ресурсов нашего сознания. В то же время она говорит о нескольких признаках концепта: оперативность, отражение человеческой деятельности, наличие инвариантов, флексибельность.

Чешский лингвист В. Цврчек (2007, 36) утверждает, что в связи с лингвистическим концептом необходимо говорить о двух позициях изучаемого текста: 1) о его включении в лингвистику и 2) о его стилистическом включении. Таким образом, концепт представляет собой теоретическое построение отношения лингвистов с одной стороны и говорящих с другой стороны.

Кроме вышеупомянутого когнитивного понимания концепта, существует также и лингвокультурологический подход, благодаря которому концепт понимается шире. В группу авторов, которые присоединяются к этому способу понимания концепта, входит также деятель русской филологии Ю. С. Степанов, который в рамках своей исследовательской деятельности сосредоточил внимание на анализ концептов русской культуры. Ю. С. Степанов (2004, 42) утверждает, что концепт является сжатой формой культуры в сознании человека. Можно сказать, что концепт связывает слово с его значением, поэтому оно семантически богаче, чем лексема, которая его представляет. На другом месте Ю. С. Степанов (1997, 294-358) полагает, что концепт – это то, посредством чего обычный человек (а не сам создатель культурных ценностей) входит в культуру и в некоторых ситуациях на нее даже влияет.

По словам основателя школы логического анализа Н. Д. Арутюновой (1999, 23), концепт является результатом взаимодействия разных факторов (традиция, религия, фольклор, идеология, жизненный опыт, система ценностей). По мнению Н. Д. Арутюновой, концепт характеризуется не одним признаком, а сочетанием разных признаков.

Как мы уже привели выше, существует также много синкретических теорий, сочетающих когнитивные и лингвокультурологические предположения. К этой группе авторов мы также можем отнести имя русского лингвиста Д. С. Лихачева (1997, 4), который в своем исследовании пришел к выводу, что концепт является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом в словаре человека. Интересным является и мнение Л. В. Басовой (2004, 8), которая утверждает, что концепт понимается как ментально-когнитивная система, отражающая идеи определенного фрагмента реальности.

Русские филологи З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, 24) на основе результатов их исследования привели подробное определение термина концепт. Они утверждают, что концепт представляет собой дискретную ментальную формацию, являющуюся основной единицей человеческого мышления. По их мнению концепт имеет относительно упорядоченную внутреннюю структуру, он также является результатом познавательной деятельности человека и общества и приносит комплексную энциклопедическую

информацию об отраженном объекте или явлении.

Словацкий лингвист Й. Сипко (2011, 55) утверждает, что концепт является когнитивной структурой, которая связывает слово с его значением. В самом широком смысле слова это взаимосвязь языка с его собственной этнокультурой.

Из вышеупомянутого вытекает, что концепт тесно связан с культурной парадигмой, в которой он функционирует и интерпретируется человеком. У каждой культуры есть совокупность своих концептов. Дифференциация отдельных концептов во многом интуитивна.

3. К вопросу о типологии концептов в славянской лингвистике

Вопрос о типологии концептов является одним из основных теоретических вопросов, которые исследует когнитивная лингвистика. Это направление возникло во второй половине 1970-х годов. В американской литературе появляется название когнитивная грамматика, но в славянской, в том числе и русской, литературе чаще всего появляется название когнитивная семантика. Российские ученые, такие как Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачев, В. А. Маслова, М. В. Пименова, З. Д. Попова, пытались разработать типологию концептов.

В рамках когнитивного подхода к пониманию концепта с точки зрения содержания или степени отражения в них фрагментов реальности А. П. Бабушкин (1996, 43-67) создал следующую типологию концептов:

- 1) мыслительные картинки или представления (клен – лиственное дерево с широкими резными листьями),
- 2) концепты-схемы (река как ленточка),
- 3) концепты-гиперонимы (водоем – это океан, море, река, озеро, пруд),
- 4) концепты-фреймы (пожар – это пламя, жар, крики, суета),
- 5) концепты-инсайты (зонтик – это приспособление для защиты от дождя),
- 6) концепты-сценарии (поход, рыбалка),
- 7) калейдоскопические концепты (любовь, судьба).

Н. Н. Болдырев (2001, 36-38) разграничивает конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты.

Профессор Белорусского государственного университета В. А. Маслова (2001, 75) в своем учебнике ссылается на типологию русского культуролога, историка и литературоведа А. Я. Гуревича, который делит концепты на универсальные (время, пространство, причина, движение) и социальные/культурные (свобода, закон, справедливость, работа, богатство). В. А. Маслова добавляет в эту типологию культурно-специфические концепты, например в русских условиях таким видом концепта является концепт души.

Лингвист из Казанского государственного университета Д. Д. Хайруллина (2010, 218-220) занимается типологией концептов с разных точек зрения. Она упоминает

классификацию с лингвистической точки зрения, и таким образом разделяет концепты на лексические, фразеологические, грамматические и синтаксические. Д. Д. Хайруллина также выделяет простейшие (представленные одним словом) и сложные концепты (представленные в словосочетаниях и предложениях). В своей статье Д. Д. Хайруллина различает также и универсальные (или общечеловеческие), этнические (или национальные), цивилизационные, групповые (микро- и макрогрупповые; возрастные, гендерные, профессиональные) и индивидуальные концепты.

Польский лингвист А. Вежбицкая (1997, 402) для описания функционального потенциала концепта ввела термины «концепт-минимум» (неполное владение смыслом слова) и «концепт-максимум» (полное владение смыслом слова).

Профессор Волгоградского государственного технического университета В. И. Карасик (2005, 30-33) выделяет два основных типа концепта: параметрический (окружение, время, пустота) и непараметрический (совесть, честь, мораль, грех).

Преподаватель и психолог Гуманитарно-педагогической академии в Ялте Е. Ю. Пономарева (2008, 7) привела типологию концептов с точки зрения дискурса как среды языкового существования концептов. Е. Ю. Пономарева устанавливает возможность разделения концептов на следующие группы: обиходные, научные и художественные.

Существуют и другие типологии концептов. С лингвокультурологической точки зрения В. А. Маслова (2001, 75) разделяет концепты на следующие группы:

- 1) мир (пространство, время, число),
- 2) стихии и природа (вода, огонь, дерево),
- 3) представления о человеке (интеллигент),
- 4) нравственные концепты (истина, совесть),
- 5) социальные понятия и отношения (свобода, война),
- 6) эмоциональные (счастье, любовь),
- 7) мир артефактов (дом, свеча),
- 8) концептосфера научного знания (философия, филология),
- 9) концептосфера искусства (музыка, танец) и др.

Русский лингвист М. В. Пименова (2004, 8-10) выделяет следующие виды концептов: образы (Русь, Россия, мать), идеи (социализм, коммунизм), символы (лебедь) и концепты культуры. Концепты культуры М. В. Пименова разделяет на несколько групп: универсальные категории (движение, количество, качество), социально-культурные категории (справедливость, труд, богатство), категории национальной культуры (для русских это воля, доля, душа), этические категории (добро, зло, долг, правда, истина), мифологические категории (боги, ангел-хранитель, домовый).

Украинская концептология достигла значительных результатов в описании концептов. Лингвисты А. Е. Левицкий, С. И. Потапенко, О. П. Воробьев (2013, 22) в своей монографии ссылаются на типологию концептов Ю. С. Степанова. Предлагаемая таксономия включает в себя следующие концепты:

- 1) единичные (любовь, жизнь),
- 2) двойные гештальты (жизнь/ смерть, любовь/ ненависть, мужчина/

женщина), т.е. такие, которые допускают употребление в виде единичных концептов, однако всегда имеют коррелятивную пару, формируя с ней целостный гештальт,

- 3) кластерные (путь к славе), т.е. концепты, не имеющие в конкретном языке собственного однословного имени,
- 4) кумулятивные (*savoir vivre*) – концепты как конгломерат концептуальных черт, интегрированных в единое целое путём их аккумуляции,
- 5) картинные (золотая осень) – те, которые легче визуализировать, нежели описать словесно,
- 6) параболические (Пражская весна) – концепты, содержащие в максимально свернутом виде некую историю или мотив,
- 7) картинно-параболические (улыбка чеширского кота) – параболические концепты, представленные не только вербально, но и с помощью некоей визуальной эмблемы,
- 8) эссеистические (модернизм) – т.е. те, которые, строясь по принципу минимализации.

Вышеупомянутая группа украинских авторов также добавляет, что «...от среды актуализации, концепты, принадлежащие к каждому из классов, могут выступать как языковые/текстовые, культурные или художественные.» (Левицкий, Потапенко, Воробьев 2013, 22).

Подробной типологией концептов является типология создана украинскими авторами в монографии «Лингвоконцептология: перспективные направления» (2013, 57):

- 1) базовые макроконцепты (время, мир, движение, пространство, природа, человек),
- 2) весьма конкретные, «вещественные» концепты (гора, дом, рука, земля, море, хлеб),
- 3) абстрактные концепты (будущее, креативность),
- 4) концептонимы (Америка, Христос),
- 5) концепты общественных феноменов (беда, богатство, глупость, дружба, политика, семья, труд, успех, смерть),
- 6) уникальные, национально специфические концепты (русская идея, русский народ),
- 7) иноязычные концепты (*friend, glory, house*),
- 8) метафизические концепты (болезнь, душа, истина, любовь, печаль, страх),
- 9) узкодисциплинарные концепты (аспектуальность, культурный туризм).

Учитывая необычайный интерес к изучению различных концептов, их места и роли, которую выполняют в народной концептуальной сфере, можно с уверенностью сказать, что разработка наиболее полной научной типологии концептов в настоящее время является одной из наиболее актуальных исследовательских задач когнитивной лингвистики.

4. Выводы

Приведенные выше примечания показывают, что концептуальная картина мира является неотъемлемой частью лингвистической картины мира. В настоящее время проблема концептологии является одной из актуальных вопросов филологического исследования. Хотя термин концепт является относительно новым термином, он стал популярным для ученых разных наук (прежде всего когнитивной лингвистики, когнитивной психологии и лингвокультурологии).

На основе теоретической информации в этой главе, можно привести следующие выводы:

1. В славянской лингвистике в 20-м веке была тенденция назвать единицу, которая изображает духовность народа, его субъективность и которая отражает характер личности, а также и характер определенной этнической группы. В лингвистике для этой единицы введены такие термины, как ядерная единица картины мира, народный концепт, культурная доминанта, константа, ключевое слово, лингвокультурема, мифологема, логоэпистема, концепт. В современной филологии стабилизировался термин концепт.
2. В рамках определения термина концепт мы можем говорить о 3 подходах:
 - а) когнитивный (Й. С. Кубрякова, В. Цврчек) - более глубокое понимание концепта как теоретической конструкции отношений между лингвистами и говорящими.
 - б) лингвокультурный (Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова) - более широкое понимание; концепт заключается в том, что культура проникает в менталитет человека (и всей этнической группы), но в то же время концепт – это то, что заставляет человека войти в культуру и функционировать в ней.
 - в) синкретический подход, сочетающий в себе постулаты когнитологии и лингвокультурологии (предпочитаемый многими российскими авторами: Д. С. Личачевым, Л. В. Басовой, З. Д. Поповой, И. А. Стерниным) – концепт как ментально-когнитивная система, отражающая конкретную реальность. Концепт здесь понимается как основная единица человеческого мышления.
3. В дополнение к наименованию и определению концепта когнитивная лингвистика стремится создать комплексную типологию концептов. Это одна из самых актуальных исследовательских задач, учитывая огромный интерес к изучению различных концепций. В подразделе 1.2 мы представили различные типологии славянских авторов. Подробной и логически разработанной типологией является типология русского лингвиста М. В. Пименовой.

Учитывая теоретические предпосылки, содержащиеся в этой статье, мы хотели бы сказать, что славянская концептология находится только в зачаточном состоянии. В русской лингвистике можно говорить о нескольких подробных работах, в которых

представлены результаты точного исследования. Однако многие вопросы все еще остаются открытыми. Однако это естественное явление, так как этот термин считается относительно новым.

Использованная литература / References

Печатные источники:

АРУТЮНОВА, Н. Д. (1999): *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры, 1999., ISBN 5-7859-0027-0.

БАБУШКИН, А. П. (1996): *Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка: Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук*. Воронеж. ISBN 5-7455-0916-3.

БАЗЫЛЕВ, В. Н. (2000): Мифологема скуки в русской культуре. In *RES LINGUISTICA. Сборник статей. К 60-летию профессора В. П. Нерознака*. Москва, 2000. с. 130–147.

БАСОВА, Л. В. (2004): *Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок)*. Тюмень: «ТюмГУ», 2004.

БОЛДЫРЕВ Н. Н. (2001) *Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии*. Тамбов: «Издательство Тамбовского университета», 2001.

ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1997): *Язык. Культура. Познание*. Москва: «Наука», 1997. ISBN 5-89216-002-5.

ВЕРЕЩАГИН, Е. М., КОСТОМАРОВ, В. Г. (1990): *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва: «Русский язык», 1990. ISBN 5-85759-289-5.

ВОРКАЧЕВ, С. Г. (2003): Концепт как «зонтиковый термин». In В. В. Красных, А. И. Изотов (ed.): *Язык, сознание, коммуникация*. Москва: ООО „МАКС Пресс“, 2003. с. ISBN 5-317-00709-7.

ВОРОБЬЕВ, В. В. (1997): *Лингвокультурология: (Теория и методы)*. Москва: «Издательство Ростовского университета дружбы народов», 1997. ISBN 978-5-209-02717-1.

КАРАСИК, В. И. и др. (2005): *Иная ментальность*. Москва: «Гнозис», 2005. ISBN 5-7333-0167-8.

КОЛШАНСКИЙ, Г. В. (1990): *Объективная картина мира в познании и языке*. Москва: «КомКнига», 1990. ISBN 978-5-397-03381-7.

КУБРЯКОВА Е. С. и др. (1996): *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва: «Издательство МГУ», 1996. ISBN 5-89042-018-6.

ЛАЗУТИН, С. Г. (1989): *Поэтика русского фольклора*. Москва: «Высшая школа», 1989. ISBN 5-98227-326-0.

ЛЕВИЦКИЙ, А. Э., ПОТАПЕНКО, С. И., НЕДАЙНОВА, И. В. (2013): *Лингвоконцептология: Перспективные направления*. Луганск: Издательство ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. ISBN 978-966-617-317-4.

ЛИХАЧЕВ, Д. С. (1997): *Концептосфера русского языка. Русская словесность. Антология*. Москва: «Academia», 1997. ISBN 5-89216-002-5.

ЛЯПИН, С. Х. (1997): Концептология: к становлению подхода. In: *Концепты. Научные труды центроконцепта. Выпуск 1*. Архангельск: Издательство Поморского, 1997. ISBN 978-5-292-04058-3.

МАСЛОВА, И. А. (2001): *Лингвокультурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. Москва: «Academia», 2001. ISBN 5-7695-0745-4.

НЕРОЗНАК, В. П. (1998): От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма. In *Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков*. Омск: Издательство ОмГПУ, 1998. с. 80-85. ISSN 1998-4812.

ПИМЕНОВА, М. В. (2004): *Душа и дух: особенности концептуализации*. Кемерово: ИПК «Графика», 2004.

ПОНОМАРЕВА, Е. Ю. (2008): *Концептуальная оппозиция «Жизнь-Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): дис. канд. филол. наук*. Тюмень, 2008. ISBN 9783845413785.

ПОПОВА, З. Д., СТЕРНИН, И. А. (2007): *Когнитивная лингвистика. (Золотая серия. Лучшие работы российских специалистов). Федеральное агентство по образованию. Воронежский государственный университет. Учебное издание*. Москва: «АСТ: Восток-Запад», 2007. ISBN 978-5-17-045103-6.

СТЕПАНОВ, Ю. С. (1997): Номинация, семантика, семиология (Виды семантических определений в современной лексикологии). In: *Языковая номинация. Общие вопросы. Сборник научных трудов*. Москва: «Наука», 1997. с. 294-358.

СТЕПАНОВ, Ю. С. (2004): *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: «Академический проект», 2004. ISBN 5-8291-0388-5.

ХАЙРУЛЛИНА, Д. Д. (2010): К вопросу о типологии концептов. In *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Вып. 1 в 2-х ч., 2010, с. 218-220. ISSN 1997-2911.

ЩЕГЛОВА, Л. В., ШИПУЛИНА, Н. Б., СУРОДИНА, Н. Р. (2002): *Культура и этнос. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов*. Волгоград: «Перемена», 2002. ISBN 5-02-008808-0.

CVRČEK, V. (2007): *Teorie intervencí a Koncept minimální intervence: diplomová práce*. Praha: FF UK, 2007.

SIPKO, J. (2011): *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturológie*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2011. ISBN 978-80-555-0371-4.

Профиль автора:

Юлиана Возарова, докторант, магистр

Научные интересы: Когнитивная лингвистика. Паремиялогия. Фразеология. Ономастика.

e-mail: juliana.vozarova@gmail.com

Место работы: Прешовский университет в г. Прешов, Философский факультет, Институт русистики, ул. 17 ноября 1, 080 01 Прешов, Словакия

Author's profile:

Juliana Vozarova, PhD. candidate, Master of arts

Research interests: Cognitive linguistics. Paremiology. Phraseology. Onomastics.

e-mail: juliana.vozarova@gmail.com

Place of work: University of Presov in Presov, Faculty of Arts, Institute of Russia Studies, 17. novembra Street, 08001 Presov, Slovakia

ПРОИЗВЕДЕНИЕ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

THE WORK “WOE FROM WIT” BY A. S. GRIBOYEDOV AS A SOURCE OF PRECEDENCE IN CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Катарина Ялова

Резюме:

В настоящей статье произведен анализ наиболее употребляемых в современном русском медиальном дискурсе прецедентных высказываний со сферой – источником в драматическом произведении А. С. Грибоедова «Горе от ума». Главными целями исследования является выявление основных функций прецедентных высказываний и рассмотрение способов их модификации в медиальных текстах, что демонстрируется на избранных примерах. Внимание также обращается и на тематические области медиального дискурса, в которых наблюдается высокая частотность анализируемых прецедентных высказываний литературного происхождения.

Ключевые слова:

«Горе от ума», прецедентные феномены, прецедентные высказывания, функции прецедентных феноменов, модификации прецедентных высказываний

Abstract:

The article analyzes the most common precedent utterances used in contemporary Russian media discourse with the source in the dramatic work of A. S. Griboyedov “Woe from Wit”. The main objects of the analysis are to identify the basic functions of precedent utterances and to consider ways of their modification in media texts, which are illustrated with selected examples. Attention is also paid to the areas of media discourse in which there is a high frequency of the analyzed precedent utterances of literary origin.

Keywords:

Woe from Wit”, precedent phenomena, precedent utterances, functions of the precedent phenomena, modifications of precedent utterances

Русская классическая литература по праву занимает ключевое положение в русском лингвокультурном сообществе, и вот уже на протяжении десятилетий, и даже столетий, в мыслях и речи россиян живут вечные прообразы множества человеческих пороков, олицетворенные в её персонажах. Это и солдафон Скалозуб, и льстец, приспособленец и подхалим Молчалин, и его противоположность, максимально честный, но наивный и излишне импульсивный Чацкий из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Это и болезненно скупой Плюшкин, и бездеятельный мечтатель Манилов, и холерик и скандалист Ноздрев, и авантюрист-махинатор Чичиков в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души», и главный герой комедии «Ревизор» врал и хвастун Хлестаков; и многие другие, чьи имена уже стали нарицательными, а их высказывания прецедентными. Даже в повседневной речи россиян наблюдаются частые отсылки на произведения классической литературы или всеми любимые, в основном советские,

фильмы. В настоящей статье мы обратимся к анализу наиболее часто употребляемых в русском медиальном дискурсе прецедентных высказываний со сферой-источником в одной из самых главных сокровищниц крылатых выражений (прецедентных феноменов) русского лингвокультурного сообщества, комедии в четырех действиях А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Под прецедентностью подразумевается «отсылка к прецеденту, каковым может быть другое произведение, его персонаж, мотив, ситуация как элемент сюжета, сюжет в целом, фраза персонажа или автора и т.п.» (Дымарский 2004, 54). Первым прецедентные тексты характеризовал еще в 1987 году Ю. Н. Караулов, определив их как «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов 1987, 216). Первоначальную дефиницию Караулова позже модифицировали Д. Гудков и В. Красных, тем самым установив обобщающее понятие *прецедентный феномен*, характеризуемый Д. Гудковым следующим образом: «К числу основных составляющих когнитивной базы относятся прецедентные феномены, наделенные такими основными признаками прецедентности, как: инвариантность, эталонность, воспроизводимость, клишированность, аксиологическая маркированность. Эти феномены хранятся в когнитивной базе в виде национально детерминированных минимизированных представлений» (Гудков 1999), причем когнитивная база обозначает «совокупность знаний и представлений, которой обладает любой представитель конкретного национально-культурного сообщества» (Красных 1997, 66). В. Красных, в свою очередь, разработала классификацию прецедентных феноменов, на которую опирается большинство русских и иностранных лингвистов. Согласно этой классификации можно говорить о прецедентных текстах (т.е. «законченных и самодостаточных продуктах речемыслительной деятельности; хорошо знакомых любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества; обращение к которым может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена»), прецедентных ситуациях (т.е. «неких «эталонных», «идеальных» ситуациях, связанных с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу»), прецедентных именах (т.е. «индивидуальных именах, связанных или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией») и прецедентных высказываниях (т.е. «репродуцируемых продуктах речемыслительной деятельности, которые неоднократно воспроизводятся в речи носителей русского языка; к их числу принадлежат цитаты из текстов различного характера») (Красных 2002, 47-49). В нашей статье мы придерживаемся вышеуказанной классификации, и в ее практической части более подробно рассматриваем прецедентные высказывания со сферой-источником в прецедентном тексте «Горе от ума».

Прецедентные феномены, благодаря своей мгновенной узнаваемости, целостности, образности, устойчивости, логической завершенности и легкой воспринимаемости среди носителей русского языка, стали особо привлекательными в самых разных видах дискурса (чаще всего в медиальном, политическом, рекламном, которые тесно между собой взаимосвязаны). С популярностью прецедентных феноменов соотносится и множество выполняемых ими в данных дискурсах функций. Среди лингвистов существуют различные точки зрения на данную проблематику. Д. Гудков выделяет экспрессивную функцию («экспрессивный эффект возникает при помощи актуализации коннотативных компонентов значения слова»), которая тесно связана с оценочной функцией, главным образом, прецедентных имен, участвующих «в выражении не рациональной, но эмоциональной оценки. Высказывания, содержащие подобную оценку, претендуют не только и не столько на выражение объективных свойств того или иного феномена, но и на выражение субъективного отношения автора высказывания к указанному свойству (комплексу свойств)» (Гудков 2003, 157). Е. Нахимова добавляет следующие функции (в основном прецедентных имен, но и прецедентных феноменов в целом): моделирующая («функция формирования представлений о мире в виде модели»), прагматическая («функция воздействия на адресата»), эстетическая («способ эстетической оценки мира»), парольная («прецедентные имена, используемые в речи, часто служат для обнаружения общности ментально-вербальной базы автора и читателя, который, откликаясь на пароль, названный автором, становится как бы своим, посвященным»), людическая («использование прецедентных феноменов часто имеет характер своего рода языковой игры: автор задает загадку, а читатель ищет на нее ответ»), и эвфемистическая («применение прецедентных имен иногда помогает смягчить высказывание, сделать его менее резким, менее конкретным и – в конечном итоге – выразить необходимую информацию в неагрессивной форме») (Нахимова 2007, 143-144). Важно отметить, что в разных дискурсах прецедентные феномены могут выполнять сразу несколько функций одновременно, причем какие-либо из них могут, в зависимости от конкретной ситуации и конкретного дискурса, доминировать.

Как мы сказали в начале, в нашей статье мы остановимся на употреблении знаковых прецедентных высказываний со сферой-источником в комедии в стихах в четырех действиях «Горе от ума» А. С. Грибоедова в современном русском медиальном дискурсе. «Горе от ума» по праву считается «самым значительным драматическим произведением, стоящим на грани классицизма и романтизма» (Элиаш 2016, 125). Основной конфликт в нем исходит от «конфронтации коррумпированного, морально глубоко упавшего тогдашнего московского общества и просвещенной, морально принципиальной личности» (Элиаш 2016, 126). Так, на одной стороне баррикад стоит представитель утилитаристского, патриархального уходящего века Фамусов с верным секретарем-карьеристом и приспособленцем Молчалиным, а на другой стороне «один в поле воин» просвещенный, остроумный и импульсивный патриот и новатор Чацкий. Взаимной конфронтации двух оппозиционных мировоззрений соответствуют и диалоги

главных героев, ставшие прецедентными. В нашем анализе остановимся на самых знаковых и известных среди носителей русского языка высказываниях, часто актуализированных и модифицированных в разных сферах медиального дискурса. Согласно О. Боярских, «прецедентные феномены вообще и литературные прецедентные феномены в частности, оказываются единицами, способными выступать в качестве организующего центра газетно-публицистического текста, обеспечивая его глобальную связность, цельность и коммуникативно-прагматическую направленность. Причем наибольший эффект достигается при использовании данных единиц в сильных позициях текста, к которым традиционно относятся заглавие, начало и концовка» (Боярских 2008, 166-167). В нами избранных примерах прецедентные высказывания находятся именно в сильной позиции заголовка, т.е. сразу привлекают внимание читателя своей формой, языковой игрой или своеобразным кодированием главной мысли.

Далее мы будем рассматривать все возможные способы модификации прецедентных выражений, к которым относятся «субституция (замещение компонентного состава), экспликация (дополнение, распространение состава прецедента путем ввода дополнительных единиц), импликация (сужение, усечение компонентного состава) и контаминация (соединение двух или нескольких прецедентных высказываний в одно) составляющих первоначальное выражение компонентов» (Дулебова 2016, 106).

Наш анализ начнем с названия комедии – *«Горе от ума»*. Кроме того, что в определенных ситуациях оно выступает в качестве ссылки на прецедентный текст, в основном встречается именно в значении прецедентного высказывания с частой модификацией или актуализацией отдельных компонентов. Первая часть *«горе»* модифицируется крайне редко, нами зафиксирован лишь один случай: *«Гордума от ума*. Какие беды несло непринятие астраханского бюджета» (astrakhanpost.ru, 19.12.2017). Вся статья переполнена ссылками на текст *«Горе от ума»*, пять глав статьи начинается с заголовков с прямыми цитатами комедии: *«...Минуй нас пуще всех печалей И барский гнев, и барская любовь»*, *«Я странен, а не странен кто-ж? Тот, кто на всех глупцов похож...»*, *«Поверили глупцы, другим передают, Старухи вмиг тревогу бьют – И вот общественное мнение!»*, *«Не надобно иного образца, Когда в глазах пример отца»*, *«Так! Отрезвился я сполна, Мечтанья с глаз долой – и спала пелена...»*. Гораздо больше модификаций связано с третьим компонентом высказывания *«ум»*, замещенный другим существительным, в зависимости от актуальной проблемной ситуации: *«Горе от сырья*. В российской экономике деградируют отрасли, не связанные с нефтью и газом» (ng.ru, 31.5.2013); *«Горе от огня*. Последствия пожара в Хакасии чудовищны» (rg.ru, 15.4.2015); *«Горе от труда*. На российском рынке сложилась очень странная ситуация» (mk.ru, 29.8.2018); *«Горе от ствола*: почему в России нельзя разрешать огнестрельное оружие» (mk.ru, 5.3.2018); *«Горе от зарплат*: россияне не разделяют оптимизма главы Минтруда Топилина» (mk.ru, 28.10.2018); *«Горе от диплома ... На каждого программиста в России четыре охранника»* (kr.ru, 9.4.2012). Субституции подвергся и предлог *«от»*, который заменен предлогом *«без»*: *«Горе без*

ума: деменция перешагнула порог эпидемии» (ntv.ru, 20.12.2017); «Горе **без** ума: Украина повторяет ошибки России» (politeka.net, 22.9.2015); «Горе **без** ума. У чиновников нет идей, как перестроить экономику России» (invest-life.ru, 1.7.2009); «Петербургский smart city: *горе без ума*» (spb.plus.rbc.ru, 27.4.2017); «Горе. **Без** ума. В Международный день театра со дна культурного бронекатера постучали очередные новости» (oblvesti.ru, 27.3.2019). В последнем примере видна не только субституция одного компонента, но и изменение синтаксического состава – первоначальное одно простое номинативное предложение разделено до двух простых номинативных предложений. Наибольшее количество примеров относится к оригинальному звучанию фразы, без каких-либо модификаций: «Горе *от* ума: Украина предлагает ЕС ввести санкции против своих компаний» (politobzor.net); «Горе *от* ума или как бы нам поумнеть» (pravoslavie.ru, 10.4.2017); «Горе *от* ума или зачем Д'Артаньян выступил за худсоветы?» (echo.msk.ru, 4.12.2018); «Горе *от* ума. Репетиция ЕГЭ показала, что школьники не умеют считать деньги в собственном кошельке» (mk.ru, 6.4.2012); «Горе *от* ума: российские школьники ломают электронные дневники» (ren.tv, 15.12.2017); «Горе *от* ума: почему «троечники» в карьере часто успешнее отличников» (gazeta.sbp.ru, 19.9.2018); «Горе *от* ума. Почему Тарасенко перестал быть суперзвездой, а хоккей «Сент-Луиса» - унылый и примитивный» (sport-express.ru, 22.11.2018). Как видим, прецедентное высказывание «Горе *от* ума» проникло сразу в несколько сфер медиального дискурса – политика, культура, общественная жизнь, спорт.

Следующее, часто актуализированное прецедентное высказывание главного героя комедии Чацкого – «*Служить бы рад, прислуживаться тошно*» (II, 2, с. 28)¹. Примечательно, что в данном случае находим примеры только в модифицированной форме, оригинальная форма практически отсутствует, лишь в одном примере наблюдается фонетическая близость: «*Служить бы рад, пресс-служиваться тошно*» (newstula.ru, 19.9.2012). Исключением является первая часть высказывания «*Служить бы рад*»: «*Служить бы рад*. Без границы *тошно!*» (mk.ru, 29.6.2018); «*Служить бы рад?*» (mk.ru, 12.7.2004); «*Служить бы рад*: поклоны Терезы Мэй перед Елизаветой II высмеяли в сети» (5-tv.ru, 24.6.2018); «*Служить бы рад...* : В Воронеже на заслуженный отдых проводили главу местной Росгвардии Геннадия Копачева» (obozvrn.ru, 31.8.2018); «*Служить бы рад...* а не *прислуживать*» (tyumedia.ru, 19.9.2012); «*Служить бы рад*, но и учиться надо» (sovsibir.ru, 11.4.2015). Опять видны разные сферы медиальных текстов (внутренняя и внешняя политика), но так как глагол «служить» связан главным образом со службой в армии, преобладают тексты из армейской среды, как в случае последних двух примеров.

По частоте упоминаний в русском медиальном дискурсе наряду с высказыванием «Горе *от* ума» однозначно доминирует еще одно прецедентное высказывание Чацкого «*А судьи кто?*» (II, 5, с. 40) без каких-либо трансформаций формы высказывания. Меняется лишь объект апелляции от а) общего «презрения к

¹ Римская цифра обозначает действие и арабская явление комедии.

специалистам/авторитетам, которые никак не лучше/умнее тех, которых критикуют, ругают, осуждают» (Дулебова – Цингерова – Грчкова 2016, 5) к б) конкретной оценке судей (как представителей юрисдикции, так и спортивных арбитров): а) «А судьи кто? В Кремле удивлены реакцией ЕС на черный список» (ntv.ru, 1.6.2015); «А судьи кто: как Запад вынуждает Россию организовать свои Олимпийские игры» (riafan.ru, 18.8.2016); «А судьи кто? Дочку Алсу защищают после победы на «Голосе»» (gazeta.ru, 6.5.2019); «А судьи кто? Евросоюз обвинил Польшу в проведении курса «диктаторских режимов»» (rg.ru, 25.12.2015); «А судьи кто? Открытое правительство не поддержало отмену «антипиратского закона»» (newizv.ru, 30.10.2013); «А судьи кто? Госдума делает робкие попытки восстановить контроль над деятельностью правительства» (newizv.ru, 28.10.2015); б) «А судьи кто? Служители Фемиды отобрали у троих детей любящую мать» (utro.ru, 18.3.2019); «А судьи кто? Дела крымских заключенных пересмотрят непереаттестованные украинские служители Фемиды» (newizv.ru, 16.7.2014); «А судьи кто? Почему служители закона матерятся и купаются в роскоши» (ria.ru, 21.2.2018); «А судьи кто? Стали известны главные арбитры ФОНБЕТ КУБКА МАТЧ ПРЕМЬЕР» (matchtv.ru, 14.1.2019); «А судьи кто? Скандальный гол-фантом «Питтсбурга» запомнят надолго» (sport-express.ru, 30.4.2018); «ЧМ-2018: А судьи кто? Ни один футбольный чемпионат не обходится без скандалов из-за судейства матчей, и предстоящий вряд ли станет исключением» (interessant.ru, 5.6.2018). С объектом апелляции тесно связана и сфера дискурса – криминальные просшествия и новости спорта.

С целью рекламы сельского туризма часто употребляется прецедентное высказывание «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» (IV, 14, с. 113) с субституцией последнего, топографического компонента «в Саратов» или с его усечением: «В деревню, к тетке, в глушь. В Ленобласть. Желание жителей мегаполисов хотя бы на время отдохнуть от шумного города и насладиться единением с природой уже давно эксплуатируется» (dp.ru, 29.7.2017); «В деревню, к тетке, в глушь. Особенности сельского туризма» (russiantraveller.ru, 1.2.2017); «Сельский туризм: в деревню, к тетке, в глушь» (derevnyaonline.ru). Преобладает первоначальное значение «уехать из шумного города в деревню, отдаленный регион» (Дулебова – Цингерова – Грчкова 2016, 23) с основной сферой медиального дискурса в региональных новостях: «Смотрите, кто идет! или В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» (kgd.ru, 28.6.2011); «В деревню, к тетке, в глушь! Жителям аварийных домов предложат квартиры в других городах» (uga.news.ru, 18.8.2015); «В деревню, к тетке, в глушь... Соглашение о строительстве детской деревни на Вологодчине подписано» (premier.region35.ru, 19.6.2007); «В деревню, в глушь. Двигается ли наш город в сторону цивилизации, или ползет в обратном направлении» (fn-volga.ru, 5.6.2018).

Нами приведенные примеры представляют лишь незначительную часть богатого фонда прецедентных высказываний, которым комедия «Горе от ума» по своей современной сути и является. Однако, на наш взгляд, именно они наиболее наглядно представляют способы презентации злободневных проблем русского общества в средствах массовой информации, благодаря своей вечной актуальности, краткости и

легкому запоминанию среди читателей. К наиболее распространенному способу их модификации в медиальном дискурсе можно, без сомнения, отнести субституцию, с которой мы в процессе нашего анализа встречались чаще всего, и одновременно можно констатировать и относительную частотность экспликации и импликации компонентного состава. Контаминация, судя по всему, является в случае прецедентных выражений сферы-источника русская литература, достаточно редким явлением. К наиболее ярко выраженным функциям анализируемых прецедентных выражений (а значит и имплицитным намерениям их ввода автором в текст) можно отнести, в первую очередь, функцию экспрессивную и оценочную, присутствующую практически во всех примерах. Частой является и функция эстетического воздействия, а также парольная, призванная подчеркнуть общность ментально-вербальной базы автора и читателя. Дискурсивная привязанность, как мы видим, довольно размыта, и практически любое из анализируемых прецедентных высказываний возможно использовать в случае дискурсивных событий в различных общественных сферах, что и является, по нашему мнению, одной из причин частого обращения авторов медиатекстов к популярным прецедентным выражениям литературного происхождения.

Данная статья подготовлена в рамках проекта KEGA *Vysokoškolská učebnica Kultúrne regióny Ruska v cestovnom ruchu* с регистрационным номером 052UK-4/2018.

Использованная литература / References

Печатные источники:

БОЯРСКИХ, О. С. (2008): *Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004 – 2007 гг.)*. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2008. 230 с.

ГРИБОЕДОВ, А. С. *Горе от ума*: Комедия. Москва: Детская литература. 1983. 172 с.

ГУДКОВ, Д. Б. (1999): *Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации*: автореф. дис. докт. филол. наук. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. 400 с.

ГУДКОВ, Д. Б. (2003): *Теория и практика межкультурной коммуникации*. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с. ISBN 5-94244-007-7

DULEBOVÁ, I.; Cingerová, N.; Hřčková, K. *Glosár ruských lingvovoreálií*. Bratislava: STIMUL, 2016. 170 s. ISBN 978-80-8127-163-2

DULEBOVÁ, I. (2016): *Idiolekt Putina ako zdroj precedentných výrazov súčasného ruského politického diskurzu*. In *Jazyk a politika: na pomedzí lingvistiky a politológie*. Bratislava: Ekonóm, 2016. s. 104 –116. ISBN 978-80-225-4292-0

ДЫМАРСКИЙ, М.Я. (2004): *Прецедентность и художественность*. In *Феномен прецедентности и преемственности культур*. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. с. 51-63.

КАРАУЛОВ, Ю. Н. (1987): *Русский язык и языковая личность*. Москва: Наука, 1987. 264 с.

КРАСНЫХ, В. В. (1997): *Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации*. In *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. №3. Москва. 1997. с. 62-85.

КРАСНЫХ, В. В. (2002): *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций*. Москва: Гнозис, 2002. 284 с. ISBN 5-94244-009-3

НАХИМОВА, Е. А. (2007): *Прецедентные имена в массовой коммуникации*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. 207 с. ISBN 5-7186-0238-X

ELIÁŠ, A. et al. (2016): *Podoby ruského umenia 19. a 20. storočia*. Bratislava: Univerzita Komenského, 2016. 308 s. ISBN 978-80-223-4038-0

Профиль автора:

Катарина Ялова, аспирант, магистр

Научные интересы: Катарина Ялова Она окончила философский факультет Университета им. Коменского в Братиславе по специальности «Русские и восточноевропейские исследования». С 2018 года является студенткой аспирантуры по специальности «Славистика». В своей диссертации занимается изучением употребления в современном российском медийном дискурсе прецедентных имен с источником в русской литературе.

e-mail: katarina.jalova@uniba.sk

Место работы: Университет им. Коменского в Братиславе, Философский факультет, Кафедра русистики и восточноевропейских исследований, Гондова 2, P.O.BOX 32, 814 99 Братислава, Словакия

Author's profile:

Mgr. Katarína Jalová, post-graduate student

Research interests: Katarína Jalová graduated from Faculty of Arts of the Comenius University in Bratislava specializing in Russian and East-European Studies. Since 2018, she is a post-graduate student of Slavonic Studies. In her dissertation, she studies the use of precedent names with a source in Russian literature in contemporary Russian media discourse.

e-mail: katarina.jalova@uniba.sk

Place of work: Comenius University in Bratislava, Faculty of Arts, Department of Russian and East-European Studies, Gondova 2, P.O.BOX 32, 814 99 Bratislava, Slovakia

АНТОНА ЧЕХОВА «УЛОВКА-22»

ANTON CHEKHOV'S 'CATCH-22'

Артур Садэцки

Резюме:

В настоящей статье предметом интереса является рассказ Чехова – «Жених и папенька». Автор создает пародию любовной интриги, точнее – схемы предложения. Встреча папеньки с женихом содержит перевернутую схему разговора – это папенька не замечает никаких препятствий для будущего брака, в то время как жених пытается доказать, что у него только одни недостатки. В конце произведения герой притворяется сумасшедшим, но врач не дает ему свидетельства, считая, что отказ от женитьбы – это признак здоровья. Таким образом рассказ содержит первый вариант логического парадокса, позже известного как «уловка-22».

Ключевые слова:

Чехов, предложение, сценка, уловка-22

Abstract:

The main focus of interest in this article is on Chekhov's short story titled 'The Bridegroom and the Papa'. The author creates here the parody of love intrigue, being the scheme of marriage proposal. The papa and bridegroom's meeting seems to be based on reversed scheme of conversation as it is the papa who sees no objections to the future marriage, and it is the bridegroom who endeavours to prove that he has nothing but flaws. In the end of the story the bridegroom fakes a mental illness, but the doctor refrains from giving him the medical certificate as for him having the objections to marriage is just a sign of health. Hence, this short story contains the first variant of logical paradox, called later 'catch 22'.

Keywords:

Chekhov, marriage proposal, sketch, catch-22

В творчестве Чехова, как известно, выделяются два основных этапа. Первый связан с выработкой литературных приемов во время сотрудничества автора с юмористической прессой. Второй, зрелый, характеризуется уже полным вниманием к литературной деятельности, которой в жизни писателя уступит даже медицина¹. Самая заметная разница – это количество произведений. До 1888 года возникают сотни «мелочишек», но уже в 1888 году автор делится с публикой лишь девятью рассказами. Впоследствии в современном литературоведении можно заметить интересное явление – если во всех «зрелых» совершенных произведениях Чехова открываются очередные новые смыслы, то рассказы первого этапа иногда вообще впервые появляются в работах

¹ В чеховедении можно встретить разные даты, определяющие границу этапов, к примеру 1886 год и письмо Григоровича, или 1888 год, когда появляется *Степь*, но каждая является условной, так как проза Чехова подвергается эволюции. Ее выработанные годами составляющие – это новый тип героя (средний человек), индивидуализация каждого отдельного случая, объективность («я рассчитываю на читателя»), и т.п. (Катаев 2011, 41-48).

исследователей. Оказывается, что даже в XXI веке Чехов – классик – способен удивить читателей «новым» текстом, а примером может послужить рассказ *Жених и папенька* (1885).

Жених и папенька занимает незаметное место в исследованиях, но вызывает интерес читателей² и часто появляется на сцене (например, школьной). Инсценировка рассказа на сцене возможна без всяческих препятствий, так как по жанру – это рассказ-сценка, т.е. «короткий юмористический рассказ, картинка с натуры, комизм которой состоит в передаче разговора персонажей» (Катаев 2011, 40). Многие произведения Чехова «первого этапа» пользуются таким приемом и традиционное сюжетное событие все чаще заменяется речевыми актами, диалогом (Jędrzejkiewicz 2000, 22). С течением времени «Чехов виртуозно овладел техникой „осколочной“ сценки и поднял ее до уровня большой литературы» (Катаев 2011, 40). В области «осколочного» жанра *Жених и папенька* – это несомненный шедевр.

Заглавие произведения точно определяет суть истории. Очередной раз Чехов обращается к широкой теме любви, особый интерес уделяя вопросу предложения. Молодой автор еще не написал в это время своей знаменитой шутки в одном действии *Предложение* (1888), но данная тема появилась уже в его творчестве, хотя бы в интересной и коварной истории *О том, как я в законный брак вступил* (1883). Характерно, что ни в одном из упомянутых произведений нет настоящего, чувствительного жениха и похожая ситуация повторится в сценке с папенькой. Но в данном произведении Чехов доводит «антиидеал» жениха до предела.

Жених Милкин на самом деле не имеет серьезных намерений. Все лето обедает у Кондрашкиных и приятно проводит время с одной из семи сестер – Настенькой. Удобная, но очень легкомысленная жизнь героя приводит к тому, что все общество, вместе с семьей Кондрашкиных, считает его именно женихом, хотя тот никогда не завел известного разговора. Милкин решает: «Схожу завтра объяснюсь с этим болваном Кондрашкиным, чтоб не надеялся попусту, и – айда!» (Чехов 1974-1982, т.4, 88). Оказывается, что отец семи дочерей отнюдь не является «болваном» и предстоящий разговор будет настоящим интеллектуальным вызовом.

Милкин выражает благодарность за гостеприимство и хочет проститься, говоря, что ему надо уезжать. Папенька удивляется, но, что характерно, не теряет времени на этикет и быстро определяет свой взгляд на отношения молодого человека с Настенькой: «Каждый день обедал, с Настей по целым ночам под ручку... да нешто все это спроста делается? Женихи только ежедневно обедают, а не будь вы женихом, нешто я стал бы вас кормить? Да-с! нечестно! Я и слушать не желаю! Извольте делать предложение, иначе я... тово...» (Чехов 1974-1982, т.4, 89). Герой раскрывает свои мысли и планы – как можно быстрее выдать замуж хотя бы одну дочку. Но при этом его намерения не являются двусмысленными – инвестиция в жениха должна принести прибыль (замужество) и, впоследствии, освободить два места за столом. Житейская мотивация

² См. отзывы читателей на портале Отзовик (Отзовик, онлайн).

становится причиной дальнейших переговоров, которые основываются на юмористическом изменении ролей. Перевернутая схема предложения ведет к тому, что это папенька будет сторонником замужества и станет приводить аргументы за, в то время как жених изо всех сил попытается освободить девушку (и самого себя) от брака.

Милкин обладает довольно богатым воображением и приводит, в общем, восемь причин, по которым он не годится в женихи. Важно, что герой, согласно перевернутой схеме, оценивает только самого себя, замечает только свои недостатки. Один лишь раз вспоминает о Настеньке, но и тогда не критикует невесту, замечая несходство характеров: «мы не сошлись убеждениями, взглядами» (Чехов 1974-1982, т.4, 89). Согласно *Правилам светской жизни и этикета* 1889 года, в которых отражены веяния эпохи, рост социальной роли и достоинства женщины – это серьезный аргумент: «Честность, взаимное влечение друг к другу и достаточная доза благоразумия с той и другой стороны – вот основные условия для жениха и невесты при выборе друг друга»³. Папенька, однако, успокаивается. Для него такие преграды не существуют: «Да душенька ты моя, разве можно найти такую жену, чтоб взглядами была на мужа похожа? [...]. Теперь взглядами не сошлись, а поживете, так все эти шероховатости и сгладятся...»⁴ (Чехов 1974-1982, т.4, 89). Наверное, отец Насти пользуется здесь своим жизненным опытом⁵ и жених понимает, что никакие общие замечания о природе брака не будут убедительны. Поэтому он приводит второй аргумент, теперь полностью личный: «я недостойн Настасьи Кирилловны... [...] Вы не знаете всех моих недостатков... Я беден...» (Чехов 1974-1982, т.4, 90). Если подбавить «субъективный элемент» в оценке персонажа, можно констатировать, что это лучший из всех его аргументов. Даже *Правила светской жизни...* после слов о взаимности чувств жениха и невесты, уже во втором предложении вспоминают о «заботах о материальном состоянии» (Астахова 2007, 83) в супружестве. К тому же папенька, как можно было заметить, прежде всего думает именно о деньгах. Но, к удивлению Милкина, Кирилл Кондрашкин быстро отвечает: «Пустое! Жалованье получаете и слава богу...» (Чехов 1974-1982, т.4, 90). Таким образом два основных, натуральных аргумента не оправдывают надежды жениха на спасение от брака.

С тех пор Милкин начинает придумывать менее правдоподобные препятствия. По мере того, как растет его отчаяние, они становятся все более странными. Его третий аргумент звучит резко: «Я... пьяница...» (Чехов 1974-1982, т.4, 90). Многократное свидетельство о том, что герой уже полностью обманывает, но папенька об этом знает: «Ни-ни-ни!.. Ни разу не видал пьяным!..» (Чехов 1974-1982, т.4, 90). А даже если это все-таки правда, ничего страшного: «Молодежь не может не пить... Сам был молод,

³ Текст *Правил светской жизни и этикета* 1889 года перепечатан в: (Астахова 2007, 83).

⁴ Именно так заканчивается любовная интрига в упомянутом выше рассказе Чехова *О том, как я в законный брак вступил*.

⁵ При этом можно считать его то ли реалистом, который приходит к таким выводам на основании своих отношений с женой, то ли человеком с устаревшими взглядами. Это выбор читателя, который «недостающие в рассказе субъективные элементы подбавит сам» (письмо Суворину 1 апреля 1890, Чехов 1974-1983, т.4, 54).

переливал через край. Нельзя без этого...» (Чехов 1974-1982, т.4, 90). Символом ощущения безысходности является мысль, которая в этот момент мелькает в голове жениха: «Не обманешь чёрта!» (Чехов 1974-1982, т.4, 90). Действительно, с его точки зрения, Кондрашкин – это настоящий *advocatus diaboli*.

Четвертая попытка Милкина звучит очень неубедительно: «Взятки беру...» (Чехов 1974-1982, т.4, 90) и папенька только ее высмеивает. Но уже пятый аргумент вызывает сильное впечатление. Жених заявляет: «Я... я состою под судом за растрату...» (Чехов 1974-1982, т.4, 90). Кондрашкин обомлевает и сам признает, что это серьезное препятствие. Из его реакции следует, что папенька не играет только в какую-то логическую головоломку, только действительно оценивает все аргументы. Когда еще узнает, что сумма составляет сто сорок четыре тысячи, почти сдается. Однако подумав немного, говорит: «если Настенька вас любит, то она может за вами туда [в Сибирь – прим. А.С] следовать. Что за любовь, ежели она жертв боится?» (Чехов 1974-1982, т.4, 90). Опять Милкин удивляется и думает: «Экий чёрт несговорчивый! [...] За нечистого готов бы дочку выдать, лишь бы только с плеч спихнуть» (Чехов 1974-1982, т.4, 90). Стоит задаться вопросом – прав ли жених в своей оценке. Если это правда, и Кондрашкин на самом деле готов выслать свою дочь даже в Сибирь, лишь бы сэкономить деньги, он стал бы простой литературной карикатурой отца. Однако более правдоподобно и интересно то, что папенька похож на Милкина. В отчаянии и он начинает обманывать и не доверяет до конца жениху (но все-таки видит, что это интеллигентный, довольно приличный, хотя еще безответственный человек). Такие герои приобретают более человеческий облик, они близки друг другу, хотя этого не замечают⁶.

Не удалось обмануть папеньку растратой, не удастся и угрозой суда за подлог. Кондрашкин уже спокоен: «Всё равно! Одно наказание!» (Чехов 1974-1982, т.4, 91). У Милкина остались только две идеи и они довольно абсурдны (ведь *«отчаяние – мать безумия»!*). *Определяя себя беглым каторжником, он шокирует бедного отца, который не был готов на такой поворот сюжета. Спасение близко, Кондрашкин страдает, почти отпускает гостя, но все-таки еще раз задумывается и приходит к выводу: «Теперь ведь вы честный человек, раскаялись уже давно... Бог с вами, так и быть уж, женитесь!»* (Чехов 1974-1982, т.4, 91). Жених уже на самом деле хочет бежать, но тогда мелькает ему в голове восьмой, последний аргумент: «Я... я сумасшедший, а безумным и сумасшедшим брак возбраняется...» (Чехов 1974-1982, т.4, 91). Папенька не верит. Его правильный суд вызван наблюдениями, которые тщательно характеризуют Милкина: «Сумасшедшие не рассуждают так логично...» (Чехов 1974-1982, т.4, 91). Разговор теперь зашел в тупик, но поскольку рассказ приближается к концу, а на поле брани стоят достойные противники, для разрешения конфликта нужен арбитраж. Папенька не хочет слушать жениха, но соглашается отпустить его раз и навсегда, если получит свидетельство от врача. Милкин обещает быстро принести документ.

⁶ В более позднем творчестве Чехова такое сближение «врагов» совершенно выразится хотя бы в образах героев *Палаты № 6* (1892) – Громова и Рагина.

Прежде чем приступить к анализу последнего эпизода, можно сделать несколько выводов. *Жених и папенька* – это идеальный пример юмористического рассказа-сценки. Источником развлечения являются интеллигентные, ловкие реплики героев и изменение ролей. В *Правилах светской жизни* написано: «Дело родителей – быть на страже интересов своего сына или дочери, и если родители твердо убеждены, что могущий состояться брак принесет их сыну или дочери одни материальные лишения, нужду и горе, они должны всеми силами стараться уговорить молодого человека или молодую девушку отказаться от него» (Астахова 2007, 83). Папенька очевидно стоит на страже своих собственных интересов и в разговоре ведет себя как жених; Милкин, в свою очередь, строг как отец. Эту специфическую карнавализацию дополняет сам жених – в своей собственной оценке он нарушает извечный образец мужчины: «традиционно социальная роль мужчины в русской семье – это роль главы семейства, защитника, покровителя, добытчика, кормильца [...]» (Сергеева 2008, 109). Смешна и материальная мотивация папеньки, но кажется, что свои стремления и надежды он все-таки основал на вере в солидность Милкина. Из его аргументации можно ведь вынести следующее: молодой человек получает жалование, не пьет, обычно ведет себя честно и у него заметен большой интеллект. В рассказе нет информации на тему любви, но Милкин сам признается, что ежедневно гуляет с Настенькой. Можно полагать, что причиной тому являются чувства. Таким образом остается главный вопрос – что мешает герою позаботиться о будущем вместе с любимой женщиной?

Ответ находится в эпилоге. Жених в связи со свидетельством не поступает честно – ведь идея психической болезни является вымыслом – и идет с просьбой прямо к своему приятелю-врачу. Спасение уже близко, но автор, с талантом настоящего юмориста, не позволит, чтобы такой великолепный поединок окончился простым обманом и «перехитрит хитреца». Приятель, доктор Фитюев, отличается от Милкина тем, что у него уже есть жена и связанные с этим стереотипные последствия. Друзья встречаются в момент, когда врач «поправлял свою куафюру после маленькой ссоры со своей женой» (Чехов 1974-1982, т.4, 92). Вероятно – это не первая ссора в жизни Фитюева и на основе пережитого у него сложился определенный взгляд на брачный союз. Поэтому, когда друг описывает свое горе и вспоминает о удостоверении, врач отвечает:

– Ты не хочешь жениться? – спросил доктор.

– Ни за какие коврижки!

– В таком случае не дам я тебе свидетельства, – сказал доктор, трогаясь за свою куафюру. – Кто не хочет жениться, тот не сумасшедший, а напротив, умнейший человек... А вот когда захочешь жениться, ну тогда приходи за свидетельством... Тогда ясно будет, что ты сошел с ума... (Чехов 1974-1982, т.4, 92)

Финал произведения содержит интересный и юмористический поворот сюжета. «Хитрец» не получит свидетельства и, вероятно, вступит в брак, который исполняет роль наказания. Другой выход – позорное бегство, о котором герой думал раньше – кажется

менее вероятным и слишком нечестным поступком. Но, несмотря на последствия, реплика доктора содержит ключ к интерпретации образа Милкина. Легкий тон помогает понять, что здесь Чехов опять обращается к стереотипу супружества и «похвале» холостой жизни. Главное – шутка остается шуткой; цель сценки – вызывать улыбку, смех, в свою очередь, жених – герой, который не требует сочувствия. Читатель не должен останавливаться на том, что у доктора была ссора с женой, что папенька в отчаянии из-за материальных лишений. Интересно другое – какие идеи приходят молодому человеку в голову, чтобы «выйти сухим из воды». Эта тема особенно интересна Чехову, и автор повторит ее в таком же самом контексте позже, в знаменитом рассказе *Неудача*⁷ (1886).

Отказ доктора основан на его отношениях с женой. Женщина не появляется в произведении, но рассказчику достаточно лишь вспомнить о «куафюре» мужа и ее жестокий образ становится вполне понятным – стереотипным и шутливым. Фитюев приходит к выводу, что супружество – это негативное, опасное явление, а стремление к негативу – это нелогический поступок. Так возникает универсальное правило, основанное на логическом парадоксе: избавиться от опасности (брачного узла) может тот, у кого выступают психические расстройства, но отказ от опасности – это доказательство логического мышления, то есть полного здоровья. Как ни странно, это правило звучит знакомо, ведь это... уловка-22!

В известном романе Джозефа Хеллера *Уловка-22* (*Catch-22*, 1961) сформулирован такой же самый логический парадокс, но, конечно, в совсем ином контексте и масштабе. У американского писателя взаимоисключающиеся логические правила касаются великих вопросов XX столетия – морали, войны и бюрократии. Главный герой романа, капитан Йоссариан, бомбардир, во время второй мировой войны пытается покинуть армию. Один из способов – это идея сумасшествия, но, как оказывается, кто-то предупредил героя и других солдат, которые пришли к такой мысли. Существует «уловка-22», то есть правило и общее доказательство, что отказ от опасности – участия в военных действиях – это признак здравого смысла. Военная бюрократия таким образом «перехитрила хитрецов» и предотвратила потерю многих сомневающихся в смысле войны молодых людей.

Сравнение обоих произведений, конечно, не имеет большего смысла, так как они совсем разные, и надо об этом помнить, пытаясь подвести итог. Но, все-таки, главный логический принцип – «уловка-22» – повторяется и у Чехова, и у Хеллера. Принимая во внимание то, насколько известным и важным стало определение «уловка-22» в XX веке, вплоть до идиомы, надо подчеркнуть, что в литературе такой врачебно-бюрократический парадокс сумасшествия и здравого смысла впервые появляется у Чехова. Все остальное – это уже разного масштаба отличия.

⁷ В этом рассказе «неудача» касается теперь родителей, которые, как и папенька, хотят свадьбы своей дочери, но ошибочно благословят молодых портретом Ивана Лажечникова. Жених, увидев ошибку, не упускает случая и бежит подальше.

Таким образом мы не пытаемся доказать талант или «пророческий смысл» Чехова. И без этого место писателя в мировой литературе давно известно и неоспоримо. Но важными кажутся два вывода. Во-первых, стоит включить рассказ *Жених и папенька* в неофициальный список шедевров первого этапа в творчестве Чехова. Другими словами – сценка должна чаще появляться в литературном дискурсе именно как отличный пример рассказа-сценки, в котором, вдобавок, можно найти ловкие, остроумные игры с литературными схемами, стереотипами и... самой логикой. Сравнение с романом Хеллера еще сильнее подчеркивает шуточный (но не горький, сатирический) характер произведения, в котором опасностью является – вместо войны – вступление в брак.

Во-вторых, *Жених и папенька* – это отличный пример рассказа, который со временем приобретает новый смысл. Здесь речь идет о широкой проблеме актуализации контекста. С одной стороны, каждое «большое» произведение готово к будущим интерпретациям, благодаря так называемым «универсальным ценностям». Можно, однако, назвать и другой вид актуализации – открытие новых значений, которое возможно лишь в историческом процессе. Один из лучших примеров в русской литературе – это *Обломов* (1859) Ивана Гончарова⁸. Такой смысл *Жених и папенька* приобретает благодаря роману Хеллера. Простая шутка входит теперь в широкий контекст рассуждений на тему правды и фальши, законов, манипуляции, ловкости, а также парадоксов мышления. К тому же может служить примером идеи, которая приобретает радикально разные пути развития в литературе. Можно полагать, что сам автор не предвидел такой актуализации, и, вероятно, поэтому не включил своего рассказа в полное собрание Маркса (Чехов 1974-1982, т.4, 479). Произведения «первого этапа» находятся на разном художественном уровне, и иногда нетрудно понять решение Чехова об отказе от своего текста. Однако вышеупомянутый рассказ *Неудача*, который содержит похожий мотив – вечного холостяка и хитрых родителей – в полное собрание произведений вошел. Все эти решения всегда уже будут, в какой-то степени, авторской тайной, но, как нам кажется, в случае *Жениха и папеньки* можно заключить, что Чехов слишком низко оценил свое произведение.

Использованная литература / References

Печатные источники:

АСТАХОВА Н. (ред.)(2007): *Правила вежливости и светского этикета*. Москва: Белый город, 2007. 272 с. ISBN 978-5-7793-1266-0.

КАТАЕВ В. Б. (ред.)(2011): *А. П. Чехов, Энциклопедия*. Москва: Просвещение, 2011. 696 с. ISBN 978-5-09-019741-0.

СЕРГЕЕВА А. В. (2008): *Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность*. Москва: «Флинта», «Наука», 2008. Изд. шестое. 320 с. ISBN 978-5-89349-626-0.

⁸ Традиционная интерпретация романа опирается, между прочим, на выводы Николая Добролюбова и широкую проблему «лишнего человека». Лишь с развитием психологии и медицины возник «синдром Обломова» и проблема «патологической личности», см. (Kowalczyk 2005, 165-175).

ЧЕХОВ А. П. (1974-1983): Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Письма в 12-ти томах. Москва: «Наука», 1974-1983.

ЧЕХОВ А. П. (1974-1982): Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения в 18-ти томах. Москва: «Наука», 1974-1982.

JĘDRZEJKIEWICZ A. (2000): *Opowiadania Antoniego Czechowa – Studia nad porozumiewaniem się ludzi*. Warszawa: „Studia Rossica”, 2000. 266 с. ISBN 83-903045-7-0.

KOWALCZYK W. (2005), Choroba Ilji Ilicza w powieści Iwana Gonczarowa „Obłomow”. In *Między literaturą a medycyną. Literackie i pozaliterackie działania środowisk medycznych a problemy egzystencjalne człowieka XIX i XX wieku*, ред. E. Łoch, G. Wallner. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2005. 582 с. ISBN 83-227-2434-9.

Онлайн-источники:

ОТЗОВИК (онлайн): *Книга "Жених и папенька" – Антон Чехов – отзывы* [онлайн]. Режим доступа: https://otzovik.com/reviews/kniga_zhenih_i_papenka-anton_chehov/ [дата обращения: 01.05.2019].

Профиль автора:

Артур Садэцки, ассистент, кандидат гуманитарных наук

Научные интересы: русская литература XIX века, творчество Антона Чехова, когнитивное литературоведение.

e-mail: artur.sadecki@poczta.umcs.lublin.pl

Место работы: Университет Марии Склодовской-Кюри ул. Plac Marii Curie-Skłodowskiej 520-031 Lublin (Люблин, Польша)

Author`s profile:

Artur Sadecki, assistant, doctor of humanities.

Research interests: russian literature of the XIX century, Anton Chekhov's literary works, cognitive literary studies.

e-mail: artur.sadecki@poczta.umcs.lublin.pl

Place of work: Maria Curie-Skłodowska University Plac Marii Curie-Skłodowskiej 5 20-031 Lublin, Poland

ВАГНЕРИАНСКИЙ СЛОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНЫ ГУРО (СВЕРХПОВЕСТЬ *БЕДНЫЙ РЫЦАРЬ*)¹

WAGNER'S LAYER IN WORKS OF YELENA GURO (SVERHPOVEST *POOR KNIGHT*)

Екатерина Мельничук

Резюме:

Материалом для наших исследований послужит сверхповесть Елены Гуро *Бедный рыцарь*. Ценность произведения заключается в том, что оно указывает метаморфозу состояния души главной героини – Эльзы (матери рыцаря „воздушного юноши”). *Бедный рыцарь* изображает духовный путь протагонистки к просветлению и преображению, открывает перед читателем тайну сакрального посвящения в любовь. Задача настоящего сообщения – исследовать проблематику присутствия Вагнера, автора Лоэнгрина, и его инспираций в творчестве Елены Гуро. Анализ и герменевтической интерпретации подвергаются отголоски рыцарского мифа в ее произведении. Указывается, что процесс инициации главной героини осуществляет известный культурный сценарий ритуала посвящения.

Ключевые слова:

Елена Гуро, Бедный рыцарь, сценарий посвящения, инициация

Abstract:

The material for our research will be Yelena Guro's sverhpovest - *Poor Knight*. The value of this work is that it points on state of mind's metamorphosis of Elsa (mother of the knight). The *Poor Knight* depicts the protagonist's spiritual way to enlightenment and transformation, reveals to the reader the secret of sacred dedication into love. The aim of this report is to investigate the problems of the presence of Wagner, the author of Lohengrin, and his inspirations in the works of Yelena Guro. The echoes of the chivalrous myth in her work are subjected to analysis and hermeneutic interpretation. It is indicated that the initiation process of the main character is carried out by the well-known cultural scenario of the ritual of initiation.

Keywords:

Yelena Guro, *Poor knight*, scenario of initiation, initiation

«Познание любовью не только отражает бытие вещей, –
оно отзвук самого акта их творения, потому что,
утверждая воспринятый мир, любовь высказывает
волю к бытию любимых, приемлемых ею вещей
и отраженно как бы повторяет и завершает самый акт их созидания.
Любовь к каждой данной вещи вторично создает ее,
потому что всякая вещь была призвана к бытию
Великой Любовью. Здесь мы подходим к религиозной тайне
о Любви творящей... »
(Кржижановский 1931, 20)

¹ Публикация статьи осуществляется при поддержке Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине в рамках гранта гуманитарного факультета.

Творческий путь Гуро начался в то время, когда русский символизм клонился к закату. Поэтесса и художница искала для себя новых путей в искусстве. Формирование ее художественных взглядов происходит в период особой заинтересованности и популярности в кругах русской интеллигенции творений Р. Вагнера. По мнению Э. В. Махровой: «Трудно себе представить просвещенного человека тех лет, который бы не знал творчество Вагнера и не дискутировал о нем в светских беседах. Русское искусство так называемого „Серебряного века“ немыслимо без Вагнера, без влияния его идей, без его пафоса служения искусству будущего и будущему человечества. [...] Самобытность русского „Серебряного века“ буквально вырастает из эстетической почвы, подготовленной немецким художником Рихардом Вагнером» (Махрова 2001).

Знаменательно, что в российском культурном сознании Вагнер присутствовал уже с 50-х годов XIX века. Первым почитателем таланта немецкого виртуоза был Александр Серов², который своими критическими статьями указывает России на творчество автора *Тангейзера* и *Лоэнгрина* (Малкиель, онлайн). Но настоящее вагнерианское оживление в России происходит в начале XX века³. Влияние творческой мысли Вагнера было огромным. Композитор ввел в литературный обиход неиспользованные ранее великие европейские мифы: «Я счел необходимым в качестве идеального поэтического материала указать на мифы, на возникшее в стародавние времена безымянное народное творчество, к которому снова и снова возвращаются великие почты культурных периодов; в мифах почти полностью исчезает условная, объяснимая только абстрактным разумом форма человеческих отношений, зато в них с неподражаемой конкретностью показано только вечно понятное, чисто человеческое, именно это и придает каждому подлинному мифу легко отличимый индивидуальный характер» (Вагнер 1978, 511). Вагнер указал на значение возврата к античной трагедии, которая была неразрывно связана с категорией мифа⁴. Что важно, одной из центральных идей творческих концепций автора *Лоэнгрина* была идея синтеза всех видов искусств. Как утверждал сам Вагнер: «Если бы сейчас снова стало обычным или модным правильное

² Приведем фрагмент одного письма А. Серова к Р. Вагнеру: «Ваш успех в России, хотя и несколько запоздавший, является событием огромной важности, как по своему образовательному значению, так и тому влиянию, которое он окажет на судьбы нашей музыкальной драмы...». См. „Journal de St. Petersbourg“ 1868, № 234, s. 123. После смерти Серова, Вагнер написал: «Для меня Серов не умер; для меня он живет ясно и отчетливо... Чем он был, тем он остается и останется: одним из благороднейших, высоких людей, каких можно себе представить, что делает для меня дружбу, которую он искренне питал ко мне, счастливейшим подарком моей жизни».

³ На тему Вагнера и России см.: С. Дурюлин, *Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства*, Москва 1913, А. Лосев, *Проблема Рихарда Вагнера в прошлом и настоящем*, «Вопросы эстетики» 1968, вып. 8; М. Цимборска – Лебода, *Dramat pod znakiem Dionizosa. Myśl estetyczna a poetyka gatunków symbolistów rosyjskich*, Lublin 1992; G. Bobilewicz, *Richard Wagner w myśli estetycznej i twórczości rosyjskich artystów przełomu XIX – XX w.*, [w:] *W kręgu literatury rosyjskiej*, red. E. Biernat, Gdańsk 1996.

⁴ По мнению Вагнера, трагедия — «это произведение народного художественного творчества, созданное в обстановке публичной политической жизни, и по ней мы легко можем судить, насколько отличаются друг от друга художественное творчество народа и литературная страпня, изготавливаемая в так называемых художественных кругах», см. Р. Вагнер, *Произведение искусства*, ук.соч, с. 198.

написание и произношение слова «сочинять» (tichten) вместо нынешнего «dichten», то, поставив рядом названия трех исконно человеческих видов искусств: танца, музыки, поэзии — Tanz-, Ton-, Tichtkunst, — мы получили бы наглядное представление о сущности этого триединства искусств благодаря аллитерации, исконно свойственной немецкому языку» (Вагнер 1978а, 195-196). Эти идеи нашли свое отражение в литературной и философской деятельности великих русских мастеров слова. Например у Вяч. Иванова, который усматривал в творчестве Вагнера концепцию дионисийского искусства: «Теоретик-Вагнер уже прозревал дионисийскую стихию возрождающейся Трагедии, уже называл Дионисово имя. Общины художников, делателей одного совместного «синтетического» дела — Действа, были, в мысли его, поистине общинами «ремесленников Диониса». Мирообъятный замысел его жизни, его великое дерзновение поистине были внушением Дионисовым. Над темным океаном Симфонии Вагнер-чародей разостлал сквозное златотканное марево аполлинийского сна — Мифа» (Иванов 1974, 83). Под влиянием идей композитора находились также Н. Бердяев⁵, А. Блок⁶, А. Белый⁷, В. Брюсов⁸, С. Н. Булгаков⁹.

Неоспорим тот факт, что мощное воздействие вагнеровской мысли на русскую культуру было обусловлено прежде всего большим успехом его театральных постановок. Здесь имеется в виду, несомненно, огромный интерес, который вызывали не только оперы *Парсифаль*¹⁰ или *Тангейзер*, но также *Лоэнгрин*: «[...] в вечер спектакля публика рвалась во все 20 подъездов Большого театра, сметая любые одушевленные и механические преграды. Без преувеличения, в зале оказалось народа раза в полтора больше, чем мест...», — вспоминает один из участников московской постановки спектакля в 1889 году, хормейстер К. Птица¹¹. Напомним, что вдохновение для сюжета

⁵ См. статьи Н. Бердяева: *Духовный кризис интеллигенции, Утонченная Фиваида, Ортодоксия и человечность*.

⁶ См. произведения А. Блока *Валькирия и Тристан и Изольда*.

⁷ См. статью А. Белого *Символизм как миропонимание* и стихотворение поэта *Серенада*.

⁸ В дневнике В. Брюсова с 20.12.1892 года читаем следующее: «За чаем сперва говорил поверхностно, но удачно, с Мар. Ив. даже очень красиво о символистах <...> Потом пришли Тумановы. Я заговорил о музыке, строил фразу на фразе, говорил, говорил, говорил. — Вот, ну, “Лоэнгрин”... Хотя он и стоит особняком среди гениальных строений своего автора (тихо И. Ал-у) — Кто его написал?

И.А. (тихо) — Вагнер.

Я... Но тем не менее сила таланта Вагнера и здесь волнует <?> во всей красоте. Вагнер не создал школы. Подражать ему невозможно — можно только удивляться, и т.д., и т.д.

Наградою мне был улыбающийся взор Е.А.».

⁹ С. Н. Булгаков, после прочтения книги Дурылина *Вагнер и Россия*, написал автору письмо, в котором философ выражает огромную благодарность за очерк о Вагнере: «... В Вагнере Вы подчеркиваете мифотворчество и тем сближаете его с Россией, и тому, что провозглашаете примат мифа. В явлении Вагнера мифотворчество есть ступень к теургии, каковой является по своему замыслу музыкальная драма...», С. Н. Булгаков, *Письма С. Н. Дурылину*, «Вопросы философии» 1990, № 3, с. 161.

¹⁰ См. G. Bobilewicz, *Richard Wagner w myśli estetycznej i twórczości rosyjskich artystów przełomu XIX – XX w.*, ук. соч., с. 107; Д. Оболенская, *Путь Парсифаля в сценических композициях Василия Кандинского*, [в:] *Światło i ciemność. Podróż inicjacyjna. Podróż metafizyczna. Podróż ezoteryczna*, ук. соч., с. 150.

¹¹ Цит. за Э. В. Махрова, *Русская культура с Вагнером или без него?*, ук. соч., с. 34.

своей оперы Вагнер искал в легендах и сказаниях о Лоэнгрине у народов Северо–Западной Европы. Упоминания об этом герое можно также найти в сказках братьев Гримм, в средневековом романе о Рыцаре-Лебеде, и прежде всего в эпосе *Парсифаль* Вольфрама фон Эшенбаха. Сам автор о своем творении писал следующее: «В *Лоэнгрине* я расставался со своим прошлым и намечал новый мир в будущем, мир, рисовавшийся мне все более и более, как прибежище от пошлости современного театра и оперы. Миф о Лоэнгрине в его простейших чертах – это истинное создание народной фантазии» (Вагнер 2014, 34).

Самоочевидно, что Гуро также находилась под влиянием концепции Вагнера. Справедливости ради стоит отметить, что особой, специфической чертой художественного достояния писательницы является синкритизм. И если Вагнер, говоря о триединстве искусства, имел в виду танец, музыку и поэзию, то Гуро предложила необыкновенно впечатляющий способ сочетания в одном произведении компонентов литературы, живописи и музыки. Подчеркнем, что печатные издания прозы, стихов и драмы Гуро *Шарманка*, *Осенний сон*, *Бедный рыцарь*, *Небесные верблюда* удивительным образом соединяют в себе словесный и изобразительный элементы (рисунки автора), а также, по мнению Е. В. Ломакиной, последний, из вышеупомянутых, сборник построен по канонам симфонии и «выступает как полижанровое образование, ибо состоит из синтетических жанровых единиц, связанных с музыкой и живописью» (Ломакина 2009, 7). Согласно же Е. В. Канищевой, такого рода синкретизм в русской литературе рубежа XIX – XX веков «позволяет говорить о таких феноменах, как „проза поэта“, „проза художника“ и др.» (Канищева 2016, 433). Более того, при анализе художественных текстов Гуро, т.к. *Осенний сон*, *Бедный рыцарь*, повышенный интерес вызывает способность автора в границах одного произведения сочетать элементы апокрифической и религиозной традиций, греческой мифологии, древнегерманской мифологии и средневековых рыцарских легенд¹². А данное сочетание традиций воплощается у Гуро в созданный ею миф о юноше-сыне¹³.

Явное свидетельство того, что романтическая опера Вагнера была хорошо известна писательнице, мы находим во фрагменте ее дневника 1902 года: «[...] Толстого читаю, и местами прямо неприятно читать, до того он пристрастен, что местами позволяет себе прямо выходки против искусства, например называя искусство <...> „господским“. Это, например, Сегантини, Миллэ – уже бесспорно принадлежащие к новой школе, эти певцы религиозного чувства, певцы труда в самом высоком смысле! А Левитан, а Эдельфельд, а Бетховен, а **Вагнер со своим Лоэнгрином**, значит тоже лишен религиозного чувства, т.е. высшего стремления к идеалу? Да еще вдобавок он, кажется, и творцов Возрождения валит в одну кучу, так что Микеланджело и Рембрандт оказываются тоже лишенными истинной глубины?» (Гуро 1995, 98). Кроме того, она

¹² Более подробно об этом в статьях М. Цимборской-Лебоды, З. Эндер, Н. Гурьяновой, Е. Тырышкиной, Е. Успенской, Е. Мельничук.

¹³ Больше в статье В. Н. Топорова, *Миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскресении в творчестве Елены Гуро*, [в:] *Серебряный век в России. Избранные страницы*, Москва 1993.

могла присутствовать на спектакле *Лоэнгрин* в Мариинском театре, который прошел два раза в 1911 году (4 февраля и 12 декабря) (Малкиель, онлайн). В этом контексте возникает потребность продолжения разысканий¹⁴. Отсюда задача настоящего сообщения – исследовать проблематику присутствия Вагнера, автора *Лоэнгрин*, и его инспираций в творчестве Елены Гуро; указать, что процесс инициации главной героини осуществляет известный культурный сценарий ритуала посвящения¹⁵.

Начать, пожалуй, стоит с имени главной героини: в *Лоэнгрине* и *Бедном рыцаре* – это Эльза. Однако, в отличие от вагнеровской Эльзы, возлюбленной рыцаря-Лебеда, героиня Гуро – это мать, отверженная и непонятая окружающими людьми, тоскующая по умершему сыну. Она завидует земным женщинам, имеющим сыновей из крови и плоти. Эльза с большим нетерпением ждет каждой следующей встречи с воздушным сыном:

«Но на другой день он не пришел к ней, хотя она ждала его и желала видеть и верила, что он должен к ней прийти на ее зов» (Гуро 1993, 147).

Важно отметить, что руководящей темой для своей повести-завещания Гуро выбрала именно отношения между матерью и сыном. Этот весьма известный сюжет, с одной стороны, отсылает нас прямым образом к мифам об Иокасте и Эдипе, об Эроте и Афродите, в которых героини были и матерями, и возлюбленными. И не случайно, в повести Гуро, сын-рыцарь обращается к Эльзе со словами: «возлюбленная моя» (Гуро 1993, 164). С другой же стороны, данный сюжет является олицетворением божественной материнской любви Богородицы к Сыну. Ниже приведем один из фрагментов первой части анализируемой повести:

*Свечи яркие пылают,
И пламя в небеса ангелами
Уносится.*

¹⁴ В качестве же инспираций послужило нам следующее суждение польской ученой М. Цимборской – Лебоды касательно многослойности произведения Гуро: «*Бедный рыцарь* Елены Гуро принадлежит к тому типу текстов, в которых, как это случается в сказках или мифах, „король никогда не бывает только королем, а пастушка пастушкой” – по меткому замечанию Леви Стросса, – Царь (Солнце) просто царем, Мать (Земля) просто матерью, аналогично – Рыцарь просто рыцарем. Это происходит потому, что слова в данном типе текстов „превращаются в материальные средства” для создания сложной смысловой системы, образованной сочетаемостью их прямых лексических значений и значений ассоциативных, возникающих из их соотнесенности с культурной и жанровой традицией. Ассоциативный характер значений и связь с предшествующими литературными текстами, выступающими в роли мотивирующих подтекстов, в произведении Гуро уже на уровне заглавного слова, которое отсылает к пушкинскому Рыцарю бедному, сервантовскому Дон Кихоту, князю Мышкину и другим прообразам», М. Цимборска-Лебода, *О поэтике Елены Гуро. «Бедный рыцарь»*, «Slavia Orientalis» 1993, т. XLII/1, с. 43.

¹⁵ В литературе посвященной *Бедному рыцарю* Мария Цимборска-Лебода, объясняя понятие рыцарства, указывает на категорию инициации, более того, ученая подчеркивает, что в самой структуре эзотерических текстов Гуро «нередко вписан ритуал инициации (или различного типа ритуализированные речевые формы), а предметом посвящения является именно любовь как тайна». См. М. Цимборска-Лебода, *Герменевтика любви. Проблема эротического сознания и эротического mimesis в творчестве Елены Гуро*, «Slavia Orientalis» 1999, № 2, с. 187.

*Не плачь, Благославленная,
Приблизилась дверь.
Оправдана слава,
И вот свершается.
Пламя, пламя свеч
Возвышается – поет тебе.
Свечи светлых елок Рождественных...
Вот свершается
Слава Сына Твоего (Гуро 1993, 174).*

Рассматривая же анализируемую нами повесть в контексте вагнеровского мифа о Лоэнгрине, где на первый взгляд неочевидные семантические связи становятся очевидными именно в контекстуальном пояснении вагнеровской традицией, смеем предположить, что Гуро создает миф не о сыне, а именно миф о любви, прототипом которого является сюжет о любовной паре, описанный Апулеем. Напомним, автор *Метаморфоз, или Золотого осла* соединил элементы древнегреческого мифа и фольклорных сказок для описания истории прекрасной любви бога Амура и Психеи. Несомненно, данный сюжет вписывается в рамки сказочной композиции, которая схожа со структурой волшебной сказки (Пропп 1998). Здесь имеются в виду постоянные элементы, т. н. «инварианты», описанные В. Проппом: запрет – нарушение запрета – испытание – счастливое окончание (Пропп 1998). Важно следующее, по мнению исследователя, эти элементы: «составные части композиции одинаковы для разных сюжетов. Они последовательно вытекают одна из другой и составляют некое целое» (Пропп 1998), более того, по тематике и структуре напоминают обряды посвящения: «Эти соответствия позволяют нам утверждать, что цикл инициации — древнейшая основа сказки. Все эти мотивы, взятые в целом, могут слагаться в бесчисленное множество самых разнообразных сказок» (Пропп 1998). Так например, в вагнеровском предании о любви Лоэнгрин и Эльзы, явным образом прослеживается мотив тайны, запрета и его нарушения. Героиня о своем возлюбленном говорит: «**Молчат твои уста!** – Ты весь окутан **тайной**, чудесен был твой путь...» (Вагнер, онлайн). Со своего рода приказанием запрета обращается рыцарь-Лебедь к Эльзе:

«Эльза, мужем твоим я буду,
Буду хранить родной твой край;
Ничто нас разлучить не может, –
В одном мне только клятву дай:
Ты все сомненья бросишь, –
Ты никогда не спросишь, –
Откуда прибыл я
И как зовут меня!» (Вагнер, онлайн)

Гуро же, создавая историю отношений матери Эльзы и ее воздушного сына, тоже вплетает в нее упомянутый выше мотив тайны и нарушения запрета. В этой связи уместно привести высказывание Михаила Бахтина: «один смысл раскрывает свои

глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим смыслом: между ними начинается как бы диалог» (Бахтин 1979, 400). К сверхповести *Бедный рыцарь* это относится в высшей степени, поскольку именно в ней заметно своего рода наслаивание, соприкосновение нескольких образов и мотивов. В некоторых фрагментах произведения Гуро можно угадать косвенные отсылки именно к романтической опере Вагнера *Лоэнгрин*. Напомним, что герой сверхповести Гуро – сын, воздушный юноша, бесконечно одинокий, страдающий рыцарь, униженный и оскорбленный, гонимый и духами зла, и людьми на земле, прибывает со специальной миссией – разделить с землей ее страдания, благовестить оживление всего живого в будущем, на Последнем Суде, и посвятить свою мать, земную женщину в таинство любви. Он окован некой тайной, а его внезапные появления и исчезновения весьма загадочны. Эльза пытается узнать кем же на самом деле является *воздушный юноша*, а в ответ слышит следующее:

«Многие высшие Духи отвергают меня, – отвечал ей бедный рыцарь, – и не знают, что во мне. Но есть Разум – он узнает меня и содержит меня. Может, тебе теперь будет понятно, что **я скрывать должен здесь, кто я, откуда я**» (Гуро 1993, 152).

И далее :

«Мама, мама, – как много хотел бы вам сказать, но **на губах печать безмолвия**, и сердце мое переполнено, но **губы мои сомкнуты**» (Гуро 1993, 160).

Можно также указать ряд других явственных перекличек между двумя произведениями. Подобно вагнеровскому сюжету, героиня Гуро близка к предательству, поскольку пытается нарушить запрет:

«И обидно ей стало, почему она **не может** показать его подругам и насладиться своей материнской гордостью.

... – Отчего **нельзя** мне, рыцарь,

Видеть вас при свете солнца?

– Отчего **нельзя** мне, рыцарь,

Ваши руки осязать?»

А в ответ от сына, воздушного рыцаря слышит:

«– Потому что рассказала –

Продала меня.

Рассказала – **отдала**,

Возлюбленная моя!» (Гуро 1993, 164).

Вспомним, что в сказке Аппулея своего рода подстрекателями к измене были сестры Психеи, вагнеровской Эльзе вливает в сердце яд сомнений Ортруда, а героиню Гуро мучали подозрениями ее подруги. Матери Эльзе удастся разгадать тайну сына, она постепенно открывает загадку его миссии на земле. Протагонистка проходит через ряд сомнений и искушений, и в конечном итоге рассказывает о бедном рыцаре своим подругам:

«И случилось в этот день, – мать рассказала:

И накатился **хомут** лошаденке на самую шею.

И все это видели и осуждали его» (Гуро 1993, 166).

Запрет нарушен, рыцарь должен быть наказан за то, что сошел в земное пространство:

«Ах родная, что Вы наделали! Я Вам выдал свои мечты, **мою тайну**. Ведь надо было беречь **вещи светлые** и мысли, как **белых** птичек, не давать их трогать грубо, любопытно и подозрительно. **Святое так нежно**, ему так легко сделать больно, мама! Как же Вы мои **святые радости** не поберегли» (Гуро 1993, 176).

Обращая особое внимание на определение тайны как чего-то светлого, белого, нежного, святого, радостного, можно утверждать, что у Гуро запрет приводит к сакрализации самого объекта запрета, т.е. к приобретению им особого священного статуса. Белый, светлый цвета являются визуальным проявлением сияния – символом духовной и сердечной чистоты, мудрости, сверхъестественного, божественного мира. Существенно, что образ сына Эльзы, воздушного юноши связывается с духовным рыцарством, с возрождением таких рыцарских ценностей как мужество, любовь, верность идеалу. «Надо быть чистой искренней душой, чтобы – стать рыцарем» (Гуро 1996, 285). Сам же мотив тайны, запрета, несомненно, вписывается в сценарий инициации, посвящения в любовь, которая становится: «орудием совершенствования, изменения пространственно-временных координат, познания безграничного» (Цимборска-Лебода 1999, 107). Сущность же тайны, если привлечь слова французского мыслителя Габриеля Марселя, состоит в ее выражении для другого человека, иначе говоря она не противопоставляет познающего познаваемому, «я» – «не я»: «Это как если бы в этой зоне потеряло свое значение различие между «во мне» и «передо мной»» (Марсель 1994, 66). Поэтому, познание ее – это всецело позитивное духовное действие, но доступна она будет не каждому. Расширяя контекст рассуждений, в этой связи уместно вспомнить популярное в эпоху модернизма стихотворение Гете *Блаженное томление*. Ибо в нем обнаруживается инициатический сценарий, раскрывается сокровенное значение мифа о любви, а более конкретно мифа об Эросе и Психее. В блаженном томлении Душа-мотылек устремляется ввысь, к свету высшего слияния, обручаясь и сгорая в огненном светоче божественного влюбленного Эроса. Процитируем фрагмент стихотворения:

«Скрыть от всех! Подымут
травлю!
Только мудрым тайну
вверьте:
Все живое я прослаблю,
Что стремится в пламень
Смерти...
Дух окрепнет, крылья прянут,
Путь не труден, не далек,
И уже, огнем притянут,
Ты сгораешь, мотылек» (Гете 1988, 18).

Тайное знание как нечто важное, сакральное, неразгаданное, постижимое не на рациональном уровне, может открываться только посвященным, способным к интеллектуальному и духовному напряжению. Гуро, описывая момент нарушения запрета, проникновения тайны к не мудрым, не посвященным, сравнивает их с чернью:

«Их же охватила гордость, презрение и неуважение, и они торжествовали вполне. [...] И в темноту и смрад открылись двери. Мысли их стали тесные и лукавые (и заползали в темноте и открылись туда двери). Им понадобилась в дверь в темноту, и они открыли ее. Там была их родина, и через отверстие потянулись **чернь** и смрад того жилища» (Гуро 1993, 189).

Вспомним в этой связи условное разделение человечества на копателей и хранителей тайны Демокритом: «Манящая в глубину тайна сокровенного делает всякого искателя истины – копателем, а нашедшего – хранителем» (Демокрит 2006, 56). Ценность тайны заключается в ее сакрализации (соотнесение со светом, с небом), поэтому она нуждается в защите, в сохранении. У Вагнера явным образом хранителем тайны Святого Грааля является Лоэнгрин, рыцарь Круглого стола, у Гуро – может не столь очевидно, функция хранителя тайны принадлежит воздушному юноше, рыцарю – Спасителю, посвященному (в сверхповести переплетаются две традиции: соотнесение с Христом и с Граалем).

Прослеживая же параллель схожести сюжета, построения композиции между двумя произведениями: *Лоэнгрин* и *Бедный рыцарь*, а конкретно похожий способ развития отношений между парами: Лоэнгрином и Эльзой, сыном-рыцарем и Эльзой, на мысль приходят слова из стихотворения *Психея* Вяч. Иванова:

Была ль мне **мать, жена** ль она, **сестра** ли,

Была ли **дочь**, –

Ах! было мне не вспомнить – и печали

Не превозмочь!

И скорбного влекла к ней безглагольно

Любви тоска:

Так сладостно была мне и так больно

Она близка (Иванов 1971, 700).

Суть в том, что в двух случаях, не зависимо от того какие отношения связывают/соединяют пары: у Вагнера – возлюбленные, муж и жена, у Гуро – мать и сын, героинь произведений объединяет тоска по любви. Эти два типа любви похожи и непохожи, схожи в своей несхожести. Вагнеровская Эльза, после нарушения запрета, теряет навсегда возлюбленного рыцаря-Лебедя. Осознавая трагический конец любви, безнадежность и бессмысленность существования без объекта вожделения, героиня: «в руках Готфрида падает на землю, бездыханная» (Вагнер, онлайн). Бедный рыцарь у Гуро перестает навещать свою мать, но она, в отличие от протагонистки Вагнера, «не печалилась, верила в его любовь и знала, что такая любовь – все запахи радостей земных, берез и смол, и тающих снегов, и содержит в себе все тепло и счастье мира, и что этой любовью сын любит ее» (Гуро 1993, 194).

Подытожим сказанное: литературные критики в образе Лоэнгринга улавливают черты художника, творца, который пришел исполнить свое божественно-художественное предназначение, а в облике его возлюбленной Эльзы – мир земной, материальный, требующий от того же художника раскрытия тайны создания художественного творения (Браудо 1922). Смеем предположить, что героиня повести Гуро – Эльза также является олицетворением земного мира, но это загубленный мир, который тонет в жестокости, равнодушии и безразличии. Он забыл о том, что такое красота, и о том, что есть любовь. Он забыл о присутствии Божьего света во всех живых существах. Сын-рыцарь напоминает об этом матери:

«Ведь правда, мать моя, кто не замечает красивое и не любит милое, близок он к жестокости? ... Надо заметить красоту, а то она опечалится! Будет чувствовать себя сиротливой. Ведь все должно принести плод и все нужно собрать. Тупому и злему все некрасиво, кроме украшений его тела... Горе тем, кто забывает о красоте – он близок тогда к жестокости. И мир, мамочка, живет любовью» (Гуро 1993, 149).

Образ же бедного рыцаря у Гуро, на наш взгляд, является символом искупления вины, своего рода символом возрождения. Это рождение заново в лучшей, идеальной форме. Воздушный рыцарь, наделенный небесной силой, с божественных высот нисходит на землю, чтобы освободить ее из оков беспмятности и лжи. Он пришел провозгласить и напомнить, что земля живет любовью, Божественной любовью.

*Так простертыми останемся
И прикованными навсегда
Вознесется к любви бессмертной
Освобожденная земля* (Гуро 1993, 194).

Использованная литература / References

Печатные источники:

БАХТИН, М. М. (1979): Ответ на вопрос редакции «Нового мира». In *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1979. 424 с. ISBN 9785458232029.

БРАУДО, Е. М. (1922): *Рихард Вагнер. Опыт характеристики*. Петроград: Светозар, 1922. 64 с. ISBN 5-235-03442-6.

БУЛГАКОВ С. Н. (1990): *Письма С. Н. Дурьлину*, In *Вопросы философии*. Москва: Наука, 1990. с. 161.

ВАГНЕР Р. (2014) *Моя жизнь*. Москва: Вече, 2014, 496 с. ISBN 978-5444420461.

ВАГНЕР Р. (1978) Музыка будущего, In *Избранные работы*. Москва: Искусство, 1978, 695 с.

ВАГНЕР Р. (1978) Произведение искусства, In *Избранные работы*. Москва: Искусство, 1978, 695 с.

ВАГНЕР Р. (1978) Искусство и революция, In *Избранные работы*. Москва: Искусство, 1978, 695 с.

ГЕТЕ И. В. (1988) Блаженное томление, In *Западно-Восточный диван*. Москва: Наука, 1988, 898 с. ISBN: 5-02-012704-3.

ГУРО Е. (1993) Бедный рыцарь, In *Небесные верблюжата*. Ростов – на – Дону: Издательство Ростовского университета, 1993. 288 с. ISBN 5-7507-0131-X.

ДУРЫЛИН С. (1913) *Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства*, Москва: Муссагет, 1913. 70 с. ISBN 978-5-93615-148-4.

ИВАНОВ ВЯЧ. (1974) Вагнер и дионисово действие. In *Собрание сочинений в 4 томах, том 2*. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. 500 с.

ИВАНОВ ВЯЧ. (1971) Психея. In *Собрание сочинений*. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. 872 с.

КАНИЩЕВА Е.В. (2016) Стиховые элементы в книге Е. Гуро „Небесные верблюжата”, In *Наука ЮурГУ. Материалы 67-ой научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук.*, Южный Уралъск: 2016, 500 с.

КРЖИЖАНОВСКИЙ С. Д. (1931) Любовь как метод познания. In *Поэтика заглавия*, Москва: Издательство писателей «Никитинские субботники», 1931, 32 с.

ЛОМАКИНА Е. В. (2009) *Жанровое своеобразие сборника Елены Гуро „Небесные верблюжата”*: дис. ... канд. филол. Наук, Самара 2009, 215 с.

МАРСЕЛЬ Г. (1994): *Быть и иметь*, Москва: Агентство "Сагуна", 1994. 160 с. ISBN: 5-7593-0032-6.

ПРОПП В. (1998): *Исторические корни волшебной сказки*. Москва: Лабиринт, 1998. 352 с.

ЦИМБОРСКА-ЛЕБОДА М. (1993): *О поэтике Елены Гуро. Бедный рыцарь*, In *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1993. 230 с. ISSN 0037-6744.

ЦИМБОРСКА-ЛЕБОДА М. (1999): *Герменевтика любви. Проблема эротического сознания и эротического mimesis в творчестве Елены Гуро*. *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1999. 215 с. ISBN 0037-6744.

GURO E. (1995): *Selected Writings from the Archives*. Sweden: SCOP AB-Bratts Tryckeri, 1995. 134 с. ISSN 91-22-01688-0.

Онлайн-источники:

ВАГНЕР Р. (онлайн): Лоэнгрин [<http://wagner.su/node/306>]. Режим доступа: [05.03.2019].

МАХРОВА Э. В. (онлайн): Русская культура с Вагнером или без него?. In *Рихард Вагнер и Россия*. Санкт – Петербург: РГПУ им. А.И.Герцена, 2001. Режим доступа: [23.04.2019].

МАЛКИЕЛЬ М. (онлайн): *Рихард Вагнер и его оперы на сцене Императорской русской оперы (Мариинского театра)* [<http://wagner.su/node/187>]. Режим доступа: [11.02.2019].

Профиль автора:

Екатерина Мельничук, магистр.

Научные интересы: русская литература XX века, проблематика агапэ, творчество Елены Гуро.

e-mail: katiarnielniczuk@gmail.com

Место работы: Университет Марии Кюри-Склодовской ul. Plac Marii Curie-Skłodowskiej 5 20-031 Lublin, Polska

Ekaterina Melnichuk, master degree

Research interests: russian literature of the 20th century, agape issues, Elena Guro's work.

e-mail: katiarnielniczuk@gmail.com

Place of work: Maria Curie-Skłodowska University Plac Marii Curie-Skłodowskiej 5 20-031 Lublin, Poland

КРИПТОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ «ВСЕЯСВЕТНАЯ ГРАМОТА»: СТРАТЕГИИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СТОРОННИКОВ

CRYPTOLINGUISTIC THEORY “VSEJASVETNAJA GRAMOTA”: INTERNAL MECHANISMS OF ENGAGING PEOPLE

Повстьева Карина Юрьевна

Резюме:

Данное исследование посвящено анализу постсоветской криптолингвистической теории А. Ф. Шубина-Абрамова «ВсеЯСветная Грамота». В нем изучается антропологический аспект данной теории, а именно вопрос — Почему концепты альтернативной истории, построенные на основе изучения природы языка, охватывают огромную аудиторию последователей? Другими словами, почему народ становится увлеченным альтернативной национальной версией истории родного языка и верит в ее истинность? В этой работе были выявлены несколько основных механизмов воздействия на людей, которые могут быть эффективным способом привлечения их интереса к концепту «ВсеЯСветной Грамоты». Важным, в первую очередь, является нарратив спасительной тайны, доступной только посвященным. Адепты учения представляют «Грамоту» как единственную истинную грамоту человечества, способную уберечь мир от катастрофы — эта конфронтующая риторика представляется важнейшим способом привлечения сторонников. Вторым механизмом является ярко выраженный адептами протест против устоявшейся интерпретации языковых явлений: главными его индикаторами является сакральное отношение к языку (включая апелляцию к трансцендентному) и наделение его перформативной функцией. Этот подход характеризуется невозможностью верифицировать языковую легенду. Следовательно, провозглашение такого восприятия языка поддерживает в обществе тягу к «детавтологизации действительности» и ее мифологизации, а также способствует восполнению интеллектуального дефицита аудитории. Кроме того, важным представляется конспирологический пафос концепции: адепты поддерживают в народе ощущение обмана со стороны профессиональных ученых в области истории как славянских языков в частности, так и славян в общем. Этот квази-исследовательский протест, благодаря которому «ВсеЯСветная Грамота» провозглашается единственной истинной теорией, также является средством для расширения круга сторонников. В дополнение к основной части исследования криптолингвистическая теория была проанализирована через концепцию «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона. Опираясь на нее, можно предположить, что «ВсеЯСветная Грамота» предстает как внеличностная репрезентация нации.

Ключевые слова:

ВсеЯСветная Грамота, криптолингвистика, славяне, альтернативная история, вовлечение, конспирация, конфронтация, нация

Abstract:

This research is devoted to deep analysis of post Soviet cryptolinguistic theory “VseJasvetnaja Gramota”. The narrow aspect of this concept which is studied in this paper is the following anthropological question: Why do people become attracted by some concepts of alternative history regarding a language and believe in their verity? Several mechanisms of people’s engaging were revealed in the context of analyzed theory in order to answer this question. Firstly, adepts of “VseJasvetnaja Gramota” use the narrative of life-saving mystery that only initiates are aware of. They represent theory as the only veritable alphabet that can save the world from the catastrophe — this confrontational rhetoric can serve as the main mean to make people be engaged in

supporters' circle. The second mechanism is the strong opposition of analyzed theory against the traditional interpretation of any language phenomenon: the main indicator of this contraposing is the sacral attitude towards a language including the appeal to the transcendence and the assigning of performative function to a language. This appeal engenders impossibility to verify denoted semantic frame and, consequently, fulfills strong wish of society to "mythologize" the reality and compensates for intellectual deficit of people. The third strategy considers conspiracy pathos of the conception that reveals itself by the following statement of theory's adherents: professional scholars gloss over the "real" history about the Slavs in general and the Slavic language in particular. This explicit proclamation of "VseJasvetnaja Gramota" as the veritable theory opposed to academic studies encourages people to be involved in the circle of initiates. The additional point of this paper is the application of concept "Imagined communities" created by Benedict Anderson to the analyzed theory — in terms of this scholar "VseJasvetnaja Gramota" can serve as extrapersonal conception of a nation.

Keywords:

VseJasvetnaja Gramota, cryptolinguistics, Slavs, alternative history, engaging people, conspiracy, confrontation, nation

1. История националистической конспирологии

Изобретение традиции, термин, созданный исследователем Хобсбаумом (цит. по: Laruelle 2008, 284), применим к широко распространенной как на Западе, так и в России, тенденции появления теорий, предлагающих альтернативное объяснение исторических явлений. В Европе предпосылкой для их создания был повышенный интерес ученых к религиям Нового Времени и восточным религиям (Laruelle 2008, 284). В данном исследовании будет рассматриваться российский, а именно, постсоветский дискурс об альтернативной истории, поэтому важно наиболее детально выявить историческую базу для его возникновения. Исследовательница Марлен Ларюэль утверждает, что основа для возникновения широкого националистического дискурса была заложена еще в Советском Союзе (Laruelle 2008, 284). Внушение чувства национальной гордости и насаждение морали «нового советского человека» могли стать основой для «создания традиции» так называемого неоязычества. Действительно, были возрождены некоторые славянские языческие ритуалы, «Велесова книга» стала восприниматься как истинный источник древнего праславянского языка. По примерам, приведенным Ларюэль, можно заметить, что даже профессиональные ученые, проводившие исследования, в которых восхвалялось прошлое великой Руси, поощрялись властями. Например, за книгу «Ремесло древней Руси», в которой язычество представлялось содержащим в себе черты коммунизма, а христианство осуждалось в оправдании классовой сегрегации, академик Борис Рыбаков получил Сталинскую премию (Laruelle 2008, 286). Кроме того, получали государственную поддержку исследования, целью которых было доказать, что славяне являлись предками индоевропейцев. Таким образом, можно судить о том, что советские историографические теории были включены в арийский нарратив. Он помогал легитимизировать статус Советского Союза как «империи», присваивающей все большее количество земель. Таким образом, поддержание националистических исследований, превращающихся впоследствии в конспирологические теории и соответствующих направленности партийной политики, велось государством для

наиболее эффективного внедрения в жизнь народа националистической политики властей.

В период перестройки поле националистических идей расширилось, и начали создаваться группировки, директивы которых отличались радикальной расовой нетерпимостью. В частности, Виктор Безверхий, глава ленинградского «Союза волхвов», нелегально распространял листовки «Mein Kampf». Как утверждает Ларюэль, это было причиной пристального надзора за ним со стороны КГБ (Laruelle 2008, 286). Влияние союза, несмотря на это, было настолько широким, что в дальнейшем группировка была разделена на три сообщества «белых», «черных» и «золотых Венедов». Политизация деятельности «Союза волхвов» не была единичным явлением, существовало еще несколько крупных организаций, отличающихся политической радикальностью. Она часто подкреплялось теоретической основой, которую составляли труды западных интеллектуалов-мистиков, в большей мере, теософия Е. Блаватской и учения немецких и австрийских ариософов (Laruelle 2008, 289). Кроме того, для создателей националистических организаций важным являлся телесный аспект — ярко выражен их интерес к восточным понятиям кармы, энергетического поля, йоги. Эта многоуровневость националистических концептов является явным доказательством желания адептов возвысить постулируемую идеологию до уровня официальной политики. Ларюэль отмечает, что стремление достичь господства для каждой группировки может проявляться по-разному: некоторые адепты могут преследовать цель создать сообщества сверхлюдей путем физических и моральных упражнений, самые радикальные расистские группировки желают достижения полного господства белой расы (Laruelle 2008, 287).

После распада СССР националистический дискурс охватывает религиозные споры о православной церкви. Главным тезисом националистов становится восприятие православия как религиозного течения, проистекшего из язычества, а не противопоставляющего себя ему. На фоне такой интерпретации религиозной истории православная церковь представляется своего рода защитой от западных врагов.

В дальнейшем полем для неоязыческих дискуссий становится церковнославянский язык, таким образом происходит создание основ для постсоветской криптолингвистики¹. Объектом для отстаивания великого языческого прошлого для славян церковнославянский язык становится, как утверждает Беннетт в своем исследовании (Bennett 2011), в связи с появлением в русском языке заимствований. Язык церковной службы, в отличие от разрушающегося русского, является символом нетронутого истинного языка славянского народа. В буклетах, листовках, содержащих церковнославянский алфавит, буквы описывались как знаки, отсылающие к трансцендентной реальности. Таким образом националисты мистифицировали природу языка и, кроме того, редуцировали его коммуникативную

¹ Термин *криптолингвистика* введен исследователем В. Н. Базылевым и определяется как непрофессиональные рассуждения о скрытых смыслах языка (Базылев 2012).

функцию. Националистический подход к историографии церковнославянского языка позднее сменился тенденцией изучать русский язык похожим образом. Создатели криптолингвистических теорий начинают предлагать свои альтернативные языковые теории, эксплицитно выражая свою уверенность в разрушении русского языка «врагами нашего отечества».

Наиболее популярной криптолингвистической теорией в постсоветской России является «ВсеЯСветная Грамота» (далее — «ВГ»), которая и является объектом данного исследования. В рамках статьи изучается, в первую очередь, антропологический аспект данной теории, а именно вопрос — Почему концепты альтернативной истории, построенные на основе изучения природы языка, охватывают огромную аудиторию последователей? Почему народ становится увлеченным альтернативной национальной версией истории родного языка и верит в ее истинность? В работе были выявлены несколько основных механизмов воздействия на людей, которые могут быть эффективным способом привлечения их интереса к концепту «ВГ». Важным, в первую очередь, является нарратив спасительной тайны, доступной только посвященным. Адепты учения представляют «ВГ» как единственную истинную грамоту человечества, способную уберечь мир от катастрофы — этот аспект конфронтующей риторики может являться важнейшим способом привлечения сторонников. Очень ярко также выражен протест адептов против устоявшейся интерпретации языковых явлений: главным индикатором этого протеста является сакральное отношение к языку (включая апелляцию к трансцендентному). Оно порождает невозможность верификации семантической рамки. Провозглашение такого восприятия языка поддерживает в обществе тягу к восполнению интеллектуального дефицита, к «детавтологизации действительности». Важнейшим признаком такого подхода является невозможность верификации языковой легенды. Кроме того, важным является конспирологический пафос концепции: адепты поддерживают в народе ощущение обмана со стороны профессиональных ученых, и этот квази-исследовательская оппозиция также является средством для расширения круга сторонников. Таким образом, протестный пафос и секретность представляются основными концептами, на которых строится конфронтующая риторика «ВГ» для вовлечения людей в круг ее последователей.

2. «Секретность» «ВсеЯСветной Грамоты» для построения конфронтующей риторики

2.1. Мистификация истории языка

Как уже было указано выше, для данного исследования важно выявить механизмы, которыми пользуются адепты «ВГ» для привлечения внимания людей к их концепту. Исторические предпосылки для возникновения теории, следовательно, необходимо обнаружить в высказываниях или в текстах создателей «Грамоты». Наиболее репрезентативным источником для изучения данного аспекта был фильм, посвященный теории «ВГ» под названием «Шаг за горизонт» (Шубин-Абрамов 1995). Он представляет собой нарезку из видеосюжетов, в которых создатель «Грамоты» А. Ф.

Шубин-Абрамов, рассказывает о «Буковнике». «ВсеЯСветный Вселенский Буковник» — это основной документ-доктрина «ВГ», азбука, в которой представлен древнейший мировой алфавит (буквы в нем называются *буковы*). «Грамота», по словам Шубина-Абрамова, появилась 7502 года назад. Тогда 147-буквенная азбука предназначалась для учителей и 102-буквенная — для школьников (Шубин-Абрамов 1995). Конкретность даты появления и детализация структуры «Грамоты» на начальном этапе ее развития настраивает аудиторию на восприятие адептов как серьезных исследователей, сумевших проникнуть в тайны человечества в эпоху шумерской цивилизации или даже до ее возникновения. Несмотря на отсутствие упоминания о шумерах в речи Шубина-Абрамова, установление такой даты все же может быть связано с этим сообществом, потому что наиболее спорной сферой интересов ученых является вопрос о ее технологическом развитии. Шубин-Абрамов, в свою очередь, мог поставить вопрос также об уровне интеллектуального развития этих народов.

Создатель «Грамоты» уверенно утверждает, что «ВГ» была введена как «шпаргалка для отупевающего человечества» (Шубин-Абрамов 1995). На вопрос, каким образом она появилась, Шубин-Абрамов ответил, что она пришла как «ВсеЯСветное знание», «принцип восхождения от Аз до Од» (Шубин-Абрамов 1995). Таким образом, история появления теории намеренно мистифицирована и затемнена, что порождает невозможность верификации. На лингвистическом уровне процесс затемнения значения выражается тотальной десемантизацией, о чем пойдет речь в следующей главе.

Шубин-Абрамов утверждает, что, когда 147-буквенная азбука была урезана слишком сильно, природа уничтожила человеческую цивилизацию (Шубин-Абрамов 1995). Однако «ВсеЯСветное знание» не было потеряно окончательно, и последующие цивилизации сохранили его. Интересны названия этих цивилизаций — Атлантида, «светотканная», «бульонная», «арийская» — они очень показательны для того, чтобы сделать вывод о включенности нарратива о «ВГ» в область исторического мифотворчества.

Важно упомянуть один из тезисов Ларюэль о том, что главным мотивом для возникновения ново-языческих теорий является потребность переписать историю с углублением в национальный фольклор (Laruelle 2008, 298). Создатель же «ВГ» пытается переписать историю русского народа, основываясь на альтернативном понимании истории всего мира. Важно обратить внимание на то, что в 60-80-е годы XX века зафиксирована волна интереса к славянскому этногенезу и поискам прародины славян (Левкиевская 2012). Увлечены этим были, очевидно, и создатели «Грамоты», но отправной точкой для них служило именно мистическое представление об истории, из которого исходила их концепция национального. Одним из возможных ответов на вопрос, почему такое переосмысление оказалось востребованным для русского народа, может лежать в особенностях «работы» с феноменом нации в общем.

2.2. Феномен нации в контексте «ВсеяСветной Грамоты»

В XX веке установившееся в предшествующую эпоху понятие нации нивелируется, и создается конструктивистская концепция, утверждающая, что нация — конструкт, придуманный теми, кто «пишет о своей нации» (Тесля 2018). Потому очевидно, что в эту же эпоху наблюдается волна появления националистических историографий.

Релевантной оказывается теория Бенедикта Андерсона о «воображаемых сообществах», в которой главным тезисом является понимание нации как социального воображаемого. Объясняется это восприятие тем, что каждый представитель нации не может знать всех других ее представителей, однако он чувствует общность с ними. Именно вырабатывание этого чувства общности и есть та сфера, в которой развивается деятельность адептов «ВГ». В своей работе Андерсон приводит пример памятника неизвестному солдату, представляющему «сына нации» (Тесля 2018). Наличие его поддерживает в обществе веру во внеличностную единую для всех представителей нации репрезентацию ее самой, то есть в единство нации (Тесля 2018). «ВсеяСветную Грамоту» также можно считать таким внеличностным концептом, служащим для поддержания идеи «всемирной нации».

Боярин Шубин-Абрамов позиционирует себя как современного хранителя тайного знания и, по его словам, он решился обнародовать «Грамоту» с целью «оставить людям разум» (Шубин-Абрамов 1995). В его речи часто встречаются угрожающие высказывания, а именно «люди должны продолжать дело Бога-Содержателя, либо вымереть, грубо говоря, подохнуть», «люди должны быть дочерьми и сыновьями Бога-творца» (Шубин-Абрамов 1995). Очевидно, что Шубин-Абрамов строит гипертрофированные бинарные оппозиции, которые являются наиболее продуктивным способом построения конфронтующей риторики. Они являются средством «запугивания» для людей и потому заставляют их принять способ, предлагаемый адептами теории.

3. Языковая риторика: протестный «пафос» концепции на уровне языковых средств

3.1. «Трансцендентная этимология»

От описания общих стратегий построения конфронтующей риторики необходимо перейти к конкретным ее репрезентациям на лингвистическом уровне. «Буковник» предлагает трактовку языковых явлений, резко противоположную традиционному подходу, артикулированному Ф. де Соссюром (Соссюр 1999). Утверждение Соссюра состоит в том, что биполярными характеристиками *означающее* и *означающее*² обладает только словоформа, буква составляет лишь часть *означающего* и не может вызвать «акустический образ». Последователи же «ВГ» выявляют у буквы эти

² В терминологии Соссюра *означающее* (*signified*) — это значение слова, образ, выраженный словом. Под термином *означающее* (*signifier*) Соссюр подразумевает *акустический* образ, другими словами, репрезентацию значения слова, его внешнюю оболочку, воспринимаемую слухом собеседника (Соссюр 1999).

биполярные характеристики. Важно отметить, что ими предлагается альтернативное «истинное» написание *буковы (означающего)*, контрастирующее с современным «упрощенным» начертанием ее в алфавите. Адепты выявляют у буквы особенное сакральное значение (*означаемое*), которое в соседстве с другими языковыми знаками образует выражение, являющееся «истинным» смыслом слова. Таким образом, например, расшифровывается значение слова *Русь*. Адепты предлагают следующее «истинное» написание этого слова (Шубин-Абрамов 1995):

РХСЬ.

Первая буква, по словам автора, обозначает *Семя Древа Мысленного*, или спинной мозг. Интересно, что часто последователи теории апеллируют к телесному аспекту при описании значения буквы. Для них ее форма может представлять какую-либо часть человеческого тела. Эта характеристика сближает «ВГ» с восточной духовной медициной, элементы которой содержатся во многих националистических теориях, как было сказано во введении. Этимология второй буквы возникла из представлений создателей «Грамоты» об ее форме Y-хромосомы. Она обозначается понятием *Небесные Люди*. Буква *с* — это *Знак Единения Небесных и Земных Сил*. Основное значение для формирования общего смысла слова *Русь* имеет последняя буква, обозначающая *Создание Новых Вселенных*. Это выражение и является общим смыслом анализируемого слова. Не всегда последователи теории следуют принципу отождествления смысла какой-либо буквы со значением слова в целом. Зачастую они складывают все получившиеся в результате декодирования значения букв и выстраивают из них отдельное предложение, раскрывающее смысл всего слова. Как очевидно следует из этого описания, изначальная этимология слова *Русь* совершенно разрушена. Вместо этого воздвигается искусственный конструкт на базе основной идеологии «ВГ», признаками которой является сакральное значение слова, связывающее «ВГ» с трансцендентным миром, из которого она «пришла» к людям.

Значения букв следуют иррациональной и произвольной стратегии, позволяющей любую букву описать на основе имеющегося арсенала понятий, связанных с трансцендентностью. Обобщенный в ходе исследования этимологический материал, использованный адептами теории для толкования букв «ВГ», служит явной репрезентацией круга внеситуативных значений идеологии «Грамоты».

Наиболее частыми оказываются понятия *Космос*, *Новосотворенная Твердь*, *Многомерное Восхождение*, *Глубинный Жизнестрой*, *Концентрат Жизненных Сил*, *Пространственно-Временная Континуумальная Ступень*. Характерной чертой всех этих понятий является абстрактность, непроницаемость значений. Тамбовцева выявляет калькирование и заимствование некоторых из этих понятий: например, слово *Жизнестрой*, по словам исследовательницы, образовано по примеру сложения греческих слов и является аналогом распространенной лексемы *богостроительство*, обозначающей русское марксистское философское течение (Тамбовцева [в печати]: 11). Исследовательница видит сходство используемых в текстах «Грамоты» понятий с лексикой эзотерических философских и научных учений на русском языке: «Результатом

подобной «ономатетической» деятельности по конструированию языка очень часто становится определенный тип сложений, представленный в процитированном фрагменте словами «первосмыслы» и «жизнестроительность», и широко представленный равным образом в науке, философии и эзотерических сочинениях на русском языке» (Тамбовцева [в печати]: 10). Тамбовцева также выявляет сходство между каббалистической традицией и «ВГ» на основе апелляции к трансцендентности при расшифровке значений букв (Тамбовцева [в печати]).

В пользу нетранспарентности нарратива свидетельствует, помимо семантических характеристик букв и словоформ, междисциплинарный характер «ВГ»: в некоторых своих рассуждениях адепты приводят математические формулы, помогающие им «объяснить» какой-либо тезис: «Если же УЧесть Связовые (-Дюжевые) УМощнения на ПВКСах, то по Реально Математическому Обоснованию ПервичноПОТелесного Структуризирования НовоВосходящих, получаем для Концентраторов Вселенных следующее:

$$7 \times 4 \times (Y \text{ или } X) I(10) = 280,$$

а для Полнотностного по БогаРодичности:

$$8 \times 4 \times 10 = 320; \text{ и } 8 \times 5 \times 10 = 400$$

и далее $8 \times 10 \times 10 = 800$ и т.д.

Но Сказанное Слово - не Есмь ИстТИна, а должно РОДИТЬ НОвое!» (Всеясветная Грамота, онлайн)

Эта цитата является ярким примером полной десемантизации высказывания: смысл фразы совершенно затемнен, а формулы еще больше затрудняют ее восприятие, а не способствуют расшифровке. Можно сделать вывод о том, что нарратив сводится к «абракадабре», то есть, в определении Тамбовцевой, «знаковой пустоте», которая здесь характеризуется апелляцией к данному свыше значению (Тамбовцева 2018).

Именно принцип апелляции к данному свыше знанию как главный способ интерпретации языковых явлений служит важнейшим способом, благодаря которому люди вовлекаются в круг посвященных — необходимость простого принятия на веру всех положений «Грамоты» вместо попыток найти рациональное объяснение выражена эксплицитно, и именно поэтому люди не пытаются найти иные пути, а следуют «логике» адептов.

3.2. Графическое изображение языковых единиц

«Трансцендентальная этимология» как главенствующий принцип теории «ВГ», кроме репрезентации значений языковых единиц, диктует также правила графического начертания. Помимо предлагаемого последователями «истинного» способа написания букв русского (или же «ВсеЯСветного») алфавита (см. слово *Русь*) графическая дидактика также проявляется в правильном использовании прописных и строчных букв.

Тамбовцева отмечает важность написания с прописной буквы ключевых для адептов слов, как, например, указанные выше понятия *Космос*, *Новосотворенная Твердь*, *Многомерное Восхождение* и т.п. Иногда в написании одного составного слова используется несколько заглавных букв, как, например, в названии теории «ВсеЯСветная

Грамота». Эмфаза благодаря заглавным буквам свидетельствует о любительской направленности деятельности лингвистов (Тамбовцева [в печати]), и пример «ВГ» определенно встраивается в эту концепцию. Как объясняют сами последователи, это начертание помогает подчеркнуть равнозначность нескольких слов, составляющих сложное, и сделать смысл этого слова понятным для читателя. Таким образом, можно предположить на примере названия теории, что выделенными оказываются слова *ВсеЯ*, архаичное церковнославянское заимствование, подчеркивающее значимость теории для религиозной традиции; *Светная* — прилагательное от слова *свет*, означающее *мир*, в данном контексте *человечество*. Слово *Грамота* следует общей традиции написания всех значимых слов с заглавной буквы. Таким образом, можно легко вывести смысл этого слова: «грамота всего человечества».

Однако если этимологический разбор этого слова не представляется сложным, то из-за нетранспарентности подавляющего большинства других понятий заглавные буквы не только не разъясняют, но еще более затемняют смысл слов, что может быть продемонстрировано на примере слова *СфероДержава*. Оно входит в состав словосочетания *СфероДержава «Великая Русь»*, соответствующее, в свою очередь, аббревиатуре *СД СВР*. Такая многослойность понятий, которыми оперируют adeпты теории, является еще одной ключевой стратегией, затемняющей смысл слова на уровне формы. В этом случае смысл конструкта *СфероДержава* с помощью рациональной логики необъясним, а также немотивированно и создание аббревиатуры. Однако adeпты «Грамоты» убеждены, что люди могут постигнуть «трансцендентальный» механизм этимологического анализа.

Эмфаза с помощью заглавных букв противопоставляется adeптами написанию строчной буквы слов, имеющих негативное значение. Так, например, отрицательной семантикой обладают слова *иудей* и *иврит*. В одной из бюллетеней «ВГ» о необходимости использования свастики было сказано: «СчастьеЗащитную Свастику жаждет забить иудей» (Всеясветная Грамота, онлайн, бюллетень 75). В «Буковнике» буквы, по форме напоминающие модифицированные свастики, составляют значимую часть «ВсеЯСветного» алфавита. В той же бюллетени свастики называются спасителями Земли и «ЖизнеЗащитой Людей». Тема фашистской идеологии продолжается и в последующих бюллетенях и радикализуется следующим заявлением: «Рассуждать о фашизме — это рассуждать о Единстве, если употреблять Слова не по-иудски, т.е. если беречь по-Людски» (Всеясветная Грамота, онлайн, бюллетень 77). Если применять к фашизму в контексте «ВГ» терминологию, относящуюся к социализму, можно было бы назвать способ трактовки этого явления, выраженный в вышеприведенной цитате, как «фашизм с человеческим лицом». Непонятно, какой из аспектов идеологии оправдывается последователями, возможно, только дискурс вокруг этого явления, однако, в любом случае, способ интерпретации фашизма и его атрибутов (свастик) в бюллетенях «ВГ» представляется явно противопоставленным господствующему способу операционализации этого понятия.

Из-за отрицания свастик, в бюллетенях неизменно пишущихся с заглавной буквы, иудеи представляются врагами, ведущими мир к уничтожению. Кроме того, они вводят в оборот букву *s*, соответствующую латинской *s*. Эта буква наделяется теми же коннотациями, что и те, кто ее внедрил. В фильме Шубин-Абрамов определяет эту букву как «знак злобы» (Шубин-Абрамов 1995). Строчное написание и буква *s* являются комплементарными характеристиками, наделяющими слово отрицательным значением. В вышеуказанном фрагменте о фашизме слово *иудски* имеет в своем составе эти два главных элемента, определяющих его отрицательный смысл. Также, например, оказывается идеологически (имея в виду идеологию «ВГ», стоящую за этими явлениями) окрашенным имя Зевса. Графически это выражается теми же двумя элементами: буквой *s* и строчным написанием начальной буквы: «Свастикой Глаголевой вылечили печень Прометея, которую чуть подпортили... слуги *севса*». Слово *слуги*, в отличие от двух других с негативной семантикой, имеет два варианта написания в зависимости от контекста (так, например, словоформа *слуга* пишется согласно общепринятым нормам в контексте «слуги Бога»). Вариативность коннотаций, следовательно, определяется контекстом, в котором используется понятие.

Таким образом, оценочная характеристика слова в текстах «ВГ» может выражаться с помощью противопоставления строчной и заглавной букв, а также букв *s* и *c*.

Необходимо также упомянуть еще один графический аспект, который становится полем для эксплицитного противопоставления подхода сторонников «ВГ» и господствующей тенденции. Буквы, по словам адептов, являются объемными субстанциями, и именно такими они представлялись в древних рукописях. Умение читать буквы, имеющие несколько граней, у современных людей исчезло. Пространственные *буковы* заменились плоскими языковыми знаками. Лишь проникнув в тайное учение о «ВГ», люди могут вернуть себе возможность читать *буковы* «истинным» способом.

Все вышеописанные характеристики, которые должны быть приняты как единственно верные будущими последователями теории, следуют отказу адептов от общепринятых графических норм и объясняют оправданность нового способа толкования софистическими умозаключениями. 4. Конспирологический пафос концепции «ВсеЯСветной Грамоты»

Лингвистическая дидактика и интерпретация языковых явлений, которую предлагают последователи «ВГ», равно как и используемые для их описаний понятия определенно не вписываются в дискурс какой-либо схожей по теме научной концепции. Важно отметить, что адепты «ВГ» сами эксплицитно объявляют ее теорией, противопоставленной устоявшемуся в научном сообществе способе толковать историю славянского языка и славян в целом. Они убеждены в том, что ученые утаивают от народа «истинные» исторические факты об истории славян и их языка. Эта выраженная оппозиция высказывания отражает общую направленность фолк-лингвистического

воздействия на языковую политику страны, выраженную исследователем Д. Ю. Полиниченко (Полиниченко 2010).

«Дискредитация оппонентов» представляется исследователю общей стратегией всех фолк-лингвистических учений, причем субъектами дискредитации могут считаться как академические концепции, так и конкретные личности и институты. Автор выделяет несколько приемов дискредитации: «некомпетентность, консерватизм, слепое следование авторитетам, идеологическая ангажированность, служение врагам русского языка, русского народа и «подлинной истории» (Полиниченко 2010). Интересно, что аспект некомпетентности наделяется адептами теории «ВГ» положительными коннотациями: они чувствуют любительскую направленность своей деятельности, однако не видят в ней причину для фальсифицирования своих утверждений. По их мнению, «дилетант» — это «дважды блаженный человек» (Шубин-Абрамов 1995). Он гораздо более счастлив, нежели все остальные, и это может служить оправданием его деятельности. Авторы теории, таким образом, предупреждают ее фальсификацию. Однако это предупреждение, апеллирующее к уровню счастья, является наивным и показывает научную несостоятельность умозаключений, выраженных в теории.

В перечне Полиниченко убежденность в следовании профессиональных ученых деятельности «врагов отечества» представляется основным способом дискредитации оппонентов. Так, в речи Шубина-Абрамова часто встречается выражение «враги нашего Отечества»: к ним он относит как русских императоров, например, Петра I (который называется *сблудком* из-за того, что он отказался от противопоставления букв *s* и *c*); так и лингвистов, втолковывающих народу лживые представления о языке. Кроме того, врагами, отнявшими у людей разум, объявляются политические деятели-социалисты и олигархи: «Эти свнуки Троцкого-Бронштейна, Ренштейна, Финкельштейна, Неймана, Эльцина, Зеленского и т.п. сползли на территорию СвятоРусья, оккупировав ЖизненноВажные Центры Последнего» (Всеясветная Грамота, онлайн). Принцип составления данного перечня невозможно объяснить рационально, потому что отношение этих людей к уничтожению языка не очевидно. Можно предположить, что адепты теории следуют стратегии протестного движения без какой-либо идеологической рационализации. Оно объявляет несостоявшейся господствующую государственную идеологию на всех уровнях. Такая убежденность в многоуровневой конспирации позволяет с уверенностью утверждать, что для создателей важно представить свою теорию как «вызов», о чем утверждает в своей статье Богданов: «Убеждение в заговоре ученых, утаивающих правду об историческом прошлом, предсказуемо порождает идеи и тексты, сама новизна которых осознается как вызов и социальная позиция» (Богданов 2014).

Иногда создатель теории не называет конкретные имена «врагов», как, например, в следующем высказывании: «То, что написано в сказках, — было, но усердно забитая врагами нашего Отечества» (Шубин-Абрамов 1995). Отсутствие соотнесенности с конкретным лицом порождает у слушателя возможность самому придумать пример, и

произвольность лингвистического толкования как главный принцип «ВГ» дополняется произвольностью семантического наполнения общих ключевых понятий.

4. «Секретность» и протестный пафос «ВсеяСветной Грамоты» как основа построения конфронтующей риторики

Ключевым в разговоре о концепте «ВГ» является вывод о том, что представления о языке «адаптированы» под важнейший наказ: квази-трансцендентная реальность слов соответствует квази-трансцендентной реальности жизни, доступ в которую может получить человечество, если оно осознает, что проникновение туда — единственный способ избежать мировой катастрофы. Такими словами можно кратко описать «ядро» теории «ВГ». Из этого определения следует вывести основные механизмы, на которых основывается техника адептов по привлечению внимания людей к теории: концепт секретности и протестный характер рассуждений. Создатели «Грамоты» эксплицитно провозглашают свою теорию тайным учением, благодаря которому мир непременно будет спасен от катастрофы. Кроме того, адепты открыто противопоставляют себя научному сообществу, провозглашая силу в «дилетантизме» своих умозаключений. Оппозиционная направленность их суждений проявляется на разных дискурсивных уровнях: дискурс об истории появления теории представляется вписанным в традицию «исторического мифотворчества» с выраженным националистическим аспектом, выраженным идеей глобальной нации. Применение к концепту «Грамоты» понятия Бенедикта Андерсона «воображаемые сообщества» дает возможность предположить, какую роль может играть «ВГ» в рамках теории нации. Она может быть представлена репрезентацией единой человеческой нации в силу своего всемирного охвата.

Также оппозиционность проявляется при лингвистическом анализе, многоаспектность которого также является ярким признаком ее тотального характера. Во-первых, это убежденность в наличии трансцендентального начала у букв, сводящегося к полной десемантизации и невозможности рационального этимологического анализа. Во-вторых, это особенное графическое изображение букв, следующее нерациональной стратегии объяснения.

Убежденность в сокрытии профессиональными учеными правды об истории славян, также активно пропагандируемая последователями теории, углубляет оппозиционный аспект данной теории. Апелляция к авторитетным личностям служит, в первую очередь, продуктивным инструментом противопоставления своей концепции совокупности профессиональных теорий.

Указанные выше механизмы вовлечения людей соответствуют когнитивным паттернам, по которым люди оказываются заинтересованными какой-либо информацией. Важнейшим для утверждения концепта секретности как соотносящегося с каким-либо видом когнитивной практики служит следующее утверждение социолога Коку фон Штукрада: социальный капитал секретности, привлекает людей «извне», даже если им известен лишь факт, что есть секрет, который может быть рассказан (Stuckrad 2010). Это согласуется с высказыванием другого социолога Зиммеля, который

утверждает, что секретность поддерживается лишь фактом, что она может быть преодолена (цит. по Stuckrad 2010). Таким образом, «секретность» представляется неотъемлемым аспектом социальных практик. Актуальность тайны в этой связи играет огромную роль: «ВГ» поднимает вопрос национальной идентичности, актуальность которого неоспорима. «Секретность» в совокупности с востребованностью затрагиваемых тем составляют основу для продуктивного вовлечения людей к концепту «ВГ».

«Секретность» данной теории пересекается с мистификацией представлений о языке и жизни людей в целом. В этом аспекте криптолингвистика вписывается в ряд эзотерических практик. Эзотерическое знание представляется посвященным хранящим правду о мире, и «ВГ» является ярким примером такого рода убежденности. Причина востребованности таких знаний с «презумпцией истинности» среди народа может объясняться следующим высказыванием исследователя Константина Богданова (Богданов 2014): он утверждает, что люди склонны мифологизировать реальность, включать в нее новые смыслы, другими словами, «детавтологизировать» жизнь. «ВГ» благодаря апелляции к трансцендентной подоплеке языка и истории человечества удовлетворяет эту склонность.

Таким образом, можно утверждать, что люди склонны верить в то, что правда содержится в секретных доктринах, а не в официальных теориях. Они привыкли видеть себя обманутыми профессиональными учеными, и легкость фальсификации официальных концепций, провозглашаемая адептами криптолингвистических теорий, способствует активному «включению» общества в круг посвященных. Именно благодаря устойчивости такого недоверчивого восприятия официальных теорий криптолингвистические концепции являются актуальными по сей день. Они удовлетворяют желание общества постигнуть истинное сакральное знание, о котором умалчивают «обманывающие» народ официальные доктрины.

Использованная литература / References

Печатные источники:

БАЗЫЛЕВ В. Н. (2012): *Криптолингвистика*. Москва: Флинта, 2012. 277 с. ISBN 978-5-9765-1481-2.

БОГДАНОВ, К. А. Раса, Россия, бог Ра и этруски (2014): Этимологическая география. In *Переменные величины. Погода русской истории и другие сюжеты*. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 73-95. ISBN 978-5-444-80188-8.

ПОЛИНИЧЕНКО Д. Ю. (2010): Политические мифологемы фолк-лингвистики. In *Политическая лингвистика*. - № 4(34). - Екатеринбург, 2010. С. 196-203.

СОССЮР, Ф. де. (1999): *Курс общей лингвистики*. Пер. с франц. А. Сухотина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 432 с. ISBN 5-7525-0689-1.

ТАМБОВЦЕВА, С. Г. (2018): Воображаемый алфавит Всеясветной грамоты: эзотерическое учение и телесные практики. In *Материалы конференции «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика»* (Санкт-Петербург, 22- 24 марта 2018 г.). СПб: ЕУ СПб, 2018. С. 89-91.

ТАМБОВЦЕВА, С. Г. [в архиве автора]: ВсеяСветная Грамота: Неопубликованная статья.

ТАМБОВЦЕВА, С. Г. [в печати]: Каббалистическая герменевтика и утопическая компаративистика ВсеяСветной Грамоты. In *Государство, религия и церковь в России и за рубежом*. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

BENETT, Brian P. (2011): *Religion and language in post-Soviet Russia*. L.: Routledge, 2011. 186 p. ISBN: 978-0-203-81843-5

LARUELLE, Marlene. (2008): Alternative identity, alternative religion? Neopaganism and the Aryan myth in contemporary Russia. In *Nations and Nationalism*. - vol. 14, no. 2. - Blackwell Publishing Inc, 2008. pp. 283-301.

STUCKRAD, K. von. (2010): Locations of Knowledge in Medieval and early Modern Europe: Esoteric Discourse and Western Identities. In *Brill Studies in Intellectual History*. - vol. 186. - Leiden & Boston: Brill, 2010. 242 p. ISBN: 978-90-04-18423-7

Онлайн-источники:

ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е. Е. (онлайн): FAQ. Реконструкция праславянской культуры. *postnauka.ru* [онлайн], 2012. Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/86> [дата обращения: 12.05.2019].

ТЕСЛЯ, А. А. (онлайн): Конструктивистские концепции нации [лекция]. *postnauka.ru* [онлайн], 2018. Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/87042> [дата обращения: 14.05.2019].

ШУБИН-АБРАМОВ, А. Ф. (1995): ВсеяСветная Грамота [фильм]. Youtube [онлайн], 22 июня 2015. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=qZmAdWuh7Uk> [дата обращения: 20.05.2019].

ВСЕЯСВЕТНАЯ ГРАМОТА [онлайн]: *Всеясветная Грамота* [онлайн]. Режим доступа: <http://всеясветнаяграмота.рф/> [дата обращения: 04.06.2019].

Профиль автора:

Повстьева Карина Юрьевна, студент-бакалавр, 3 курс

Научные интересы: культурная антропология, сравнительное литературоведение

e-mail: kpovsteva@gmail.com

Место работы: НИУ ВШЭ СПб, Санкт-Петербург, Россия

Author's profile:

Povsteva Karina, bachelor, 3d year

Scientific interests: cultural anthropology, comparative literature criticism

e-mail: kpovsteva@gmail.com

Place of work: HSE SPb, Saint Petersburg, Russia

Prague Russian Studies 2019: a reviewed collection of contributions from a conference held on 29th of May 2019, Prague

Editor: Jakub Konečný

Publisher: Charles University - Faculty of Education

Published: 2019

Edition number: 1

Pages: 155

ISBN: 978-80-7603-111-1